

*Российская академия наук
Институт Соединённых Штатов Америки и Канады*

США & Канада

ЭКОНОМИКА – ПОЛИТИКА – КУЛЬТУРА

Научный и общественно-политический журнал

2022

№ 5 (629)

Май

Основан в январе 1970 года

Выходит 12 раз в год

ISSN 2686-6730

Журнал издаётся под руководством

Отделения глобальных проблем и международных отношений РАН

Главный редактор

А.Н. ПАНОВ

Редакционная коллегия:

В.Н. Гарбузов (ИСКРАН, Москва, Россия); П.С. Золотарёв (ИСКРАН, Москва, Россия); Е.Г. Комкова (ИСКРАН, Москва, Россия); К.И. Косачёв (Совет Федерации Федерального Собрания РФ, Москва, Россия); С.В. Лавров (МИД РФ, Москва, Россия); Л.Ф. Лебедева (ИСКРАН, Москва, Россия); В.П. Лукин (Совет Федерации Федерального Собрания РФ, Москва, Россия); М.Г. Носов (Институт Европы РАН, Москва, Россия); О.Г. Овчинников (ИСКРАН, Москва, Россия); А.Н. Панов (МГИМО, Москва, Россия); А.А. Пороховский (МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия); **М.А. Портной** (ИСКРАН, Москва, Россия); С.М. Рогов (ИСКРАН, Москва, Россия); С.А. Рябков (МИД РФ, Москва, Россия); В.Б. Сулян (ИСКРАН, Москва, Россия); Т.А. Шаклеина (МГИМО, Москва, Россия); Том Грэм (Ассоциация Киссинджера, Нью-Йорк, США); Пан Давэй (Шанхайская академия общественных наук, Шанхай, КНР); Нобуо Симотомаи (Университет Хосэй, Токио, Япония) Анжела Стент (Джорджтаунский университет, Вашингтон, США); Кадзухико Того (Университет Киото Сангё, Киото, Япония).

Номер готовили:

В.С. Аничкина; В.С. Ахонина; М.Ю. Белецкая; А.Л. Коровина; О.Б. Кузнецова;
Е.К. Рогольская (заведующая редакцией); А.С. Степанов.

Москва

© Российская академия наук, 2022
© Институт США и Канады РАН, 2022
© Редколлегия журнала «США & Канада»
(составитель), 2022

*Russian Academy of Sciences
Institute for the U.S. and Canadian Studies*

USA & Canada

ECONOMICS – POLITICS – CULTURE

2022

No. 5 (629)

May

Published since January 1970

Monthly Publication (12 Times a Year)

ISSN 2686-6730

*The Journal is published under supervision of the Department of Global
Problems and International Relations of the RAS*

Editor-in-Chief

A. PANOV

Editorial Board:

V. Garbuzov (ISKRAN, Moscow, Russia); P. Zolotarev (ISKRAN, Moscow, Russia); E. Komkova (ISKRAN, Moscow, Russia); K. Kosachev (Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation, Moscow, Russia); S. Lavrov (The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia); L. Lebedeva (ISKRAN, Moscow, Russia); V. Lukin (Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation, Moscow, Russia); M. Nosov (The Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia); O. Ovchinnikov (ISKRAN, Moscow, Russia); A. Panov (MGIMO, Moscow, Russia); A. Porokhovskii (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia); M. Portnoi (ISKRAN, Moscow, Russia); S. Rogov (ISKRAN, Moscow, Russia); S. Ryabkov (The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia); V. Supyan (ISKRAN, Moscow, Russia); T. Shakleina (MGIMO, Moscow, Russia); Thomas Graham (Kissinger Associates, Inc., New York, USA); Pan Dawei (Shanghai Academy of Social Sciences, Shanghai, China); Nobuo Shimotomai (Hosei University, Tokyo, Japan); Angela Stent (Georgetown University, Washington, D.C., USA); Kazuhiko Togo (Kyoto Sangyo University, Kyoto, Japan).

Moscow

© Russian Academy of Sciences, 2022

© Institute for the U.S. and Canadian
Studies (ISKRAN), 2022

© Editorial Board of "USA & Canada"
(compiler), 2022

Содержание

2022, № 5 (629)

Супян В.Б. Экономика Байдена: итоги первого года.....	5
Хлопов О.А. «Особые отношения» США и Великобритании при Д. Трампе и Дж. Байдене.....	20
Шведова Н.А. Семья в США сегодня: «Выбор был сделан за нас».....	34

Идеи и концепции

Васильев В.С. США: на пути к цифровому империализму.....	50
---	-----------

На актуальную тему

Кочегуров Д.А. Австралия & США: два подхода к нелегальной миграции.....	68
--	-----------

Комментарии, Заметки

Кирчанов М.В. Политика памяти в современном Квебеке.....	86
---	-----------

Размышляя над прочитанным

Рожков А.А. Влияние внутренней политики США на формирование российско-американских отношений.....	98
Шумилина И.В. О парадоксе интеграции мигрантов: рассуждения без софизма.....	112
Информация для авторов	127

Публикуемые материалы отражают точку зрения авторов, которая может не совпадать с мнением редколлегии журнала.

Любое использование публикаций журнала в коммерческих целях, включая перепечатку или перевод на иностранные языки, без письменного согласия редакции не допускается.

Ссылка на журнал при цитировании или частичном использовании текста публикаций обязательна.

Contents

2022, No. 5 (629)

Supyan V.B. Biden's Economy: Results of the First Year of Presidency.....	5
Khlopov O.A. Special Relationship of the US and the UK under Trump and Biden.....	20
Shvedova N.A. The U.S. Family Today: "They Made a Choice for Us".....	34

Ideas and Concepts

Vasiliev V.S. USA: Towards Digital Imperialism.....	50
--	-----------

The Current Discourse

Kochegurov D.A. Australia & USA: Two Approaches to Illegal Migration.....	68
--	-----------

Notes, Comments

Kirchanov M.V. The politics of Memory in Contemporary Québec.....	86
--	-----------

Readers' Deliberations

Rozhkov A.A. The Influence of U.S. Domestic Policy on Shaping Russian-American Relations	98
Shumilina I.V. About the Paradox of Migrants Integration: Reasons without Sophism	112

УДК 330.33.01

DOI: 10.31857/S2686673022050017

EDN: GQJLTW

JEL: O1; O4; E24; E31; E6; H5; H54; L6;

Экономика Байдена: итоги первого года

В.Б. Супян

Институт США и Канады Российской академии наук (ИСКРАН)

Российская Федерация, 121029 Москва, Хлебный переулок, д. 2/3

ORCID: <http://0000-0001-8819-3940>

e-mail: vsupyan@yahoo.com

Резюме: Статья анализирует итоги экономического развития США после первого года пребывания в Белом доме президента Дж. Байдена. В ней, в частности, показаны основные макроэкономические результаты в 2021 г. и оценены перспективы на 2022 г. и ближайшую перспективу. Так, хотя первый год Байдена в Белом доме прошёл под знаком продолжавшейся пандемии коронавируса, многие экономические результаты выглядят весьма положительными. За минувший год в стране было создано более 6,2 млн новых рабочих мест, занятость выросла на 4,5%, уровень безработицы сократился до 3,9%.

Наиболее впечатляющим среди результатов минувшего года был экономический рост. Прирост ВВП в 2021 г. составил 5,5%, самый высокий показатель с 1976 г. Позитивную динамику демонстрировала биржа – заметно выросли показатели всех биржевых индексов – «Доу Джонса», «НАСДАК», «Стэндрт энд Пурс».

С другой стороны, в стране обострилась проблема инфляции – за 2021 г. она демонстрирует необычно высокий рост за более чем 40-летний период – до уровня в 7%. Это связано с предшествующим пандемическим кризисом, разрывом логистических цепочек, с резким увеличением государственных расходов в условиях борьбы с последствиями пандемии. Продолжился рост государственного долга, причиной которого стало увеличение бюджетного дефицита страны. Среди негативных факторов развития – низкий уровень экономической активности трудоспособного населения страны, который пока не вышел на предкризисный уровень.

В течение первого года президентства Дж. Байдена обрела конкретные черты его экономическая политика. Она направлена на окончательный выход из экономического кризиса и на более долгосрочные цели развития. После принятия в марте 2021 г. Американского плана спасения был принят ряд законодательных актов, ориентированных на модернизацию инфраструктуры страны, развитие промышленности, решения социальных проблем. Ключевым, в частности, стал закон «Об инвестициях в инфраструктуру» на сумму 655 млрд долл., предполагающий строительство дорог, мостов, аэропортов, развитие транспорта и прочие инфраструктурные проекты. На очереди – законопроект «Построим заново лучшую Америку», который нацелен на ещё более масштабные проекты по развитию инфраструктуры, энергетики, обрабатывающей промышленности и по решению социальных проблем, предполагающий ассигнования более чем в 2 трлн долларов.

Ключевые слова: экономическое развитие США, экономический рост, занятость, инфляция, экономическая политика, экономическая инфраструктура, промышленность, социальное развитие

Для цитирования: Супян В.Б. Экономика Байдена: итоги первого года. *США & Канада: экономика, политика, культура*, 2022; 52 (5): 5-19.
DOI: 10.31857/S2686673022050017

Biden's Economy: Results of the First Year of Presidency

Victor B. Supyan

Institute for the U.S. and Canadian Studies, Russian Academy of Science (ISKRAN).

2/3 Khlebny per., Moscow, 121069, Russian Federation

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-8819-3940> e-mail: vsupyan@yahoo.com

Abstract: The article aims to show economic development in the USA after first year of presidency of J. Biden. The author shows major indicators of macroeconomic situation in the end of 2021, gives estimations for 2022 and foreseeable future. Despite continuation of pandemics many economic results look quite impressive. The economy created more than 6.2 mn jobs, employment increased by 4.5%, unemployment reduced up to level of 3.9%.

The most impressive result was reached in a sphere of economic growth. The GDP growth in 2021 accounted for 5.5%, the highest result since 1976. The positive dynamics was demonstrated by stock exchange indexes – “Dow Jones”, “NASDAQ”, “Standard&Poors”.

On the other side, the problem of inflation in exacerbated. The inflation level increased by 7% in 2021, the highest level for last 40 years. It was connected with previous pandemics crisis, with logistical breaking chains, with growth of government expenditures. Also, the government debt continued to grow, as a reason of growing budget deficit. Among other negative sides at economic development – low level of participation rate of American labor force, which still did not reached prepandemics level.

During first year of presidency J. Biden's economic policy began more clear and consistent. It is orientated both to overcome negative consequences of economic crisis and to modernize American economic infrastructure and manufacturing. After passing first Biden's Law – American Rescue Plan, some other Acts were passed. Among them “Act on Infrastructure Investment” which allocated more than 550 bn dollars for different infrastructure projects. Next in line – huge multiprofile law on infrastructure, industry and social development – “Build Back Better”.

Keywords: economic development, economic growth, employment, inflation, economic policy, economic infrastructure, industry, social development

For citation: Supyan V.B. Biden's Economy: Results of the First Year of Presidency. *USA & Canada: economics, politics, culture*. 2022; 52 (5): 5-19.

DOI: 10.31857/S2686673022050017

ВВЕДЕНИЕ

Прошел год с тех пор, как в Белый дом пришёл президент Дж. Байден. Можно подводить некоторые предварительные итоги, в том числе и в области экономики: достаточно уверенный экономический рост, низкую безработицу, рост прибылей корпораций. Одновременно на беспрецедентно высоком уровне оказалась годовая инфляция – около 7%. За первый год чёткие очертания приняла

и экономическая политика президента, ориентированная не только на преодоление кризиса, но и на достижение долгосрочных экономических целей.

СОСТОЯНИЕ ЭКОНОМИКИ

Первый год Байдена прошёл под знаком продолжавшейся пандемии коронавируса. Тем не менее, многие экономические результаты года выглядят впечатляюще, например, в сфере занятости. После января 2021 г., когда Байден стал президентом, до конца 2021 г. в стране было создано 6215 тыс. новых рабочих мест, то есть занятость выросла на 4,4%. При этом сфера труда не оправилась полностью от пандемии – в декабре 2021 г. в экономике всё ещё было на 3,6 млн человек меньше, чем в феврале 2020 года.

За первый год пребывания Дж. Байдена в Белом доме несельскохозяйственная занятость в целом выросла на 4,4%, в частном секторе – на 4,48%. В отдельных секторах экономики рост составил: в сфере развлечений и гостиничном бизнесе – 19,6%, в добывающей промышленности – 10,1%, в сфере информационных услуг – на 4,6%, в профессиональных и бизнес услугах – 3,8%, в обрабатывающей промышленности – 3,0%, в торговле, транспорта – 2,9%, в образовании и здравоохранении – 2,4%, в строительстве – 2,0%, в финансах – 1,6%, в прочих услугах – 6%, в государственном секторе – 1,6% [1].

Показатель безработицы сократился быстрее, чем это было когда-либо после рецессий и достиг в декабре уровня в 3,9%. Это на 2,5 п.п. ниже того уровня (6,1%), который был после избрания Байдена. Он остаётся на 0,4 п.п. выше допандемического в 3,5% в феврале 2020 года.

Растёт число новых вакансий: в ноябре 2021 г. их число увеличилось на 3,5 млн и достигло 10,6 млн, что на 3,8 млн больше, чем число безработных.

Несколько увеличилась за минувший год и экономическая активность трудоспособного населения – с 61,4% до 61,9%. Несмотря на рост, этот показатель всё ещё остаётся ниже допандемического уровня в 63,4% [2]. После предыдущей рецессии этот уровень также не достигал предкризисного уровня.

Важным показателем в сфере занятости является положение в обрабатывающей промышленности: Байден уделял этому особое внимание в своих заявлениях во время предвыборной компании, говоря о необходимости возродить обрабатывающую промышленность и призывая покупать американские товары. За минувший год в обрабатывающей промышленности было создано 367 тыс. новых рабочих мест, что составило рост в 3%. Это на 219 тыс. рабочих мест меньше, чем было в феврале 2020 г., когда разразился пандемический кризис.

Наиболее впечатляющим среди результатов минувшего года является экономический рост. По оценкам Бюро экономического анализа, прирост ВВП составил в 2021 г. 5,5%, это самый высокий показатель с 1976 г. В первые три квартала темпы роста ВВП достигали 6,7%, опустившись в IV квартале до 2,3%. Уже в

2021 г. удалось решить проблему разрыва цепочек поставок, чтобы избежать дефицита товаров и пополнить склады товарами и запасными частями. Ожидаемые темпы прироста ВВП в 2022 г. – 3,9%, однако многое будет зависеть от масштабов пандемии.

В ситуации пандемии особое значение приобретают данные о здравоохранении и медицинском страховании. Число застрахованных в первую половину 2021 г. несколько сократилась – на 500 тыс. человек. Всего в 2021 г., согласно опросам, в стране насчитывалось 31,1 млн незастрахованных американцев, то есть 9,6% всего населения страны.

Биржа после избрания Байдена президентом, также демонстрирует позитивную динамику. Так, индекс «Стэндрт энд Пурс» был на 19,3% больше в январе 2022 г., чем до инаугурации Дж. Байдена.

Улучшились и показатели других индексов – индекс «Доу Джонса», отражающий капитализацию 30 крупнейших корпораций, вырос на 13,2%, а индекс НАСДАК, отражающий стоимость более 3 тыс. высокотехнологичных компаний, вырос на 13,2%. В целом биржевые индексы, исключая спад марта 2020 г., уверенно росли на протяжении более чем 12 лет.

Что касается инфляции, то она демонстрирует прямо противоположную динамику. Если во времена президентства Д. Трампа индекс потребительских цен рос в среднем на 1,9%, а в период президентства Б. Обамы – на 1,8%, то в первые 11 месяцев пребывания Байдена у власти происходит весьма необычный взлёт инфляции – до 6,8%. В ноябре 2021 г. инфляция побилла все рекорды, достигнув самого высокого уровня за почти 40-летний период. Причиной тому был возникший дефицит товаров и комплектующих в результате остановки ряда предприятий и разрыва логистических цепочек товаров внутри страны и за её пределами. Кроме того, влияние оказала и политика ФРС и правительства, в результате которой в экономику было вброшено почти 6 трлн долл. в качестве помощи населению и бизнесу. Прогноз по инфляции при этом весьма благоприятен. Так, по данным «Бэнк оф Америка», к концу 2022 г. уровень инфляции упадёт до 3%. Однако, как считают эксперты Национальной ассоциации бизнес-экономики (*National Association for Business Economics*), инфляция в ближайшие три года, если и сократится, то до уровня, превышающего целевой показатель ФРС в 2% [3].

Одновременно росла и заработная плата: за первый год пребывания Байдена у власти средненедельная заработная плата для рядовых работников выросла на 5,2% в номинальном выражении. Реальная заработная плата фактически сократилась на 2,2%.

С точки зрения восприятия роста цен, особое значение имеют цены на топливо, в частности, на бензин. Они выросли довольно заметно, после прихода Байдена к власти – с 2,4 долл. до 3,3 долл. за галлон (3,9 л), то есть на 39%. В целом расходы на бензин составляют более 4% потребительских трат среднего до-

мохозяйства. Согласно прогнозам, в 2022 г. цены на бензин в 2022 г. опустятся до 3,4 долл. и в 2023 г. до 2,8 долл. за галлон.

В первый год президентства Дж. Байдена после двухлетнего падения начали заметно расти прибыли корпораций – до 2,7 трлн долл. в III квартале 2021 г. Они стали восстанавливаться в III квартале 2020 г. до уровня в 1,9 трлн долл. в конце года. Таким образом, к III кварталу 2021 г. показатель прироста корпоративной прибыли составил 43%.

В 2021 г. на 9% выросли объёмы торговли – с 576 млрд долл. до 626,8 млрд. При этом значительно увеличилось число новых бизнесов – с 4,38 млн до 5,3 млн. в 2022 г. Число регистраций новых бизнесов увеличивалось ежемесячно на 418 тыс., что приводило к созданию новых рабочих мест. Только в обрабатывающей промышленности их число увеличилось на 400 тысяч [4] (см. табл.1).

Таблица 1

Основные экономические показатели в 2021 г.

	Начало 2021г.	Конец 2021г.
Рост ВВП	- 3,4%	5,7%
Общее число занятых	142,7 млн человек	149 млн человек
Уровень безработицы	6,4%	3,9%
Число заявок на пособие по безработице	813 тыс.	200 тыс.
Объём розничных продаж	576,5 млн долл.	626,8 млн долл.
Число новых компаний	4,38 млн.	5,39 млн долл.
Занятость в обрабатывающей промышленности	12,2 млн человек	12,6 млн человек

The U.S. Economy Experienced a Record Rebound During President Biden's First Year in Office. Washington (DC), 2022.

Несмотря на возросшую инфляцию, увеличились личные располагаемые доходы населения. Это результат нескольких факторов: рост занятости, рост реальной зарплаты, а также финансовой помощи, оказанной государством населению во время пандемии коронавируса. Объём личного богатства 80% низших доходополучателей увеличился на 4 трлн долл. за три квартала 2021 г. Важной составляющей программ финансовой помощи стало увеличение налогового кредита на детей с 2 тыс. до 3 тыс. долл., это коснулось 27 млн детей из низкодоходных семей. В результате уровень бедности среди них сократился почти на 38% в 2021 году [5].

За первый год президентства Байдена снизилось число получателей продовольственной помощи. Их число сократилось на 905 тыс. человек, или на 2,2% – до уровня в 41,1 млн человек. Главная причина – восстановление занятости и трудовых доходов.

Важный показатель состояния экономики страны -- цены на жилье, которые росли быстрыми темпами в 2021 г. Согласно данным Национальной ассоциации риелторов, медианная цена односемейного дома в США составляла в ноябре 2021 г. 362 тыс. долл., то есть увеличилась за год на 18%. При этом удельный вес американцев, проживающих в собственных домах, составил в III квартале 2021 г. 65,4%, – на 0,4 п.п. меньше, чем год назад, и заметно ниже, чем в 2020 г. (67,9%). Эти расхождения, возможно, отражают разного рода ограничения, связанные с регистрацией жилья в условиях пандемии.

На негативной стороне экономической ситуации – динамика индекса потребительского поведения. На фоне возросшей инфляции и продолжающейся пандемии рассчитываемый в потребительских обзорах Мичиганского университета индекс потребительского поведения демонстрируют понижающую динамику. За минувший год он опустился на 10 п.п. – с 79 до 68,8 п.п. При этом, как показывают опросы, схожие тенденции наблюдаются среди демократов и среди республиканцев.

Международные экономические позиции страны отражает прежде всего состояние торгового баланса. Здесь, как и при президенте Трампе, продолжается рост торгового дефицита, который за первые десять месяцев 2021 г. был на 27% больше, чем за тот же период годом раньше – 154 млрд долларов.

Добыча нефти продолжает держаться на среднем уровне в 10,7 млн баррелей в день, на 1% ниже, чем в 2020 г. Ожидается, однако, что добыча нефти в 2022 г. возрастет до 11,8 млн баррелей в день и в 2023 г. до 12,4 млн баррелей, это превысит рекордные показатели в 12,3 млн баррелей в 2019 г. Одновременно, по данным Администрации по энергетической информации, происходит рост импорта нефти, который составил 6,1 млн баррелей в день, на 3,6% больше уровня 2020 года.

На фоне поставленных целей снижения углеродного загрязнения и после двухлетнего снижения выбросов, в 2021 г. снова увеличилась эмиссия диоксида в размере 3,2 млрд метрических т. Это на 9% превышает уровень вредных выбросов 2020 г. Такой ожидаемый рост, который прогнозировали ещё до прихода к власти Дж. Байдена, был связан с большим использованием угля из-за роста цен на природный газ и возвращением транспорта к нормальному функционированию после пандемии. Только производство электроэнергии за счёт использования угля в качестве источника энергии в 2021 г. выросло на 23%.

Продолжился рост государственного долга: размеры государственного публичного долга увеличились за 2021 г. на 7,9% и достигли 23,3 трлн долл. Заметным фактором роста долга стал крупный дефицит федерального бюджета 2,8 трлн долл. в 2021 фин. г., хотя он и оказался на 9,7% меньше дефицита в 3,3 трлн долл. в 2020 г. За эти годы необычно большие дефициты были обусловлены посткризисными и постковидными последствиями, которые привели к ро-

сту государственных расходов. Так, только в марте 2021 г. президент Дж. Байден подписал закон «Американский план спасения» (*American Rescue Plan*), который по оценке Бюджетного управления Конгресса, будет стоить 1,8 трлн долл. в течение десяти лет, включая 1,2 трлн долл. в 2021 фин. году.

В прогнозе, опубликованном в июле 2021 г., Бюджетное управление Конгресса прогнозируют постепенное снижение бюджетного дефицита до уровня в 732 млрд долл. в 2024 г. с последующим ростом до уровня в 1,9 трлн долл. в 2031 г. В промежутке между 2022 и 2031 гг. государственный публичный долг будет находиться в пределах от 99 до 106% ВВП.

Ещё одним аспектом, отражающим экономическое и социальное положение США, является иммиграция. Число мигрантов только через границу с Мексикой увеличилось на 317% за первые десять месяцев 2021 г., в ноябре 2021 г. оно составило 165 тыс. человек. Придя в Белый дом, Дж. Байден остановил строительство стены на границе с Мексикой, установил потолок разрешённых беженцев в количестве 125 тыс. человек. При президенте Трампе в 2020 г. было разрешено въехать на территории США лишь 19 тыс. беженцев. Уже в 2021 г. Дж. Байден дал разрешение на въезд 62,5 тыс. беженцев, однако фактически в страну въехало лишь 11,4 тыс. беженцев, самый низкий показатель за последние 40 лет. Ожидается, что постепенно число беженцев будет расти согласно целевым установкам Белого дома в этой области.

В 2022 г. ожидается замедление экономического роста. Есть несколько факторов, которые усиливают отрицательные ожидания на будущий год. Первым среди них остаётся пандемия коронавируса, и, в частности, распространение штамма «омикрон». Именно этот фактор приведёт к сокращению темпов прироста ВВП в 1 квартале 2022 г. до 2%, вместо ожидавшихся 3%. ФРС в целом прогнозирует, что ВВП США в 2022 г. вырастет на 4%, по сравнению с 5,5% в 2021 г. Однако неопределённость в распространении «омикрона» может уменьшить этот прогноз до менее чем 2%.

Вторым негативным фактором является инфляция, которая в ноябре 2021 г. побилла все рекорды, достигнув 7% – самого высокого уровня за почти 40-летний период. Причиной тому был возникший дефицит товаров и комплектующих в результате остановки ряда предприятий и разрыве цепочек поставки товаров внутри страны и из-за границы. Кроме того, конечно, своё влияние оказала и политика ФРС и правительства, в результате которой в экономику были направлены большие финансовые ресурсы [6].

Третьим сдерживающим рост фактором может стать политика ФРС, планирующая для сдерживания инфляции поднять ключевую ставку трижды в 2022 г. Это сделает более дорогим кредит и таким образом ограничит инвестиционную активность.

Ещё один негативный фактор роста – низкий уровень экономической активности трудоспособного населения. Хотя к концу 2021 г. уровень безработицы сократился до 4,2%, рост числа рабочих мест всё ещё на 4 млн ниже предпанде-

мического уровня. Ожидается, что безработица к концу 2022 г. снизится до уровня 3,5.

В то же время эксперты полагают, что многие покинувшие рабочие места во время пандемии уже не вернуться, хотя отчасти восстановление трудовой активности произойдёт. Эксперты из исследовательской организации «Оксфорд экономика» полагают, что экономическая активность трудоспособного населения возрастет с нынешних 61,8% до 62,6% в IV квартале 2022 г., то есть окажется ниже предпандемического уровня в 63,3%.

Многое в экономическом развитии США в ближайшее время будет зависеть от того, сумеет ли администрация Дж. Байдена провести через Конгресс законопроект «Построим заново лучшую Америку» (*Build Back Better*). Этот законопроект предполагает очередную налоговую реформу, в частности, увеличение налогов на крупнейшие корпорации и наиболее богатых американцев, предполагает расходы в сумме 2 трлн долл. на социальные цели и меры по борьбе с изменениями климата.

Как полагают ведущие аналитические центры США, будет принят этот закон или нет, его статус непосредственно повлияет на экономический рост в стране. Так, исследовательская организация «Конференс борд» полагает, что, если закон не будет принят, ВВП страны в 2022 г. вырастет на 3,5%. Если же он будет принят, считает авторитетное Административное управление Конгресса, темпы роста в 2022 г. увеличатся на 0,4 п.п. и достигнут 3,9%.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА БАЙДЕНА

Экономическую политику Дж. Байдена, уже получившую название «байдекономика», можно охарактеризовать как совокупность мер, направленных против коронавирусной пандемии, способствующих росту инвестиций в инфраструктуру и обеспечивающих рост благосостояния. Эти меры должны быть профинансированы благодаря повышению налогов на состоятельных американцев и корпорации. Прочие цели экономической политики включают рост минимальной заработной платы и расширение возможностей для профессиональной подготовки, снижение неравенства по доходам, рост инвестиций в чистую энергетику, расширение доступа к услугам здравоохранения, аннулирование студенческих долгов.

Министр финансов США Жанет Йеллен охарактеризовала экономическую политику администрации Дж. Байдена как новую версию современной экономики предложения. Выступая на Всемирном экономическом форуме в Давосе, она отметила, что в отличие от рейганомики, поддерживавшей прежде всего сокращение налогов и дерегулирования, политика Байдена преследует цель увеличить предложение труда, улучшив инфраструктуру экономики, совершенствуя систему образования для усиления потенциала американской экономики. Йеллен раскритиковала прежнюю политику «экономики предложения» как не-

способную достичь целей развития, особенно в условиях политики охраны окружающей среды и ухода от углеродной экономики [5].

Первым в ряду намечаемых мер был принятый в марте 2021 г. «Американский план спасения», призванный обеспечить помощь населению и бизнесу, пострадавшим от пандемии коронавируса. Закон «Об инвестициях в инфраструктуру и рабочие места» (*Infrastructure Investment and Job Act*) был подписан в ноябре 2021 г., он предполагает ассигнования в инфраструктурные инвестиции 550 млрд долл. Следующий на очереди – закон «Построим заново лучшую Америку» прошёл Палату представителей Конгресса в ноябре 2021 г. и обсуждается в Сенате.

По «Американскому плану спасения» было ассигновано 1,9 трлн долл. на программы помощи населению и бизнесу. План, в частности, предполагал единовременные выплаты гражданам в размере 1400 долл., зарабатывающим менее 75 тыс. долл. в год, продление сроков выплаты пособий по безработице до конца сентября 2021 г., расширение охвата налоговым кредитом в сумме до 3600 долл. детям до 6 лет, выделение 130 млрд долл. на начальную и среднюю школу, 45 млрд долл. на наём жилья и платежи по ипотеке, 14 млрд. долл. на программу общенационального вакцинирования, включая создание коммунальных центров вакцинирования, выделение 350 млн долл. на помощь штатам и местным органам власти.

Законодательство предполагает уменьшение налогов в среднем на 3 тыс. долл. на домохозяйство и увеличение располагаемых доходов на 3,8% в 2021 г. с упором на низко- и среднедоходные слои населения.

В марте 2021 г. Дж. Байден выдвинул инфраструктурный пакет законов, известный как «Американский план создания рабочих мест» (*American Job Creation Plan*) на сумму 2,65 трлн долл., рассчитанный на десять лет и финансируемый, в основном, за счёт повышения корпоративного налога. Было констатировано, что настало время перестроить американскую экономику, страна по качеству инфраструктуры оказалась лишь на 13-м месте в мире с уязвимой системой электроснабжения. Отсюда был сделан вывод о необходимости коренных изменений во всей материальной и социальной инфраструктуре страны.

Масштабы инвестиций были оценены следующим образом:

- на борьбу с изменениями климата – 782 млрд долл.;
- на развитие транспорта – 447 млрд долл.;
- на здравоохранение и охрану детства – 443 млрд долл.;
- на строительство жилья и других зданий – 258 млрд долл.;
- на создание рабочих мест и экономическое развитие – 159 млрд долл.;
- на развитие обрабатывающей промышленности – 154 млрд долл.;
- на очистку воды – 111 млрд долл.;
- на широкополосный интернет – 100 млрд долл.

Эти расходы должны быть покрыты благодаря повышению корпоративного налога с 21% до 28%, что даст 1,3 трлн долл. Кроме того, предполагается повышение максимального подоходного налога, таким образом дополнительный доход бюджета составит 750 млрд долл. Прочие источники добавят 680 млрд долларов.

Ключевой элемент инфраструктурного плана – закон «Об инвестициях в инфраструктуру и рабочие места» (*Infrastructure Investment and Job Act*) на сумму в 550 млрд долл. В частности, он предполагает ассигнования на строительство дорог и мостов на сумму 110 млрд долл., развитие инфраструктуры для электростанций (73 млрд), грузового и пассажирского железнодорожного транспорта (66 млрд), широкополосного интернета (65 млрд), развитие систем очистки воды (55 млрд), создание резервуаров воды на западе страны (50 млрд), развитие общественного транспорта (39 млрд), строительства и ремонта аэропортов (25 млрд), систем очистки воды (21 млрд) строительства и модернизации портов (17 млрд), производство электромобилей (15 млрд), программ транспортной безопасности (11 млрд) [6].

Закон стал новой вехой в экономической политике президента Дж. Байдена. Это первый шаг на пути к принятию более масштабное законодательства, условно называемого «Построим заново лучшую Америку», призванного помимо чисто инфраструктурных расходов, ассигновать средства на образование, в том числе дошкольное, на уход за пожилыми людьми, создание квалифицированных рабочих мест в секторах, где заняты преимущественно национальные меньшинства и женщины.

При этом подчёркивается, что места, которые будут созданы инфраструктурным законом и дальнейшие экономические планы, не требуют от новых занятых высшего образования. Это, по мнению Дж. Байдена и его советников, весьма позитивная характеристика новых планов, потому что она ориентирована на реиндустриализацию Америки, на возрождение прежде всего рабочих профессий, а не офисных работников.

В отличие от образовательных планов своих предшественников, в частности, президентов Клинтона и Обамы, Байден не ставит задачу распространить на рабочие профессии высшее образование, а призывает к подготовке большего числа рабочих профессий и к повышению квалификации рабочих. Он, поддерживая рост образовательного уровня работников путём распространения дошкольного образования и высшего образования, считает, что этого недостаточно. Его программы делают упор на профессиональном образовании, особенно в традиционных низкооплачиваемых секторах экономики [7].

В апреле 2021 г. Дж. Байден предложил «План американских семей» (*American Families Plan*), призванный расширить социальное страхование, удешевить медицинское страхование и сократить детскую бедность. По плану, в частности, необходимо:

- обеспечить по крайней мере четырёхлетнее бесплатное образование, включая два года дошкольного обучения и два года обучения в муниципальных колледжах. Эти программы ежегодно будут охватывать 5 млн детей и сэкономят в семейном бюджете 13 тыс. долл. Программа муниципального колледжа окажет помощь 5,5 млн студентов, на это будет израсходовано 109 млрд долл. в ближайшие десять лет;

- предоставить субсидии на воспитание детей для низко- и среднедоходных семей в размере до 7% их доходов;
- создать программы ухода за ребенком в случае болезни;
- увеличить продовольственную помощь детям;
- развить программы налоговых кредитов на детей;
- расширить медицинские субсидии, в том числе размером в 50 долл. в месяц, которые получают 9 млн человек.

Ключевое направление всех планов администрации – закон «Построим заново лучшую Америку», включая расходы и инвестиции в размере 2,2 трлн долл. на основе дополнительных доходов бюджета в сумме 2 трлн долларов.

- в соответствии с законом планируется программа ухода за детьми в возрасте до пяти лет, что позволит сэкономить семьям до 7% их доходов (расходы – 273 млрд долл.);

- оплачиваемый бюллетень до четырех недель (205 млрд долл.);
- продление налогового кредита на детей до 2023 г. (185 млн долл.);
- бесплатное дошкольное образование детей в возрасте трёх-четырёх лет (109 млрд долл.);

- программы в области здравоохранения, такие как фонды для лечения на дому по направлению «Медикейд» (помощь малоимущим) 150 млрд долл.);

- климатические программы с различными налоговыми стимулами, программы по контролю за качеством окружающей среды и программы финансовой помощи (495 млрд долл.);

- программы в области жилищного строительства, содействия найма жилья и строительства доступного жилья (166 млрд долл.).

Источниками покрытия намечаемых расходов является:

- рост корпоративных налогов на сумму 814 млрд долл.;
- рост индивидуальных налогов на сумму 655 млрд долл., направленных на высокодоходные домохозяйства, в том числе доходы свыше 10 млн долл.;

- доходы от снижения цен на лекарства по программам «Медикэр» (снижение издержек на 76 млрд долл.);

- ограничение роста цен на лекарства (снижение издержек на 84 млрд долл.).

Как полагает Бюджетное управление Конгресса, принятый закон приведёт к увеличению государственного долга в 2022–2031 гг. на 350 млрд долларов [8].

Позиции президента Байдена по отдельным макроэкономическим проблемам выглядят следующим образом.

Минимальный уровень заработной платы. Повышение этого уровня до 15 долл. в час Дж. Байден впервые сформулировал в своём «Американском плане спасения». Это предложение не прошло через Конгресс, так как требовало значительных дополнительных финансовых ресурсов, идея пока была реализована на локальном рынке – для работников по контракту. В соответствии с исполнительным указом Дж. Байдена, их минимальная заработная плата была поднята на 37% – до 15 долл. в час. Указ вступил в силу в январе 2022 г., это коснулось 390 тыс. работников.

Внешняя торговля. Проведение торговой политики будет концентрироваться на том, чтобы стимулировать экспорт и создавать рабочие места. Таким образом, старая внешнеторговая политика, направленная на повышение тарифов, прежде всего на китайскую продукцию, уходит в прошлое.

Образование. Дж. Байден предложил простить студенческие долги в размере до 10 тыс. долл. Были и более радикальные предложения со стороны членов Сената – аннулировать студенческие долги в сумме до 50 тыс. долл. Всего в 2019 г. студенческие долги превысили 1,5 трлн долл., а число должников составило 43 млн человек. Таким образом, средняя величина долга составляет 33,5 тыс. долл. Из всех должников 14 млн человек (33%) должны менее 10 тыс. долл., 20 млн (47%) – от 10 до 50 тыс. долл., и 9 млн (20%) имеют долг, превышающий 50 тыс. долл. К концу первого года пребывания на посту президента Дж. Байдена, Министерство образования уже аннулировало долг в размере 15 млрд долл. для 675 тыс. бывших студентов.

Здравоохранение. Дж. Байден предложил понизить возраст охвата медицинским обслуживанием пожилых американцев с 65 до 60 лет и расширить предоставление субсидий и охват людей по закону «О доступном здравоохранении». От этого предложения дополнительно выиграют около 23 млн человек. Кроме того, преимущества при получении страхования получают ещё 4,9 млн человек. Это популярный план, который поддерживают 95% демократов и 69% республиканцев, но он чреват повышением бюджетного дефицита.

Профсоюзы. В январе 2021 г. Дж. Байден подписал исполнительный указ, отменяющий ряд ограничений на создание профсоюзов, принятых прошлой администрацией. Профсоюзные активисты полагают, что эта мера усилит позиции Дж. Байдена среди рядовых рабочих.

Налоги и дефицит бюджета. Дж. Байден предложил увеличить налоги на физических лиц, зарабатывающих 200 тыс. долл. и более. Что касается корпоративных налогов, то они должны быть подняты с нынешних 21% до 28%.

Дефицит федерального бюджета, по прогнозу Бюджетного управления Конгресса, должен составить в 2022 фин. г. 1,2 трлн долл., или 4,7% ВВП. Это существенное снижение по сравнению с дефицитом в 3,1 трлн долл. (15% ВВП) в 2020 фин. г. и 2,8% трлн долл. (12,4% ВВП) в 2021 фин. году.

Выступая с обращением к стране в феврале 2022 г., Дж. Байден выделил несколько принципиальных целей, стоящих перед его администрацией в области экономики [9]. Среди них:

- укрепить цепочки поставок товаров для их продвижения к потребителям;
- сократить текущие затраты для работающих американцев и сократить дефицит федерального бюджета;
- обеспечить справедливую конкуренцию в целях снижения цен, оказать помощь малому бизнесу и защитить интересы потребителей;
- устранить барьеры в создании высокооплачиваемых рабочих мест по всей стране.

Президент также отметил конкретные задачи, связанные с реализацией плана по развитию инфраструктуры. В текущем году, в частности, предстоит:

- начать модернизацию и строительство из средств федерального бюджета 65 тыс. миль дорог и 1,5 тыс. мостов, что будет означать увеличение финансирования по сравнению с предшествующим шестилетним периодом в среднем от 44 до 50%;
- федеральная авиационная служба начнёт реализовывать 600 инфраструктурных проектов по реконструкции 600 аэропортов и 400 прилегающих территорий;
- местные органы власти будут инвестировать в покупку 15 тыс. новых автобусов, паромов и вагонов метро;
- Корпус военных инженеров начнёт реализацию 500 проектов во всех штатах для укрепления цепочек поставок, совершенствования водных путей и недопущения наводнений;
- Агентство по охране окружающей среды вместе с администрацией штатов и местных органов власти приступит к реализации проектов по очистке воды;
- в текущем году планируется рекультивировать 15 тыс. акров заброшенных земель, на что будут потрачены ресурсы штатов и местных органов власти по инфраструктурному законодательству;
- Министерство внутренних дел займётся восстановлением и приведением в порядок более 8 тыс. заброшенных нефтяных и газовых скважин;
- Министерство внутренних дел должно в течение года уменьшить риск возникновения пожаров на более чем 30% территории, приведя в порядок земли в 300 тыс. акров, и начать работы по приведению в порядок дополнительно 250 тыс. акров территории;
- Министерство энергетики начнёт демонстрационный проект стоимостью в 140 млн долл. по извлечению редкоземельных металлов и других критически важных ископаемых в целях обеспечения ими будущих поколений;
- Министерство энергетики получит 3 млрд долл. для развития производства аккумуляторов для электромобилей и для сохранения энергии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, 2021 год и начало текущего могут быть оценены в целом как успешные для экономического развития США. Исключением является беспрецедентно высокий уровень инфляции, что объясняется прежде всего последствиями пандемического кризиса. Экономическая политика президента Байдена к началу 2022 г. приобрела вполне зримые очертания, нацеленные уже не только на выход из кризиса и восстановление экономики, но и на решение более долгосрочных задач экономического развития, в частности, инфраструктурных, на модернизацию промышленности и на решение социальных проблем.

ИСТОЧНИКИ

1. S. Hanion, L. Roberts, A. Vinelly, R. Khatter, N. Buffie. The Biden Boom: Economic Recovery in 2021. The Center for American Progress, January 19, 2022. Available at: <http://www.americanprogress.org/article/the-biden-boom-economic-recovery-in-2021/> (accessed 15.02.2022).
2. D'Angelo Gore, Brooks Jackson, Eugene Kiely, Lory Robertson, Robert Farley. Biden's Numbers. January 30, 2022. *Factcheck.org*. Available at: <https://www.factcheck.org/2022/01/bidens-numbers/> (accessed 20.02.2022).
3. Economic Watch: Fire issues to pose uncertainties of US economy in 2022. February 14, 2022. Available at: www.xinhuanet.com/english/northamerica/20220105/cbifi69ed7384383a24d8/773df1l867/c.html (accessed 21.02.2022).
4. The US Economy Experienced a Record Rebound during President Biden's First Year in Office. Available at: https://www.jec.senate.gov/public/_cache/files/Oafdb2bb98/fc-4abc-bale-oc198ddiuceb/the-us-economy-has-experienced-a-record-rebaund-under-Biden-final-pdf (accessed 16.02.2022).
5. David Lauder and Andrea Shalal. Yellen rebrands Biden economic agenda as "modern supply-side economics". *Reuters*. January 22, 2022. Available at: <http://www.reuters.com/business/yellen-rebrands-biden-economic-agenda-modern-suply-side-economics-2022-01-21/> (accessed 25.01.2022).
6. Biden says final passage of I trillion infrastructure plan is a big step forward. NPR November 6, 2021. Available at: <http://www.mpr.prg/2021/11/051050012853/the-house-has-passed-the-1-trillion-infrastructure-plan-sending-in-to-bidens-des> (accessed 25.12.21).
7. Ronald Brownstein. Biden's economic policy moves away from the strategy of his party's past two presidents. Updated November 16, 2021. Available at: <http://edition.enn.com/2021/11/16/polities/biden-infrastructure-bill-jobs-child-care/index.html> (accessed 30.12.2021).

8. Additional information about the updated budget and economic outlook: 2021- to 2031. CBO, November 14, 2021. Available at: <http://www.cbo.gov/publication/57263/cbo.gov> (accessed 17.12.2021).

9. Fact Sheet. Background on President Biden's Remarks on the Economy During his First State of the Union Address. February 28, 2022. Statements and Releases. Available at: <http://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/02/28/fact-sheet-background-on-president-bidens-remarks-on-the-economy> (accessed 15.02.2022).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

СУПЯН Виктор Борисович, член-корреспондент РАН, руководитель научного направления Института США и Канады Российской академии наук (ИСКРАН).

Российская Федерация, 121029 Москва, Хлебный переулок, д. 2/3

Victor B. SUPYAN, Corresponding Member of RAS, Academic Director of Economic Studies of ISKRAN. Chief Research Fellow Institute for the U.S. and Canadian Studies, Russian Academy of Sciences (ISKRAN).

2/3 Khlebny per., Moscow, 121069, Russian Federation

Статья поступила в редакцию / Received 11.03.2022.

Поступила после рецензирования / Revised 21.03.2022.

Статья принята к публикации / Accepted 24.03.2022.

УДК 327

DOI: 10.31857/S2686673022050029

EDN: GQLUYM

«Особые отношения» США и Великобритании при Д. Трампе и Дж. Байдене

О.А. Хлопов

*Российский государственный гуманитарный университет
Российская Федерация 123993, Москва, Миусская площадь, 6;
ORCID: 0000-0002-5702-8288 e-mail: rggu2007@rambler.ru*

Резюме. Президентство Д. Трампа нанесло ущерб особому типу двухсторонних отношений между Великобританией и Соединёнными Штатами. В статье анализируются особенности этих отношений при президентах Д. Трампе и Дж. Байдене. Возникшие разногласия и ослабление связей под влиянием «доктрины Трампа» («Америка прежде всего») благодаря прочным институциональным связям, которые сформировались в XX веке, препятствовали их разрушению. В статье рассмотрены основные аспекты «особых отношений», выявляются результаты того, как на них повлияла эпоха Трампа, даётся оценка изменениям и состоянию двухсторонних отношений за полтора года нахождения у власти администрации Дж. Байдена. Автор утверждает, что, несмотря на возникающие противоречия, США по-прежнему воспринимают Великобританию как самого сильного в военном плане своего трансатлантического союзника, а общее понимание ключевых проблем и взаимная полезность усиливают взаимодействие между США и Великобританией на международной арене.

Ключевые слова: «особые отношения», США, Великобритания, институционализация, брексит, Дональд Трамп, Борис Джонсон, Джозеф Байде.

Для цитирования: Хлопов О.А. «Особые отношения» США и Великобритании при Трампе и Байдене. *США & Канада: экономика, политика, культура* 2022; 52 (5) 20-33. DOI: 10.31857/S2686673022050029

Special Relationship of the US and the UK under Trump and Biden

Oleg A. Khlopov

*Russian State University for the Humanities,
6, Miusskaya square, Moscow, 125993 Russian Federation
ORCID: 0000-0002-5702-8288 e-mail: rggu2007@rambler.ru*

Abstract. The article assesses the impact of the Trump administration on U.S.-British relations. Donald Trump's presidency has damaged a special type of bilateral relationship between the UK and the United States. The disagreements that had arisen undermined these relations out of the "Trump Doctrine" - "America First", however the strong institutional ties that had been formed in the 20th century, prevented the further destruction of these relations. The article examines the main aspects of the special relationship between the countries, reveals the results of how they were influenced by the Trump era, and also assesses the changes and state of bilateral relations under the Joseph Biden administration. The author argues that despite the emerg-

ing contradictions the United States still perceives the UK as the strongest transatlantic ally and a common comprehension of key issues and mutual benefit of each other enhance the interaction between the US and the UK.

Keywords: Anglo-American relations, USA, United Kingdom, institutionalization, brexit, Donald Trump, Boris Johnson, Joseph Biden.

For citation: Khlopov O.A. Special Relationship of the US and the UK under Trump and Biden. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*, 2022; 52 (5) 20-33. DOI: 10.31857/S2686673022050029

ВВЕДЕНИЕ

Для США Великобритания является самым близким союзником, и британская внешняя политика делает упор на тесную координацию с Вашингтоном. Двустороннее сотрудничество отражает общий язык, культуру, идеалы и историческую практику обеих стран. Отношения были укреплены союзом Соединённого Королевства с Соединёнными Штатами во время обеих мировых войн, в корейском конфликте, в годы холодной войны, в войнах в Персидском заливе, в Афганистане, а также в рамках НАТО. Великобритания и США имеют схожие основные цели в области внешней политики и политики безопасности.

На протяжении многих десятилетий после окончания Второй мировой войны отношения между США и Великобританией отличались беспрецедентно высоким уровнем взаимного доверия и сотрудничества, которые в официальных и академических дискурсах утвердились в качестве термина «особые отношения» [Мамедова А.О. 2018].

У Великобритании и США разные ожидания от особенности этих отношений. Великобритании они помогают поддерживать её претензии на роль крупной мировой державы с глобальным влиянием, поэтому «особые отношения имеют тенденцию становиться самоцелью» [Danchev A. 2016]. Для США, напротив, особые отношения с поддержкой Великобритании, не являются обязательным условием для продвижения своих глобальных интересов.

Однако выход Великобритании из Евросоюза и внешнеполитический курс президента Д. Трампа (2017–2021 гг.), направленный на изменение принципов взаимодействия США со своими союзниками, привели к подрыву возможности сохранения особых американо-британских отношений. В данной статье дан анализ причин ослабления двухсторонних отношений при Д. Трампе и определены наметившиеся изменения и перспективы их развития при администрации Дж. Байдена.

Президентство Д. Трампа вызвало беспрецедентную напряжённость в отношениях между США и Великобританией. Его администрация проводила откровенно одностороннюю и протекционистскую политику, что неизбежно вызывало трения с союзниками. Администрация вступившего в январе 2021 г. в должность президента Дж. Байдена, нацеленного на возвращение к более предсказуемой

внешней политике, даёт возможность сравнить и измерить наметившиеся изменения, оценить роль, которую Великобритания будет в будущем играть во внешнеполитической стратегии США, и определить «ущерб», нанесённый англо-американским отношениям прежним руководством Соединённых Штатов.

АМЕРИКАНО-БРИТАНСКИЕ ОБЩИЕ ИНТЕРЕСЫ И РАСХОЖДЕНИЯ ПОЗИЦИЙ ПРИ Д. ТРАМПЕ

После окончания Второй мировой войны поддержание либерального международного порядка и совместная работа против серьёзных угроз были двумя фундаментальными и общими интересами, которые составили основу тесных отношений и связей США и Великобритании. До января 2017 г., когда Д. Трамп приступил к обязанностям президента, предыдущим администрациям США в значительной степени удавалось работать вместе со своими британскими коллегами, чтобы поддерживать либеральный международный порядок и сохранять консенсус в борьбе против СССР и его союзников в период холодной войны, а затем против терроризма после трагических событий 11 сентября 2001 года.

Однако этот консенсус был разрушен при Д. Трампе – первом послевоенным американским президентом, который враждебно относился к либеральному интернационализму. Казалось, он ставил под сомнение всю идею либерального международного порядка, в создании которого США сыграли ведущую роль.

Д. Трамп нанёс тяжёлый удар по основополагающему мировоззрению особых двухсторонних англо-американских отношений [Ikenberry J. 2018]. Он увеличил политический разрыв с союзниками США и усугубил разногласия. Так называемая доктрина Трампа («Америка прежде всего») подорвала существовавшие до сих пор с Великобританией общие интересы. Президент «презирал почти все институты, составляющие либеральный международный порядок» [Mearsheimer J. 2018], настаивая на том, что это возлагает на США непропорциональные расходы. Д. Трамп выступил с критикой в адрес таких ключевых структур, как НАТО, ВТО. При нём США вышли из ряда международных организаций и соглашений, самые известные из которых включали: Транстихоокеанское партнёрство (ТТП), Парижское соглашение по климату, Совместный всеобъемлющий план действий (СВПД), известный как ядерная сделка с Ираном, ЮНЕСКО и Совет ООН по правам человека.

В Великобритании президентство Д. Трампа совпало с правлением двух премьер-министров от Консервативной партии – Терезы Мэй (2016–2019) и Бориса Джонсона (с июля 2019 г.), бывшего в 2016–2018 гг. министром иностранных дел. Оба консервативных правительства выступили с концепцией «Глобальная Британия» [17], опровергая тот факт, что брексит означает ослабление международного участия Великобритании в мировой политике. Эта концепция появилась в преддверии выхода страны из Евросоюза и наиболее полно была представлена в изданном в марте 2018 г. меморандуме британского Министерства

иностранных дел и по делам Содружества. В этом документе утверждалось, что с уходом Великобритании из Евросоюза «мы утратим некоторые элементы преимуществ нашего членства в ЕС, но получим больше гибкости для реагирования, а широкое использование наших внешнеполитических возможностей обеспечит нам статус одного из основных глобальных игроков» [1].

Однако стратегия «Глобальная Британия» оказалась несовместима с концепцией Д. Трампа «Америка прежде всего», так как суть британской доктрины состоит в продвижении особой роли Великобритании в мировой политике в контексте сохранения либерального международного порядка, а Д. Трамп ясно дал понять, что отвергает ключевые элементы этого порядка [Nye J. 2019]. Выдвинутая внешнеполитическая стратегия Великобритании направлена в первую очередь на сохранение и укрепление её международного положения через активное участие в многосторонних международных структурах.

В отличие от выхода администрации Д. Трампа из Трансатлантического торгового и инвестиционного партнёрства (ТТИП), британское правительство пыталось присоединиться к его преемнику – Всеобъемлющему соглашению о Транстихоокеанском партнёрстве. Кроме того, Великобритания не последовала за США в выходе из ВТО и ВОЗ, а предоставила ВОЗ финансовую поддержку.

Расхождение позиций сторон к СВПД оказалось одной из самых серьёзных проблем, которая создала постоянную напряжённость в отношениях между США и Великобританией. Высокопоставленный чиновник администрации Д. Трампа предупредил Б. Джонсона в январе 2020 г., что перспектива соглашения о свободной торговле между Великобританией и США находится под угрозой, если Лондон не выйдет из СВПД [2]. Несмотря на такое давление и угрозы, правительства Т. Мэй, и Б. Джонсона отказались следовать политике Д. Трампа в отношении ядерной сделки с Ираном. Оба премьер-министра полагали, что выход из СВПД, подрывает присутствие западных сил на Ближнем Востоке и подталкивает Иран к реализации своей ядерной программы.

Великобритания сопротивлялась, работая с другими постоянными членами Совета Безопасности ООН, а также с Германией, чтобы предотвратить крах СВПД и сохранить торговлю несанкционированными товарами. В заявлении от 12 января 2020 г. Б. Джонсон встал на сторону тогдашнего канцлера ФРГ А. Меркель и президента Франции Э. Макрона, чтобы подтвердить СВПД. Министры иностранных дел Великобритании, Франции и Германии запустили официальный механизм разрешения споров, чтобы попытаться заставить Иран соблюдать условия соглашения.

На протяжении большей части президентства Д. Трампа, США и Великобритания расходились во взглядах относительно того, какие угрозы являются для них наиболее значимыми. В то время как администрация Д. Трампа определила Китай как самую серьёзную угрозу американским национальным интересам, правительства Т. Мэй и Б. Джонсона посчитали Китай скорее возможной угрозой для Великобритании. Лондон не поддержал опасения Вашингтона по

поводу китайской инициативы «Один пояс – один путь» и предпочёл участвовать в Азиатском банке инфраструктурных инвестиций (АБИИ), несмотря на предупреждения со стороны США.

Опираясь на внешнеполитическую концепцию «поворота в Азию», предложенную администрацией Б. Обамы (2009–2017), США при Д. Трампе изменили свою многолетнюю стратегию по выстраиванию углублённого взаимодействия с КНР и перешли к введению ряда торговых тарифов и протекционистской политике в отношении Китая. По сути Д. Трамп выбрал политику конфронтации с Китаем, которая расходилась с позицией Великобритании

Вооружившись так называемым «принципом реализма» [Colby E., Mitchell A. 2020], администрация Д. Трампа сосредоточила своё внимание на соперничестве с великими державами, в первую очередь с Китаем и Россией [2]. Такой подход поставил Великобританию в затруднительное положение. Разделяя озабоченность по поводу ужесточения Китаем мер безопасности в Гонконге и его военных действий в Южно-Китайском море, Лондон в то же время ни при Т. Мэй, ни при Б. Джонсоне не желал следовать стратегии США. По его мнению, «в интересах Великобритании надо по-прежнему сопротивляться давлению Вашингтона, требующего рассматривать все отношения с Китаем как часть беспроигрышной конкуренции за глобальное господство» [Chalmers M., Jessett W. 2020].

Отличие подхода Великобритании к Китаю от позиции США лучше всего подтверждается её отношением к многонациональной китайской компании «Хуавей» (*Huawei*). Т. Мэй бросила вызов США, предоставив «Хуавей» ограниченный доступ к неосновным частям британской сети пятого поколения (5G). Б. Джонсон столкнулся с растущим давлением со стороны администрации Д. Трампа с целью изменить эту политику: Вашингтон угрожал ограничить обмен разведанными с Великобританией [4].

Действия США против «Хуавей» привели к тому, что Национальный центр кибербезопасности Великобритании рекомендовал правительству запретить к концу 2020 г. поставщикам мобильных телефонов использовать оборудование этой компании и удалить всё оборудование компании из сетей в течение семи лет [5]. Окончательное решение правительства Б. Джонсона о запрете «Хуавей» вышло одобрение администрации Д. Трампа.

АМЕРИКАНО-БРИТАНСКАЯ ВЗАИМНАЯ ЗНАЧИМОСТЬ ПРИ Д. ТРАМПЕ

Президентство Д. Трампа стало испытанием на прочность американо-британских отношений.

С одной стороны, Д. Трамп на каждой совместной пресс-конференции с Терезой Мэй утверждал самобытность американо-британских отношений и заявлял, что они основаны на «общей истории, ценностях, обычаях, культуре, языке и законах» [5], оставаясь последовательным, как и предыдущие президенты

США, которые публично подтверждали существование привилегированных и близких отношений между двумя странами. С другой стороны, Д. Трамп продемонстрировал презрение к особой привязанности к Великобритании, провозгласил себя «дельцом», при этом не скрывал своего предпочтения к применению бизнес-подхода при решении внешнеполитических вопросов. Как отметил американский политолог В. Каган, «политика Трампа – это чистый реализм, лишённый идеалов и сантиментов, преследующий узкие национальные интересы, строго определяемые в долларах и центах» [6].

Премьер-министру Т. Мэй было трудно установить хорошие отношения с президентом Д. Трампом, учитывая его непостоянный характер и импульсивную внешнюю политику. Д. Трамп высмеял её за неспособность трижды провести согласованную сделку по брексит через Палату общин и приветствовал её замену на посту премьер-министра.

На первый взгляд, сменивший Терезу Мэй Б. Джонсон, казалось, наладил личные отношения с американским президентом, но он смутился из-за публичного комментария последнего, назвавшего его «британским Трампом». К тому же в отличие от Д. Трампа, Джонсон разделяет идею глобального либерального порядка. Более того, он публично осудил Трампа за подстрекательство людей к штурму Капитолия и за то, что тот поставил под сомнение исход президентских выборов в США 2020 года [7].

Примером низкого уровня двухсторонних отношений между США и Великобританией является «дело Дэрроча», в ходе которого в прессу просочились личные сообщения британского посла в Вашингтоне сэра Кима Дэрроча, в которых посол назвал администрацию Д. Трампа «неумелой» и «уникально недееспособной», а самого президента – глубоко «неуверенной в себе личностью». Узнав об этом, Д. Трамп отказался иметь какие-либо дальнейшие отношения с послом. Правительство Великобритании испытало неловкость и унижение, уволив своего посла [15]. К. Дэрроч ушёл в отставку в июле 2019 года.

Хотя Д. Трамп поддержал выход Великобритании из ЕС, он полностью осознавал, что брексит ослабляет дипломатическую и оборонную значимость Лондона для США. Д. Трамп не скрывал своей неприязни к ЕС, назвал его «врагом Америки» и пожаловался, что его позиция в торговле «хуже, чем у Китая»; он даже ввёл тарифные барьеры в отношении некоторых европейских товаров, таких как сталь, алюминий и автомобили. Со своей стороны, правительства Т. Мэй и Б. Джонсона встали на сторону стран ЕС, выступивших против введения администрацией Д. Трампа тарифов на свои товары.

С выходом из ЕС Великобритания лишилась права принимать решения в отношении Общей политики безопасности и обороны ЕС (ОПБО), а также возможности нести командную ответственность за миссии ОПБО. Что особенно встревожило Д. Трампа, так это дискуссии в ЕС о возможности сформировать собственные вооружённые силы и создание в Европе новых оборонных институтов, таких как Управление военного планирования и поведения, Постоянное

структурированное сотрудничество (*PESCO*), Согласованный Ежегодный обзор обороны и Европейского фонда обороны [9].

Тем не менее, будучи преданным членом НАТО, Великобритания продолжала оставаться важным военным союзником США в Евроатлантическом регионе. Д. Трамп высоко оценил приверженность Великобритании выполнению целевого показателя расходов НАТО в размере 2% национального ВВП и заручился поддержкой в этом как Т. Мэй, так и Б. Джонсона, призвав другие европейские страны увеличить расходы на оборону. Лондон также оказался самым ярким союзником США в вопросе введения и сохранения санкций против России.

Процесс выхода из ЕС отвлёк Великобританию от усиления своей роли в Индо-Тихоокеанском регионе. Правительства Т. Мэй и Б. Джонсона приложили усилия для улучшения связей с Японией в сфере безопасности посредством проведения регулярных диалогов в области обороны и совместных учений. По мнению правительства Индии, Великобритания, выйдя из ЕС, оказала минимальное стратегическое влияние на Индо-Тихоокеанский регион. Лондон при Т. Мэй и в первый год у власти Б. Джонсона продемонстрировал небольшую значимость Великобритании для администрации Д. Трампа в противостоянии с Китаем за исключением того, что были проведены несколько совместных американо-британских военных учений в Южно-Китайском море.

АМЕРИКАНО-БРИТАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В СФЕРЕ БЕЗОПАСНОСТИ ПРИ Д. ТРАМПЕ

Именно отношения *в сфере безопасности*, поддерживаемые на уровне дипломатов, военных чиновников и офицеров разведки, стали сердцевиной американо-британских «особых отношений» и продолжают составлять их большую часть уже на протяжении длительного периода времени, оберегая двухсторонние связи от возникающих расхождений [Baylis J., Wirtz J. 2018].

Кредо Трампа «Америка прежде всего» не повлияло на обмен разведывательными данными, на сотрудничество в ядерной и военной сферах между странами. Неудивительно, что институционализированное сотрудничество в области безопасности между США и Великобританией продолжает развиваться и при нынешней администрации Дж. Байдена, потому что оно никогда не ослабевало во время правления Д. Трампа [Marsh S. 2018].

Американо-британские отношения оказались устойчивыми, поскольку их основу составляет институционализация, которую можно определить как наличие формальных или неформальных правил и соглашений, которые создают нормы, основу для рутинной практики экспертов и специалистов. Результат такого сотрудничества и тесное переплетение работы их институтов в области безопасности способствовали глубоко укоренившемуся чувству доверия и зависимости между двумя сторонами [Norf T. 2010]. Основу двухсторонних отноше-

ний в сфере национальной безопасности составляет обмен данными между Центром правительственной связи (ЦПС) Великобритании, Штаб-квартирой правительственных коммуникаций (GCHQ) и Агентством национальной безопасности США (National Security Agency). Сотрудничество в области радиотехнической разведки остаётся надёжным в рамках механизма альянса «Пять глаз» (*the Five Eyes*), поддерживаемого Великобританией вместе с США, Канадой и Новой Зеландией и Австралией [Aldrich B. 2010].

В марте 2018 г. главы ЦПС и АНБ, Командования объединённых сил Великобритании и Киберкомандования США провели совещание по стратегическому обзору и впервые в истории опубликовали совместное заявление, подтверждающее англо-американское единство [10].

О намерении двух стран продолжать сотрудничество в борьбе с угрозами кибербезопасности свидетельствует создание в АНБ в июле 2019 г. нового Управления кибербезопасности, которое было сформировано по аналогии с Центром правительственной связи Великобритании [11].

Отношения между США и Великобританией в ядерной области также сохраняют высокий уровень сотрудничества. Администрация Д. Трампа высказала свою неизменную готовность делиться с Лондоном наиболее чувствительными ядерными технологиями, что является доказательством глубокого взаимного доверия между странами. «Особые отношения» в области ядерных технологий были дополнительно подкреплены британским парламентом в 2016 г., который одобрил финансирование на общую сумму 41 млрд ф. ст. для строительства новых четырёх стратегических подводных лодок типа «Вэнгард» на замену старым для обслуживания системы запуска баллистической ракеты «Трайидент II» (D5).

В июне 2018 г. представители министерств обороны двух стран отметили 60-летие Соглашения о взаимной обороне (*Mutual Defence Agreement*) между Великобританией и США [12]. Отношения при администрации Д. Трампа сохраняли свою значимость благодаря согласованным военным действиям, регулярным совместным учениям, обширным и рутинным программам обмена персоналом, подкреплёнными более 20 соглашениями [13].

В то время как сокращение численности войск обеих стран в Афганистане и Ираке снизило интенсивность двухстороннего военного сотрудничества, привычка к консультациям сохранилась. По запросу администрации Д. Трампа Великобритания увеличила численность своих войск в Сирии, а затем и в Афганистане, совместно с США и Францией нанесла ракетные удары в Сирии по объектам запрещённого в России «Исламского государства» в рамках операции «Шейдер» в апреле 2018 г. [14]. Великобритания и США также провели свои первые совместные учения в Южно-Китайском море в январе 2019 г, открыто бросив вызов растущему влиянию Китая в этом районе.

РАЗВИТИЕ ДВУХСТОРОННИХ СВЯЗЕЙ ПРИ ДЖ. БАЙДЕНЕ

Со вступлением в должность президента Дж. Байдена в январе 2021 г. особые американо-британские отношения вернулись к большей предсказуемости и приверженности многосторонности. Ключевые факторы, которые связывают воедино «особые отношения», – общие интересы, обоюдная привязанность, взаимная значимость и полезность и институционализация – очевидно, будут оставаться неизменными, и администрация Дж. Байдена, и британское правительство приложат все усилия, чтобы их сохранить. Сам Дж. Байден никогда не скрывал, что ценит «особые отношения» с Великобританией, утверждая, что «две страны идут вместе практически по всем важным вопросам» [15]. Однако уже есть свидетельства того, что его политика отличается от политики предшественника.

В отношении американских интересов на международной арене Дж. Байден, заявив, что «США вернулись», устранил один из самых больших камней преткновения в «особых отношениях» с Великобританией. Он скорректировал внешнюю политику Вашингтона перед лицом новых вызовов, оживил американскую сеть альянсов и партнёрств, включая англо-американское сотрудничество в решении глобальных проблем. Подчёркивая многосторонность в глобальных делах, отметим, что интересы вашингтонской администрации в большей степени соответствуют интересам правительства Великобритании при решении сложных международных проблем, таких как изменение климата, пандемия COVID-19, введение санкций против России. Дж. Байден вернул США в Парижское соглашение по климату, приостановил выход США из ВОЗ, активизировал участие США в ВТО. Он занял жёсткую позицию по отношению к России, заверив Великобританию и европейских союзников в том, что они могут положиться на приверженность Соединённых Штатов НАТО. Кроме того, посредством переговоров в Вене с президентом России В.В. Путиным он предпринял усилия по восстановлению СВПД, хотя теперь сталкивается с более жёсткой позицией Ирана под руководством президента Ибрахима Раиси. Наконец, администрация Дж. Байдена нормализовала отношения со странами Европы.

Но президент Дж. Байден не отошёл от повестки дня Д. Трампа в отношении Китая. Как и его предшественник, он назвал КНР «самым серьёзным конкурентом» и «самым большим геополитическим испытанием двадцать первого века» [16]. Он сохранил многие санкции, введённые против Китая при Д. Трампе, и продолжает оказывать давление на китайские технологические компании, такие как «Хуавей».

Правительство Б. Джонсона последовало этому примеру. В своём комплексном обзоре безопасности, обороны и внешней политики «Глобальная Британия в век соревнований» Лондон обозначил поворот в сторону Индо-Тихоокеанского региона как одно из приоритетных направлений британской внешней политики и официально назвал КНР «системным конкурентом» и «самой большой угрозой экономической безопасности Великобритании» [17]. Белый дом поло-

жительно отреагировал на эти сигналы о желании Лондона играть более значительную роль в области безопасности и по сдерживанию России и Китая.

В дополнение к улучшению настроений на уровне элиты после президентских выборов 2020 г. в США произошли изменения и в настроениях населения обеих стран по отношению друг к другу. Согласно данным опроса службы Гэллапа в феврале 2021 г., Великобритания является второй наиболее благоприятной страной для американского народа: 91% американцев положительно относятся к ней. Враждебность британцев к американскому президенту также снизилась. Опрос исследовательского Центра Пью, проведённый в январе 2021 г., показал, что 65% британцев одобряют Дж. Байдена, что на 24% больше по сравнению с отношением к Д. Трампу в 2020 году [18].

Брексит поставил вопрос о роли Великобритании как трансатлантического моста между США и Евросоюзом, о полезности Лондона для Вашингтона, так как без членства в ЕС Великобритания является союзником с уменьшенными возможностями. Дж. Байден критиковал выход Британии из ЕС; его собственным приоритетом было улучшение отношений США с ЕС, которые были испорчены его предшественником.

Покинув ЕС, Великобритания приняла решение увеличить расходы на оборону на 16,5 млрд ф. ст., вновь подчеркнув, что хочет играть ключевую роль внутри НАТО и будет по-прежнему оставаться самым дееспособным членом Североатлантического союза в Европе, разделяя бремя безопасности с США. Вместе со странами ЕС и Канадой США и Великобритания едины во введении санкций против китайских чиновников, чтобы оказать политическое давление на правительство Китая по вопросам, связанным с демократией в Гонконге.

Лондон заявил о своём желании принять более активное участие в рамках Пакта о безопасности с США и Австралией (*AUKUS*), который был создан в сентябре 2021 г., в основе договорённости которого лежит план строительства восьми австралийских атомных подводных лодок [19].

В июне 2020 г. США и Великобритания подписали Соглашение о гарантиях технологий, что позволяет американским компаниям запускать ракеты с британской территории. В ноябре 2020 г. правительство Б. Джонсона объявило о создании британского Космического командования. Создав в 2020 г. Национальные киберсилы, Великобритания имеет больше возможностей для укрепления своего сотрудничества с Киберкомандованием США в наступательных кибероперациях против общих соперников. АНБ и ЦПС расширили сотрудничество, что позволяет персоналу этих ведомств работать вместе как единое сообщество для устранения угроз кибербезопасности [20].

США относятся к Великобритании как к своему ближайшему союзнику в области ядерного оружия, продолжают обмениваться ядерными технологиями и секретами, системами запуска ядерного оружия с подводных лодок и сотрудничать в борьбе с ядерным терроризмом.

Однако поспешный вывод американских войск из Афганистана в августе 2021 г. вызвал значительную напряжённость в отношениях между Лондоном и Вашингтоном. Британские военные посчитали, что неразумная политика США привела к краху позиций Запада в этой стране, однако британцы не высказывали жёсткой критики в адрес США по этому вопросу.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Внешняя политика президента Д. Трампа поставила под сомнение давние союзы и вывела США из ряда многосторонних институтов. В период его администрации американско-британские отношения подвергались проверке на прочность ввиду возникших противоречий. Американский президент был недоволен тем, что Великобритания не хотела следовать примеру Вашингтона в выходе из СВПД и усиливать своё противостояние с Китаем. Низкая популярность Д. Трампа в Великобритании во многом объясняется противоречивым стилем его руководства во внутренних и внешних делах. На международной арене действия администрации Д. Трампа привели к ослаблению доверия британцев к Вашингтону как к ответственному и доброжелательному гегемону.

Но во время президентства Д. Трампа сотрудничество США и Великобритании в области разведки, обмена контртеррористической информацией, повседневные контакты между их вооружёнными силами и взаимодействие в ядерной области не ослабевали. Это свидетельствует о том, что фундамент двухсторонних американско-британских отношений изолирован от напряжённости, которая может возникать на уровне элит. Однако институциональные отношения не могут долго нести груз «особых отношений». Если не предпринимать усилий на уровне политических элит по координации и перераспределению общих интересов, то даже институциональные связи могут утрачивать силу и начать подвергаться риску ослабления.

Влияние политики Дж. Байдена на американско-британские отношения, вероятно, будет более разнообразным. Он улучшил ключевые аспекты «особых отношений» и, возвращая США к многостороннему взаимодействию, уменьшил двухсторонние разногласия, укрепив общие интересы между двумя странами. Хотя скорость, с которой Дж. Байден смог восстановить ключевые аспекты «особых отношений», подтверждает, что влияние Д. Трампа было в основном краткосрочным.

Ряд проблем, по которым остаются разногласия, например касательно Ирана, показывает, что отношения между двумя странами остаются в некоторых аспектах неравноправными. Однако они по-прежнему имеют ценность для администрации США независимо от их политического оттенка. Для Великобритании без поддержки со стороны ЕС будет труднее реализовывать собственное видение «глобальной Британии», так как она будет более уязвима. Чтобы повы-

свить свою ценность, Великобритания, как и США, инициировала поворот к Индо-Тихоокеанскому региону с целью сдерживания Китая.

Анализ внешнеполитического наследия Д. Трампа в отношении Великобритании показывает, что в настоящее время британская правящая элита не ставит под сомнение необходимость поддерживать тесное военное сотрудничество с США. Исходя из официальной внешнеполитической британской стратегии «Глобальная Британия» Великобритания не отказалась в принципе от концепции проецирования своей силы в глобальном масштабе совместно с США.

Очевидно, что в ближайшие годы этот союз не утратит своего значения для обеих стран. Администрация Дж. Байдена по-прежнему будет воспринимать Великобританию как самого сильного в военном плане европейского союзника. Таким образом, общие интересы, общее понимание ключевых проблем, взаимная полезность и институционализация двухсторонних связей усиливают взаимодействие между США и Великобританией, придавая этим отношениям прочность.

ИСТОЧНИКИ

1. Memorandum from the Foreign and Commonwealth Office. Parliament UK. March 2018. Available at: https://publications.parliament.uk/pa/cm201719/cmselect/cmcaff/780/78008.htm#_idTextAnchor035 (accessed 01.02.2022).
2. Wintour P. UK-US Trade Deal Under Threat Unless Iran Stance Changes, Says Trump ally // *The Guardian*. 15 January. 2020. Available at: <https://www.theguardian.com/world/2020/jan/15/boris-johnson-uk-us-trade-deal-under-threat-unless-iran-stance-changes-says-trump-ally>. (accessed 04.02.2022).
3. Shipman, T. Ben Wallace Interview: We Can't Rely on US // *The Times*. 12 January. 2020. Available at: <https://www.thetimes.co.uk/edition/news/ben-wallace-interview-we-cant-rely-on-us-pmwcgv398>. (accessed 04.02.2022).
4. The UK Government. Huawei to be Removed from UK 5G Networks by 2027. 14 July. 2020. Available at: <https://www.gov.uk/government/news/huawei-to-be-removed-from-uk-5g-networks-by-2027>. (accessed 05.02.2022).
5. The White House. Remarks by President Trump and Prime Minister May in Joint Press Conference, 4 June 2019. Available at: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-prime-minister-may-joint-press-conference/> (accessed 07.02.2022).
6. Kagan R. Trump's America Does not Care // *The Washington Post*, 14 June. 2018. Available at: https://www.washingtonpost.com/opinions/donald-trumps-america-the-rogue-superpower/2018/06/14/c01bb540-6ff7-11e8-afd5-778aca903bbe_story.html (accessed 07.02.2022).
7. BBC. Capitol Riots: Boris Johnson Condemns Donald Trump for Sparking Events. 7 January, 2021. Available at: <https://www.bbc.com/news/uk-politics-55580806>. (accessed 10.02.2022).

8. Reynolds D. The End of the Special Relationship // *The Wall Street Journal*. 19 July 2019. Available at: <https://www.wsj.com/articles/the-end-of-the-special-relationship-11563544911> (accessed 04.02.2022).

9. Mills C. Brexit and UK Defence: An Explainer, Briefing Paper, №. 8676, House of Commons Library. 2019. Available at: <https://researchbriefings.files.parliament.uk/documents/CBP-8676/CBP-8676.pdf> (accessed 07.02.2022).

10. GCHQ. The National Security Agency—An Enduring and Vital Partnership. 26 March. 2018. Available at: <https://www.gchq.gov.uk/news/joint-statement> (accessed 07.02.2022).

11. The NSA. NSA Cybersecurity 2020 Year in Review. 12 January. 2021. Available at: <https://us-cert.cisa.gov/ncas/current-activity/2021/01/12/nsa-cybersecurity-directorate-releases-2020-year-review>. (accessed 09.02.2022).

12. The US Department of State. A Free and Open Indo-Pacific: Advancing a Shared Vision. 4 November. 2019. Available at: <https://www.state.gov/a-free-and-open-indo-pacific-advancing-a-shared-vision/>. (accessed 07.02.2022).

13. The UK Government.. Embedded Arrangements Between the UK and the US. 8 September. 2015. Available at: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/462737/20150908-FOI-Embed-Arrangements-UK-US-Annex-7054.pdf (accessed 06.02.2022).

14. Borger J., Beaumont P. Syria: US, UK and France Launch Strikes in Response to Chemical Attack // *The Guardian*. 14 April. 2018. Available at: <https://www.theguardian.com/world/2018/apr/14/syria-air-strikes-us-uk-and-france-launch-attack-on-assad-regime> (accessed 07.02.2022).

15. Biden J. A Vision for the Future of the Transatlantic Relationship. Speech at Chatham House. 10 October. 2018. Available at: <https://chathamhouse.soutron.net/Portal/DownloadImageFile.ashx?objectId=1733>. (accessed 09.02.2022).

16. Blinken A. A Foreign Policy for the American People. 3 March. 2021. Available at: <https://www.state.gov/a-foreign-policy-for-the-american-people/>. (accessed 07.02.2022).

17. The UK Government. Global Britain in a Competitive Age. March 2021 The Integrated Review of Security, Defence, Development and Foreign Policy. The Stationery Office, London. March 2021. Available at: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/975077/Global_Britain_in_a_Competitive_Age_the_Integrated_Review_of_Security_Defence_Development_and_Foreign_Policy.pdf (accessed 09.02.2022).

18. Pew Research Centre. British, French and German Publics Give Biden High Marks After U.S. Election. 19 January 2021. Available at:

<https://www.pewresearch.org/global/2021/01/19/british-french-and-german-publics-give-biden-high-marks-after-u-s-election> (accessed 09.02.2022).

19. Enter AUKUS. The New Geopolitics of Asia // *The Economist*. 25 September, 2021: 21–26.

20. The NSA. GCHQ and NSA Celebrate 75 Years of UKUSA Agreement. 4 March. 2021. Available at: <https://www.nsa.gov/News-Features/Feature-Stories/ArticleView/Article/2524368/gchq-and-nsa-celebrate-75-years-of-ukusa-agreement>(accessed 04.02.2022).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Мамедова А.О. 2018. Дискуссия в США и Великобритании о состоянии и перспективах особых отношений // *Вестник Московского университета*. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. Т.10. № 2. С.33-60.

REFERENCES

Chalmers M., Jessett W. 2020. Defence and the Integrated Review: A Testing Time, RUSI Whitehall Report 2–20. March 2020, p: 1–15.

Danchev A. 2016. On Good and Evil and the Grey Zone. Edinburgh: Edinburgh University Press. С. 133.

Ikenberry J. 2028. The End of Liberal International Order // *International Affairs*. No.94 (1), pp. 7–23.

Mamedova A.O. 2018. Diskussiiia v SShA i Velikobritanii o sostoianii i perspektivakh osobykh otnoshenii [The Present and the Future of the Special Relationship: the Debate in the United States and the United Kingdom] (In Russ.). *Moscow University Bulletin of World Politics*. No 10 (2), pp. 33-60.

Mearsheimer J. 2018. The Rise and Fall of the Liberal International Order. No.43 (4), pp. 7–50.

Colby E., Mitchell A. 2020/ The Age of Great-Power Competition // *Foreign Affairs*. January/February. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/2019-12-10/age-great-power-competition>. (accessed 04.02.2022).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ХЛОПОВ Олег Анатольевич, кандидат политических наук, доцент кафедры американских исследований, Российский государственный гуманитарный университет. Российская Федерация, 125993, Москва, Миусская площадь, 6;

Oleg A. KHLOPOV, Cand. Sci. (Politics), Associate Professor of American Studies, Russian State University for the Humanities. 6, Miusskaya square, Moscow, 125 993 Russian Federation

Статья поступила в редакцию / Received 17.03.2022.

Поступила после рецензирования / Revised 25.03.2022.

Статья принята к публикации / Accepted 26.03.2022.

УДК 323

DOI: 10.31857/S2686673022050030

EDW: GQOFRK

Семья в США сегодня: «Выбор был сделан за нас»

Н.А. Шведова

Институт США и Канады Российской академии наук (ИСКРАН).

Российская Федерация, 121069, Москва, Хлебный переулок, д. 2/3.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6639-6392>

e-mail: n.shvedova2015@yandex.ru

Резюме: Пандемия коронавируса в США, как и во многих других странах мира, создала проблемы и препятствия для многих жителей, но темы материнства, реализации семейных и родительских обязанностей, наряду с другими, привлекли особое внимание общественности и средств массовой информации. Семья имеет первостепенное значение для большинства американцев обоего пола. При этом и работа, и материальное благополучие, и здоровье также играют важную роль. Характерно, что как республиканцы, так и демократы склонны «черпать смысл жизни» в своих семьях и своих друзьях, не забывая про карьеру и материальное благополучие.

Вновь вскрылись многие стороны жизни американских женщин, которые, однако, не все оказываются неожиданными, поражающими воображение своей новизной и уникальностью. Часто наоборот: проблемы пандемии с новой силой обнажили хронические, «болезненные» точки, связанные с разделением домашних обязанностей и ответственности внутри супружеских пар, особенно в связи с закрытием многих школ и детских учреждений. Опасения относительно сбоев вследствие пандемии, по всей видимости, чреватые долгосрочными последствиями для гендерного равенства на рабочем месте. Они вполне резонно вызывают озабоченность у широких кругов американской общественности, и прежде всего у женской половины. В ответ обсуждается новая общенациональная инициатива «План Маршалла для мам», в котором содержится призыв к Конгрессу США признать неоплачиваемый труд матерей на дому, наряду с оплачиваемым отпуском по семейным обстоятельствам, доступным уходом за детьми и программами равенства оплаты труда.

Пандемия *COVID-19* усугубила неравенство в экономике США, включая большой гендерный разрыв. Отрасли с преимущественно женской занятостью, такие как гостиничный бизнес, образование и розничная торговля, переживая худшие времена во время пандемии, столкнулись с резкой потерей рабочих мест. Женщины также чаще берут на себя обязанности по дому. Как свидетельствует практика, именно женщины испытывают на себе непропорционально большую часть издержек, преодолевая трудности возникших вызовов. Американская общественность осознаёт дополнительные проблемы, которые пандемия создала для работающих родителей, и высказывает поддержку мер, нацеленных на работников с семейными обязанностями, родителей.

Опыт работающих родителей во время вспышки коронавируса и то, как этот опыт мог измениться с периода до пандемии, – предмет осмысления американских исследователей, которые на основе ряда проведенных опросов (2019–2021 гг.) показывают картину происходящих перемен. Новые обстоятельства, связанные с пандемией *COVID-19* и волной штамма «омикрон», усиливают опасность потерять завоеванные позиции в обретении гендерного баланса и гендерной справедливости.

Ключевые слова: «институт семьи», гендерные роли, пандемия *COVID-19*, родительство, отцовство, материнство, «План Маршала для мам», дискриминация по признаку пола

Для цитирования: Шведова Н.А. Семья в США сегодня: «Выбор был сделан за нас». США & Канада: экономика, политика, культура. 2022; 52 (5): 34–49.
DOI: 10.31857/S2686673022050030

The U.S. Family Today: "They Made a Choice for Us"

Nadezhda A. Shvedova

Institute for the U.S. and Canadian Studies, Russian Academy of Studies.

2/3, Khlebnyy pereulok, Moscow, 121069, Russian Federation.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6639-6392>

e-mail: n.shvedova2015@yandex.ru

Abstract: The coronavirus pandemic in the United States, as in many other countries of the world, has created problems and obstacles for many residents of the country, but the topics of motherhood, the implementation of family and parenting responsibilities, along with others, attracted special attention of the public and the media. Family is of the utmost importance to most Americans of both genders. At the same time, work and material well-being and health also play a key role. Characteristically, both Republicans and Democrats tend to "draw the meaning of life" from their families, as well as from their friends, "without forgetting about their careers and material well-being.

Many aspects of the life of American women have been revealed again, which, however, not all turn out to be unexpected, striking the imagination with their novelty and uniqueness. Quite often the opposite: the problems of the pandemic have revealed with renewed vigor the chronic "painful" points about the division of household duties and responsibilities within married couples, especially in connection with the closure of many schools and childcare facilities. These are likely fears of disruption due to the pandemic, which are very likely real and fraught with long-term implications for gender equality in the workplace. These circumstances quite reasonably cause concern among wide circles of the American public, and above all, among the female half. In response, a new nationwide Marshall Plan for Moms initiative is being discussed, which calls on the US Congress to recognize unpaid work for mothers in the home, along with paid family leave, affordable child care and pay equity programs. American women are already paying the price of uncertainty that affects the economic prospects of women.

The COVID-19 pandemic continues to exacerbate inequalities in the US economy, including a wide gender gap. Female-dominated industries such as hospitality, education and retail have experienced plummeting job losses during their worst times during the pandemic. Women are also more likely to take on the responsibilities of caring for the home.

As practice shows, it is American women who bear a disproportionately large share of the costs, overcoming the difficulties of the challenges that have arisen. The American public is aware of the additional challenges the pandemic poses for working parents and supports measures aimed at workers with family responsibilities, parents. The experience of working parents during the coronavirus outbreak and how this experience could change from the moment before the pandemic is the subject of reflection by American researchers who, based on a series of surveys (2019-2021), paint a picture of the changes that are taking place.

New circumstances associated with the coronavirus pandemic and the emerging wave of the Omicron strain increase the risk of losing the gained ground in gaining gender balance and gender equity.

Keywords: family institution, gender roles, COVID-19 pandemic, parenting, paternity, motherhood, “Marshall Plan for Moms”, gender discrimination

For citation: Shvedova N.A. The U.S. Family Today: "They Made a Choice for Us". *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2022; 52 (5): 34-49.

DOI: 10.31857/S2686673022050030

ВВЕДЕНИЕ

Существует множество определений понятия «институт семьи», которые акцентируют ту или иную сущностную черту явления. В данном случае под определением «институт семьи» подразумевается малый общественный институт, в рамках которого постоянно повторяются и воспроизводятся отношения людей. В этом смысле он социальный институт, который функционирует как механизм, обеспечивающий повторение и воспроизводство социальных отношений и социальных практик людей, что обусловлено потребностями общества. В определённом смысле «институт семьи» относится к формальным институтам из-за установленных формальных правил, регламентирующих функции, средства и методы деятельности в нём. Социальные институты способствуют закреплению и воспроизводству тех или иных особо важных для общества социальных отношений, а также устойчивости системы во всех основных сферах её жизнедеятельности – экономической, политической, духовной, психологической, социальной.

Семейное положение, статус супругов, проживающих в официальном или не в официальном союзе, в значительной степени коррелируется с господствующим в общественном идеале и реализованным на практике уровнем гендерного равенства и справедливости, нашедшими воплощение в реальной государственной политике, программах, традициях. Бесспорно, семья как институт в США отличается сложной мозаикой переплетённых влияний и особенностей, начиная от потоков миграций и географии происхождения и заканчивая расовыми и этническими, религиозными, социально-экономическими и культурно-образовательными характеристиками. В американском обществе существует многообразие субкультур, вырабатывающих различное представление как о сущности «института семьи», так и о роли и функциях его субъектов. Образы непременно отражают наиболее доминирующую в общественном идеале тенденцию в представлении об «идеальной американской женщине» или «правильной американке», а также «идеальном американце» или «правильном американце».

Позиция в семье женщин и мужчин неразрывно связана со статусом всего женского и мужского населения страны и выражает, в той или иной степени, доминирующие тенденции гендерных взаимоотношений. Сила влияния, в частности, женщин как субъектов института семьи прямо пропорциональна

степени значимости завоеваний женского разнообразного активизма, включая как общественно-политическую деятельность, так и широкое женское движение в США, степени развитости политической культуры и достижений гендерного равенства в обществе в целом.

Если до середины XX столетия в американском обществе царил культ домашнего очага и господствовал образ женщины-матери, в обязанности которой входила забота о детях, содержание дома в чистоте и поддержание семейного уюта, то рубеж XX–XXI века стал свидетелем многих перемен. Ранее она, безусловно, – «хранительница домашнего очага», самоотверженно посвящающая свою жизнь мужу и детям. Она – воплощение лучших женских качеств, которые высоко ценились: это скромность, искренность, естественность, сдержанность и утонченность. Женщине полагалось быть слабой, беззащитной, деликатной [Reed, A.L., 1915: 857].

За последнее десятилетие был достигнут прогресс в борьбе за равенство женщин и мужчин в США, за которым скрывается признание самостоятельной значимости женской личности, её достоинства и прав человека. Однако большинство опрошенных американцев считают его недостаточным, полагая, что продвижение в предоставлении женщинам равных прав с мужчинами требует ещё немало работы. Таков вывод исследовательского Центра Пью (*Pew Research Center*) (далее – Центр Пью), который был основан на национальном репрезентативном онлайн-опросе 3143 взрослых американцев, проведённом с 18 марта по 1 апреля 2020 г. в канун 100-летнего юбилея принятия Поправки 19 к Конституции США о предоставлении права голоса американским женщинам [1]. Опрос проводился в ситуации, когда страна переживала начальный этап борьбы с пандемией коронавируса *COVID-19*, которая нарушила привычный образ жизни, внесла тревогу и сумятицу.

Три четверти женщин указывают на игнорирование проблемы дискриминации по признаку пола как «серьёзнейшей», 60% мужчин согласны с этим. Подавляющее большинство демократов (85%) считают пренебрежение проблемой гендерной дискриминации «крупной». Взгляд республиканцев отличается: для них «существенная» проблема – это «хуже видеть дискриминацию там, где она отсутствует» (53%), чем не замечать её там, где она существует (46%). Женщины-республиканки гораздо чаще, чем мужчины-республиканцы, указывают на людей, игнорирующих гендерную дискриминацию, как на более серьёзную проблему (54% против 38%) [1].

СЕМЬЯ КАК НРАВСТВЕННАЯ ЦЕННОСТЬ И СМЫСЛ ЖИЗНИ

В публикации упомянутого Центра Пью от 18 ноября 2021 г. исследуются ответы американцев на открытый вопрос об истоках, ресурсах смысла жизни человека, прослеживаются изменения в них с течением времени, а также приводится сравнение ответов в США и в других странах мира. Для этого анализа были проведены национальные репрезентативные опросы 4867 взрослых американцев с

14 по 28 сентября 2017 г. и 2596 взрослых американцев с 1 по 7 февраля 2021 г. [2]. Центр также осуществил национальные репрезентативные опросы 16 254 взрослых с 12 марта по 26 мая 2021 г. в 16 странах с развитой экономикой.

Ясно, что жизнь не стоит на месте. В США, как и в других странах мира, произошли многие события, повлекшие за собой разные перемены, порой мучительные. От новой администрации в Белом доме до пандемии *COVID-19* – в этом диапазоне происходят нарушения привычного ритма работы, испытания финансовой безопасности, семейных структур и свободы передвижения по стране и по миру – всё это подвергает настоящему экзамену, проверке общественное здравоохранение. Наряду с этими сдвигами американцы отчасти смещают акценты относительно своих представлений об источниках смысла своей жизни.

Американцы отвечали на вопрос: «Что в вашей жизни в настоящее время вы находите значимым, полноценным или удовлетворяющим? Что побуждает вас действовать и почему?». Была проявлена чётко выраженная тенденция – семья имеет первостепенное значение для большинства американцев. Как республиканцы, так и демократы, заявляли, что черпают смысл жизни в своих семьях, но представители и сторонники обеих партий в своих предпочтениях отличаются от других источников смысла жизни. Так, республиканцы и демократы, в основном соглашаясь с высокой нравственной ценностью семьи, друзей и карьеры, которые придают им смысл жизни, расходятся во мнениях по другим факторам, включая веру и здоровье, свободу и любимое дело (хобби) [3].

При этом параллельно наблюдается иная тенденция: доля взрослых в возрасте от 25 до 54 лет, которые состоят в браке, снизилась с 67% в 1990 г. до 53% в 2019 г., в то время как доля сожителей более чем удвоилась за тот же период (с 4% в 1990 г. до 9% в 2019 г.). Это относительно небольшая доля взрослых в данном возрастном диапазоне. Доля тех, кто никогда не был в брачном союзе, также выросла – с 17 до 33%. Весь этот отток привёл к значительному увеличению доли тех, кто не является партнёром в супружеском союзе. Американские специалисты объясняют эти тенденции различными причинами для определённых социально-демографических групп, хотя и отмечают общие тренды в эволюции семьи (например, большая самостоятельность женщин, повышение их экономической независимости, усиление психологически-нравственного и духовного основания в создании семейного союза и др.). Существуют различия по расе и этнической принадлежности в доле взрослых трудоспособного возраста, состоящих в партнёрстве и не состоящих в браке. Среди людей в возрасте от 25 до 54 лет 59% чернокожих взрослых в 2019 г. не имели партнёров. Это выше, чем доля латиноамериканцев (38%), белых (33%) и азиатов (29%) среди взрослых. Для большинства расовых и этнических групп мужчины чаще, чем женщины, не имеют партнёра. Исключение составляют чернокожие взрослые, где женщины (62%) чаще не имеют партнёра, чем мужчины (55%) [4].

Тенденцию к снижению доли взрослых, состоящих в браке, и одновременно к двукратному росту доли сожителей американские специалисты объясняют неоднозначно. С одной стороны, возраст вступления в первый брак продолжает расти, взрослые, не состоящие в браке, просто отстают, а не полностью отказываются от партнёрства. С учётом того, что 71% взрослых американцев заявили, что возможность финансово поддерживать семью очень важна для того, чтобы мужчина был хорошим супругом или партнёром, повышается ценность образования как гаранта более благополучного существования. Более высокий уровень образования, следовательно, требует большего времени. (К 25 годам большинство взрослых заканчивают своё формальное школьное образование.)

Отмечается, что в 2019 г. 26% одиноких мужчин получили степень бакалавра, по сравнению с 24% в 1990 г. За этот период успехи в образовании были гораздо более существенными для мужчин-партнёров. Доля тех, кто получил степень бакалавра, выросла на 11 процентных пунктов с 1990 по 2019 г., увеличив разрыв в образовании между мужчинами, состоящими в партнёрстве, и мужчинами, не состоящими в браке, с 3 до 11 процентных пунктов. Во многих исследованиях зафиксирован рост безработицы среди менее образованных мужчин трудоспособного возраста, сопровождающийся падением реальной заработной платы с 1980 г. В 1990 г. аналогичная доля женщин, не состоящих в браке (23%) и состоящих в партнёрских отношениях (22%), получила степень бакалавра. Обе группы повысили свой образовательный уровень, но женщины-партнёры добились больших успехов. К 2019 г. 43% женщин-партнёров были выпускницами колледжей, что привело к значительному разрыву в уровне образования между этими двумя группами [4].

К тому же, как подчёркивают американские исследователи, по многим параметрам сожительствующие взрослые больше похожи на взрослых, состоящих в браке, чем на одиноких взрослых.

Так или иначе, согласно упомянутому опросу, который Центр задал людям в 16 странах с развитой экономикой весной 2021 г., в мире больше людей упоминают свою семью как источник смысла жизни, чем какой-либо другой фактор. Респонденты отметили свои отношения с родителями, братьями и сёстрами, детьми и внуками; качественное время, проведённое со своими родственниками; и гордость, которую они испытывают от достижений членов семьи. Многие также выразили желание жить жизнью, которая оставляет их потомкам лучший мир [5].

Исследователи указывают на ряд тенденций, которые претерпевают изменения. *Во-первых*, американцы стали чаще упоминать общество как источник смысла жизни, но большая часть этого акцента носит негативный характер. Как и в 2017 г., около половины взрослых, которые упоминают общество (49%), указывают на что-то негативное, например, личные разочарования или трудности. Характер этих жалоб варьируется в широких пределах: от экономических про-

блем, недоверия к правительству и партийной вражды до более общих опасений относительно направления развития государства [5].

Во-вторых, американцы – особенно республиканцы – стали чаще упоминать свободу и независимость как источник смысла жизни. Среди американцев в целом 9% сейчас поднимают такие вопросы, как свобода, независимость и их способность делать то, что они хотят, включая финансовую независимость, наличие свободного времени или хороший баланс между работой и личной жизнью, или политические свободы, такие как свобода слова (в 2021 г. на 5% больше по сравнению с 2017 годом).

В-третьих, всё меньше американцев сейчас называют супругов или романтических партнёров как источник смысла своей жизни. Если в 2017 г. каждый пятый респондент (то есть 20%) относился к этому числу, то в 2021 г. их число уменьшилось в 2 раза – примерно каждый десятый (9%) придерживался этой точки зрения. Лишь 13% взрослых, состоящих в браке, упоминают свою супружескую пару в 2021 г., по сравнению с 31% в 2017 г. Можно предположить, с учётом времени проводимого опроса (февраль 2021 г.), что на подобное настроение разочарования сказалась пандемия коронавируса, которая обострила внутрисемейные отношения, заставив лишиться прежних иллюзий относительно проживающих под одной семейной крышей, когда пришлось столкнуться с дополнительными трудностями и потерями. Вместе с тем, сравнение с другими странами, показывает, что, несмотря на снижение, американцы чаще называют своего супруга/супругу или партнёра среди всех опрошенных в обозначенных странах как источник смысла своей жизни. За пределами США упоминания о романтических партнёрах чаще всего встречаются в Нидерландах (8%) и Италии (7%). Но не более 5% взрослых в большинстве других мест упоминают своего супруга или партнёра.

В-четвёртых, финансы, работа или путешествия как источник смысла жизни реже фиксируются американцами по сравнению с 2017 г. Доля взрослых в США, которые поднимают вопрос о своём материальном благополучии, включая упоминания о том, что они чувствуют себя в безопасности, могут обеспечить свои базисные потребности и жить с комфортом, снизилась с 29 до 18% за последние четыре года. Это снижение было заметно, в частности, среди двух групп: взрослых, состоящих в браке, и белых американцев. В 2017 г. обе группы с наибольшей определённостью указывали на материальное благополучие как на источник смысла жизни. Доля взрослых, считающих свою работу, род занятий или карьеру источником смысла жизни, снизилась с 24% в 2017 г. до 17% в 2021 г. Как представляется, эти данные не могут не отражать того факта, что трудовая жизнь многих американцев претерпела изменения, продиктованные пандемией коронавируса.

Акцент на здоровье также значительно реже присутствует среди белых американцев, которые указывают на эту тему с такой же частотой, как чернокожие и латиноамериканцы. В 2017 г., напротив, белые взрослые чаще, чем чернокожие

и латиноамериканцы, упоминали о своём здоровье. Большинство американцев не чаще упоминают о трудностях или проблемах, чем четыре года назад, хотя пожилые люди являются исключением. В период 2017–2021 гг. доля американцев, которые упоминают какие-либо негативные обстоятельства или трудности при описании того, где они находят смысл жизни, оставалась стабильной – 17% всех взрослых [2].

Таким образом, ценность семейных уз (в разнообразных формах семейного, брачного формального и неформального союза или совместного проживания) пользуется в американском обществе высоким общественным признанием и престижем, воплощаясь в практику жизни.

СОВРЕМЕННЫЕ ЧЕРТЫ РОДИТЕЛЬСТВА

Соединённые Штаты, как и другие страны, столкнулись с новой волной коронавируса штамма «омикрон», неизбежно бросающей вызовы населению, женская половина которого испытывает вполне ощутимые трудности, непропорционально весомее сказывающиеся на американских женщинах. Пандемия *COVID-19* уже внесла свои коррективы: доля матерей, которые заявили, что для них было бы лучше работать полный рабочий день, снизилась с 51 до 44% в период с 2019 по 2020 г. Пандемия создала проблемы и препятствия для многих американцев, но проблемы материнства, реализации семейных и родительских обязанностей привлекли особое внимание средств массовой информации. При этом обнажились многие стороны жизни американских женщин, которые, однако, не все оказываются неожиданными, поражающими своей новизной.

Прежде всего проблемы пандемии с новой силой выявили «болезненные» вопросы о разделении домашних обязанностей и ответственности между парами, особенно в связи с тем, что многие школы и детские сады оказались закрыты. Высказываются опасения, что сбои, вызванные пандемией, могут иметь долгосрочные последствия для гендерного равенства на рабочем месте. В ответ заинтересованное женское сообщество и активное демократическое движение предпринимают попытки сопротивления, чтобы не допустить углубления отрицательных последствий для гендерного баланса в стране.

Матери и отцы по-прежнему воспринимаются по-разному в контексте проблемы ухода за детьми. Около половины американцев (53% в 2016 г.) считают, что матери справляются с работой лучше, чем отцы, ухаживающие за новорождённым ребенком. Несколько меньшая доля (45%) подчёркивают, что матери и отцы справляются примерно одинаково хорошо, а 1% американцев считает, что отцы выполняют работу лучше, чем матери. Однако большинство (71%) отметили одинаковую важность для новорождённого поддерживать связь с матерью и отцом, около четверти (27%) считают важнее связь новорождённого с матерью. Более половины (56%) придерживаются точки зрения: не имеет значения, кто из родителей остаётся дома.

Многие американские аналитики подчёркивают переменчивый характер «института отцовства» в США, хотя указывают на то, что современные отцы, живущие со своими детьми в семьях, принимают более активное участие в уходе за ними и помощи по домашнему хозяйству. С одной стороны, число отцов-одиночек значительно выросло за последние десятилетия, а с другой – увеличилось количество детей в семьях без отца в доме.

Доля пар в семьях с двумя доходами значительно возросла и в настоящее время составляет большинство семей с двумя родителями и детьми. Отцы всё реже становятся единственным кормильцем своей семьи. Если по состоянию на 2016 г. свыше четверти пар (27%) жили с детьми младше 18 лет в семьях, где работает только отец, то это ознаменовало резкое изменение по сравнению с 1970 г., когда почти половина этих пар (47%) были в семьях, где работал только отец [6].

На самом деле, больше отцов остаются дома, посвящая себя заботе о своих детях. Так, доля отцов, берущих на себя «традиционные» обязанности матери-домохозяйки (отцы-домоседы), выросла с 4% в 1989 г. до 7% в 2016 г., то есть почти в 2 раза. В результате отцы составляли 17% всех родителей, оставшихся дома, по сравнению с 10% в 1989 г. При этом почти четверть (24%) отцов-домоседов назвали в качестве главной причины своего решения заботу о семье. (Для сравнения: 78% матерей, оставшихся дома, сообщили, что это была главная причина, по которой они были дома, по сравнению с 86% в 1989 г.).

Сегодня отцы гораздо больше занимаются уходом за детьми, чем 50 лет назад. В 2016 г. отцы тратили в среднем восемь часов в неделю на уход за детьми – примерно в 3 раза больше времени, чем в 1965 г. А в 2016 г. отцы посвящали домашним делам около десяти часов в неделю по сравнению с четырьмя часами в 1965 г. Для сравнения: в 2016 г. матери тратили в среднем около 14 часов в неделю на уход за детьми и 18 часов в неделю на домашнюю работу [6].

Отцы считают воспитание детей важнейшим элементом своей личности. Они, как и матери, подчёркивают чрезвычайную важность воспитания детей для своей самооценки: около 57% отцов и 58% матерей подчеркнули это в ходе опроса. Оба родителя ценят преимущества отцовства: 54% отцов сообщили, что воспитание детей всегда приносит пользу, как и 52% матерей. Между тем, 46% отцов и 41% матерей заявили, что они находят воспитание детей приятным всё время.

Тем не менее, как считает большинство американцев, отцам приходится сталкиваться с большим давлением, чтобы обеспечить финансовую поддержку своей семьи. Около трёх четвертей взрослых (76%) заявили в опросе 2017 г., что мужчины испытывают значительно большее давление, чтобы поддержать свою семью финансово, в то время как 49% – чтобы быть вовлечённым родителем. А 77% респондентов утверждали, напротив, что именно американки сталкиваются с большим давлением в отношении своих родительских обязанностей, и 40% заявили о значительном давлении на женщин, чтобы поддержать свою семью финансово [6].

Баланс между работой и семьёй – проблема для многих работающих отцов, не говоря о матерях. Около половины отцов (52%) подчёркивали сложность задачи сочетания ответственности работника с родительскими и семейными обязанностями, что несколько меньше, чем у матерей (60%), которые выразили сходную позицию. Около трёх из десяти работающих отцов (29%) сообщили о своей постоянной «спешке», как и 37% работающих матерей. Кроме того, общественность считает, что работающие отцы испытывают большее давление, чем работающие матери, в отношении возвращения на свою работу после рождения или усыновления ребёнка. Так, почти половина (49%) респондентов признавали большее давление, оказываемое на отцов с требованием скорейшего возвращения на работу, в то время как 18% утверждали, что работодатели оказывают большее давление на матерей.

Среди проблем отцов, по их собственному признанию, была названа неудовлетворённость из-за недостаточности проводимого с детьми времени. Так, 63% отцов (опрос 2017 г.) выражают сожаление, что мало проводят времени с детьми, по сравнению с 35% матерей, которые высказали такое же мнение. Родители называют общую основную причину: это рабочие обязанности, которые поглощают огромную часть их времени.

ОПЫТ РАБОТАЮЩИХ РОДИТЕЛЕЙ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ

Опыт работающих родителей в период вспышки коронавируса и то, как этот опыт мог измениться со времени до пандемии, – предмет осмысления американских аналитиков, которые на основе проведённых опросов (2019, 2020, 2021 гг.) пришли к выводу: работающие матери (50%) чаще, чем работающие отцы (39%), утверждали, что работающим родителям затруднено их продвижение по карьерной лестнице. Матери также находятся в худшем положении, чем отцы, когда им нужно было сократить своё рабочее время (54% против 44%), и чувствовали, что не могут выкладываться на 100% на работе (51% против 43%), потому что они балансировали между работой и родительскими обязанностями. Примерно четверть (27%) работающих матерей сообщали о снисходительном отношении к ним, что выражалось в непризнании их приверженности работе, по сравнению с 20% отцов. Кроме того, каждая пятая работающая мать (19%) была отстранена от выполнения важного задания или лишена повышения по службе из-за наличия детей, по сравнению с меньшей долей отцов [7; 8].

Безусловно, не все работающие родители имеют возможность работать удалённо. Около 43% опрошенных заявили о такой возможности, а у 57% её не было. Из тех, у кого есть такая возможность, примерно семь из десяти (72%) признают, что на самом деле они работают из дома всё или большую часть времени. Работающие матери чаще, чем отцы, сетуют на усложнившийся баланс между работой и семьёй в период пандемии коронавируса. Так, треть работающих родителей, которые заняты на той же работе, что и до пандемии, и имеют детей в возрасте до

18 лет (независимо от того, дома они или нет), заявили об этом; 13% сообщили, что это стало проще, а 53% отметили отсутствие перемен. Работающие матери чаще, чем работающие отцы, признают возросшие трудности (39% против 28%) [9].

Американская общественность, похоже, осознаёт дополнительные проблемы, которые пандемия создаёт для работающих родителей, и высказывает поддержку мер, нацеленных на работников с семейными обязанностями, родителей. Так, более восьми из десяти взрослых в США (83%) считают справедливым предоставление некоторыми компаниями работающим родителям дополнительного свободного времени для решения проблем, вызванных вспышкой коронавируса, потому что родители сталкиваются с требованиями дома, которых нет у других работников. Среди работающих взрослых большая доля тех, у кого есть дети младше 18 лет (86%), и тех, у кого их нет (80%), считают справедливым, что некоторые компании предоставили работающим родителям дополнительный отпуск. Лишь заметное меньшинство (16%) считают «несправедливым то, что работникам, не имеющим детей, в конечном счёте приходится выполнять больше работы» [9].

О РОЖДАЕМОСТИ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ

Вопреки некоторым предсказаниям о возможном росте рождаемости во время пандемии коронавируса, поскольку она заставила многих американцев находиться дома на карантине, предоставив больше времени вместе для пар, а в некоторых случаях создав препятствия на пути доступа к средствам контрацепции, что могло бы привести к бэби-буму. Однако этого не случилось. В настоящее время данные указывают на значительное снижение рождаемости, что связано непосредственно с пандемией как в Соединённых Штатах, так и во всём мире.

Согласно некоторым оценкам, в США в 2021 г. из-за вспышки коронавируса должно было родиться почти на 300 тысяч меньше детей, чем в 2020 г. [7; 8]. В целом, в США коэффициент рождаемости упал на 4% по сравнению с 2020 г. Предполагается, что женщины откладывают беременность в ответ на продолжающийся кризис здравоохранения. В 2019 г. в США на каждую тысячу женщин в возрасте от 15 до 44 лет приходилось 58,3 рождения, по сравнению с 59,1 в 2018 г., что означало снижение уровня рождаемости пятый год подряд. По утверждению экспертов, на снижение этого показателя повлияли различные факторы, в том числе снижение рождаемости среди женщин в возрасте 34 лет и моложе.

На всех уровнях образования сроки материнства изменились, поскольку всё меньше женщин рожают детей в подростковом возрасте или в возрасте 20 лет [7; 8]. Факторы, которые обусловили это сокращение, включают затяжные последствия «Великой рецессии», долгосрочные демографические изменения, то есть повышение уровня образования среди женщин, отложенное вступление в брак и другие. Если в 1994 г. 65% женщин в возрасте от 40 до 44 лет, обладающих степенью доктора философии или профессиональной степенью, и 76% американок с дипломом колледжа имели детей, то доля американок с низким уровнем образования бы-

ла значительно выше. В 2014 г. уже 80% женщин в обозначенной возрастной категории, имеющих степень доктора философии или профессиональную степень, были матерями, как и 82% женщин со степенью бакалавра. В течение этого периода доля женщин с низким уровнем образования оставалась стабильной.

Однако коэффициент фертильности, или количество детей, рождённых женщиной за всю её жизнь, свидетельствует, как утверждают специалисты, об увеличении в 2018 г. доли американских женщин в конце детородного возраста, чем десять лет назад. Согласно анализу данных Бюро переписи населения, около 85% женщин в возрасте от 40 до 44 лет были матерями в 2018 г., по сравнению с 82% в 2008 г. Согласно этому показателю, самая низкая точка рождаемости в США пришлось на 2006 г.: американки в указанной возрастной группе родили в среднем 1,86 ребёнка в течение своей жизни. С 2006 г. коэффициент рождаемости имеет тенденцию к росту, и в 2018 г. средний показатель составлял чуть более 2,0 детей. При этом отмечается, что коэффициент рождаемости, являясь запаздывающим, не отражает рождаемость современных молодых женщин [7; 8].

ПЛАН МАРШАЛА ДЛЯ МАТЕРЕЙ

«План Маршалла для мам» (*"Marshall Plan for Moms"*), предложенный генеральным директором НПО «Девушки, кодирующие гендерный разрыв» (*Girls Who Code*) Решмой Сауджани, призывает администрацию Дж. Байдена принять такие меры, как оплачиваемый отпуск по семейным обстоятельствам и программы обеспечения справедливости и переподготовки для женщин, чтобы они могли вернуться на работу.

В опубликованном в «Вашингтон пост» (*The Washington Post*) «Открытом письме» группа мужчин-американцев призывает Конгресс США принять «План Маршалла для мам», который будет способствовать возвращению американских женщин на рынок труда. Пятьдесят известных мужчин, в том числе бизнес-лидеры, спортсмены и актёры, поддерживают предложение о том, чтобы платить матерям 2400 долл. в месяц за их «неоплачиваемый труд на дому», поскольку рекордное число женщин покинули рынок труда из-за пандемии коронавируса и экономического кризиса. (В письме фигурируют звезда НБА Стеф Карри, бывший игрок НФЛ Виктор Круз, актёры Дон Чидл и Колин Фаррелл, основатель «Крейгслист» (*"Craigslislist"*) Крейг Ньюмарк, соучредитель «Реддит» (*"Reddit"*) Алексис Оганян и кандидат в мэры Нью-Йорка Эндрю Янг.)

В письме, в частности, сказано: «Когда более чем 30-летний прогресс женщин на рынке труда может быть стёрт за девять месяцев, базовая система нарушается. Пришло время создать новую структуру, которая будет работать для женщин и которая будет уважать и ценить их труд». В нём подчёркнуто, что у мужчин есть своя роль, которую они должны играть: «Как партнёры и отцы, мы должны начать выполнять свою часть работы дома. Исследования показывают, что мы терпим неудачу» [10].

В свою очередь, 50 женщин подписали обращение в «Нью-Йорк таймс» в поддержку плана Маршалла для матерей. Среди подписавших – популярные медийные личности – актрисы Алисса Милано, Джулианна Мур, Ева Лонгория, активистка Тарана Бёрк.

Пандемия COVID-19 продолжает усугублять неравенство в экономике США, включая большой гендерный разрыв. Отрасли с преимущественно женской занятостью, такие как гостиничный бизнес, сфера образование и розничная торговля, переживая худшие времена во время пандемии, столкнулись с резкими потерями рабочих мест. Женщины также чаще берут на себя обязанности по дому. Среди женщин самый высокий уровень безработицы у латиноамериканок, который составляет 9,1%, за ними следуют чернокожие женщины (8,4%). У белых женщин самый низкий уровень безработицы – 5,7%.

Женщины закончили 2020 год с потерей 860 тысяч рабочих мест (у мужчин – меньше). Женщины и мужчины начинали год примерно на равных, причём американки занимали около 50,03% рынка труда. Упомянутая выше Р. Сауджани вполне обоснованно подчеркнула тревожащую перспективу возвращения американок на рынок труда. Могут потребоваться десятилетия для возврата американским женщинам паритетного участия (более 50%) на рынке труда, если не будет комплексного плана по достижению этой цели. Она полагает: «Ни одна женщина не сделала выбор в пользу того, чтобы остаться дома и заботиться о детях в этом кризисе, этот выбор был сделан за нас... Мы не являемся американской системой социальной защиты. И поскольку многие из нас, по сути, заменяли оплачиваемый труд на неоплачиваемый, нас никто не спрашивал. Они [сложившиеся обстоятельства] поставили нулевую оценку нашему труду, и пришло время оценить его по достоинству». Р. Сауджани подчеркнула: «Я знаю, что Джо Байден заботится о матерях. Это вопрос, который волнует его лично, и поэтому я не сомневаюсь, что эта администрация поступит правильно и разработает план Маршалла для матерей» [10]. Напомним, что план Маршалла относится к программе США после Второй мировой войны, которая была названа в честь государственного секретаря Джорджа Маршалла и предоставила огромные объёмы помощи западноевропейским странам. Историческая ассоциация не случайна, она знаковая, так как призвана подчеркнуть необходимость масштабного характера для решения проблемы. Дж. Байден включает предложение о всеобщем дошкольном образовании в «План американских семей» (14 июня 2021 г.).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На базе многочисленных исследований американские аналитики убедительно показывают, что семья имеет первостепенное значение для большинства американцев обоего пола. При этом и работа, и материальное благополучие, и здоровье также играют ключевую роль. Характерно, что как республиканцы, так и демократы склонны «черпать смысл жизни в своих семьях, а также в своих друзьях», не забывая

при этом про карьеру и материальное благополучие. Но республиканцы и демократы существенно отличаются по ряду других факторов (включая веру, свободу, здоровье и хобби). Иными словами, и республиканцы, и демократы отдают предпочтение семье, хотя и отличаются по другим источникам смысла жизни.

На самом деле, в США присутствует развитая, широко применяемая законодательно-правовая база гендерного равенства, а также специальная система служб и учреждений, которые на исполнительном уровне приводят в движение ресурсы для поддержания гендерного равновесия. Однако это не означает наличия достаточно сбалансированной картины гендерного равенства и гендерной справедливости, поскольку не только «старые» проблемы, но и новые требуют внимания. Острее всего из них – незавершённость создания прочной конституционно-правовой базы гендерного равенства. Прежде всего, принятие поправки к Конституции США «О политическом равенстве женщин» (*The Equal Right Amendment, ERA*) и ратификация Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (*Convention on the Elimination of All Forms of Discrimination Against Women, CEDAW*) [Шведова Н.А., 2018].

Новые обстоятельства, связанные с пандемией COVID-19 и, в частности, с волной штамма «омикрон», повышают опасность потерять завоеванные позиции в обретении гендерного баланса и гендерной справедливости. Как свидетельствует практика, именно американские женщины, преодолевая трудности возникших вызовов, испытывают на себе непропорционально большую часть издержек.

Сбои, вызванные пандемией, могут иметь долгосрочные последствия для гендерного равенства на рабочем месте, что не может не вызывать озабоченность у широких кругов американской общественности, и прежде всего у женской половины. В ответ многие видные общественные деятели подписали «План Маршалла для мам», в котором содержится призыв к Конгрессу США признать неоплачиваемый труд матерей на дому наряду с оплачиваемым отпуском по семейным обстоятельствам, доступным уходом за детьми и программами равенства оплаты труда.

Им приходится платить неопределённостью, которая уже оказывает влияние на экономические перспективы женского населения. Подобно тому, как у мирового сообщества есть и понимание, и ресурсы, включая и накопившийся опыт, США, как представляется, сумеют перевернуть и эту страницу, стараясь минимизировать потери, сопряжённые с «омикроном». Представляется, что грядущие промежуточные выборы 2022 г. в США уже придадут большую остроту политической борьбе, в которой обе партии – Демократическая и Республиканская – стремятся использовать чувствительные проблемы сегодняшнего дня, и прежде всего связанные с пандемией, при завоевании голосов избирателей для закрепления своих позиций на разных уровнях власти, включая Конгресс США. Женский электорат – ключевая составляющая в электоральном процессе. Достаточно уверенно можно предположить, что гендерно ориентированный электорат обратит внимание на коррозию гендерных ролей под влиянием пандемии и не откажется от

стремления восстановить и сберечь свои заслуженные завоевания в контексте гендерного равенства и восстановления в период после пандемии.

Вместе с тем, современный отрезок социально-экономической и общественно-политической жизни США, при всех её поворотах и колебаниях, пока что демонстрирует крепость каркаса политической системы США, которой имманентно присущи внутренние как центростремительные, так и центробежные векторы, искрящиеся с завидным постоянством. Это нормально, потому что в обществе существуют разные интересы, которые формируются и развиваются в обретении своего влияния. Происходит борьба, столкновение. Но структура политической системы, её части и принципы устроены таким образом, как «пазлы», которые каждый раз выдерживают сейсмические взрывы или колебания за счёт встроенного механизма сдержек и противовесов – ни одна из ветвей власти не может в одних руках сконцентрировать всю её полноту.

ИСТОЧНИКИ

1. Horowitz, Juliana Menasce and Igielnic, Ruth. A Century After Women Gained the Right to Vote, Majority of Americans See Work to Do on Gender Equality. Available at: <https://www.pewresearch.org/social-trends/2020/07/07/a-century-after-women-gained-the-right-to-vote-majority-of-americans-see-work-to-do-on-gender-equality/> (accessed 08.07.2020).
2. Patrick van Kessel and Laura Silver. Where Americans find meaning in life has changed over the past four years. Available at: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2021/11/18/where-americans-find-meaning-in-life-has-changed-over-the-past-four-years/> (accessed 20.11.2021).
3. Republicans and Democrats largely agree that family, friends and careers give them meaning in life – but differ on other factors including faith and health. Available at: https://www.pewresearch.org/fact-tank/2021/11/22/both-republicans-and-democrats-prioritize-family-but-they-differ-over-other-sources-of-meaning-in-life/ft_2021-11-22_partisanmeaning_01a/ (accessed 23.11.2021).
4. Fry, Richard and Parker, Kim. Rising Share of U.S. Adults Are Living Without a Spouse or Partner. Available at: <https://www.pewresearch.org/social-trends/2021/10/05/rising-share-of-u-s-adults-are-living-without-a-spouse-or-partner/> (accessed 13. 10. 2021).
5. Schaeffer, Katherine. Striking findings from 2021. Available at: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2021/12/17/striking-findings-from-2021/> (accessed 18.12.2021).
6. Livingston, Gretchen and Parker, Kim. 8 facts about American dads. Available at: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2019/06/12/fathers-day-facts/> (accessed 14.06.2019).
7. Barroso, Amanda. With a potential ‘baby bust’ on the horizon, key facts about fertility in the U.S. before the pandemic. Available at: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2021/05/07/with-a-potential-baby-bust-on-the-horizon-key-facts-about-fertility-in-the-u-s-before-the-pandemic/> (accessed 12.07.2021).

8. Barroso, Amanda and Horovitz, Juliana Menasce. The pandemic has highlighted many challenges for mothers, but they aren't necessarily new. Available at: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2021/03/17/the-pandemic-has-highlighted-many-challenges-for-mothers-but-they-arent-necessarily-new/> (accessed 20.03.2021).

9. Igielnik, Ruth. A rising share of working parents in the U.S. say it's been difficult to handle child care during the pandemic. Available at: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2021/01/26/a-rising-share-of-working-parents-in-the-u-s-say-its-been-difficult-to-handle-child-care-during-the-pandemic/> (accessed 01.02.2021).

10. Stracqualursi, Veronica. 50 prominent men join push for 'Marshall Plan for Moms' proposal. Available at: <https://edition.cnn.com/2021/02/26/politics/marshall-plan-for-moms-male-allies/index.html> (accessed 27.02.2021).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Шведова Н.А. 2018. Создание мира равных возможностей: стратегия равенства и политическое представительство полов в США. *Россия и Америка в XXI веке*. № 2. Available at: <https://rusus.jes.su/s207054760000031-1-1/> (accessed 15.12.2021). DOI: 10.18254/S0000031-1-1.

REFERENCES

Reed, A.L. 1915. Female Delicacy in the Sixties. *Century*. Vol. 90. October 1915.

Shvedova, N.A. 2018. Sozдание mira ravnykh vozmozhnostei: strategiia ravenstva i politicheskoe predstavitel'stvo polov v SShA [Creation of a World of Equal Opportunities: Strategy of Equality and Political Representation of the Sexes in the USA] (In Russ.). *Russia and America in the XXI century*. Issue 2. (In Rus.) Available at: <https://rusus.jes.su/s207054760000031-1-1/> (accessed 15.12.2021). DOI: 10.18254/S0000031-1-1

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ШВЕДОВА Надежда Александровна, доктор политических наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель Центра социально-политических исследований Института США и Канады Российской академии наук (ИСКРАН).
Российская Федерация, 121069, Москва, Хлебный переулоч, д. 2/3.

Nadezda A. SHVEDOVA, Doctor of Political Sciences, Professor, Chief Researcher, Head of the Center of Socio-Political Studies, Institute for the U.S. and Canadian Studies, Russian Academy of Sciences (ISKRAN).
2/3, Khlebny pereulok, Moscow, 121069, Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 18.03.2022.

Поступила после рецензирования / Revised 28.03.2022.

Статья принята к публикации / Accepted 29.03.2022.

УДК 338.49, 339.986

JEL: L63; L81; L86; F54

DOI: 10.31857/S2686673022050042

EDN: GQSENN

США: на пути к цифровому империализму

В.С. Васильев

Институт США и Канады Российской академии наук (ИСКРАН)

Российская Федерация, 121069 Москва, Хлебный переулок, д. 2/3

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3131-9500>

e-mail: vsvasiliev@mail.ru

Резюме. Анализируются исторические особенности становления цифровой экономики США начиная с 1990-х годов. Подчёркивается, что с момента превращения цифровой экономики в один из самых быстро развивающихся секторов американской экономики она считалась важной движущей силой трансформации научно-технического уклада в XXI веке, до известной степени независимой от традиционных закономерностей капиталистической экономики, главной из которых является закон циклического развития. Кризисные потрясения в начале текущего столетия наглядно продемонстрировали ограниченные возможности быстрого поступательного развития сектора ИКТ-технологий, хотя и оставили надежды на его революционную роль в трансформации всех сфер современного общества. Кризис 2020 г. показал, что цифровая экономика как важнейший фактор экономической стабильности, стала той отраслью, которая продемонстрировала рост на фоне самых глубоких кризисных потрясений со времён «Великой депрессии». Вознаграждение труда работников цифровой экономики одно из самых высоких в США.

Формирование сектора цифровой экономики рассматривается как важнейшая материально-техническая основа для трансформации США в цифровую империю, способную возродить принципы колониального господства и доминирования промышленно развитых стран по отношению к менее развитым странам Латинской Америки, Африки и Азии. Цифровой империализм предопределяет и период наступления эпохи экономических войн, ибо цифровизация общественных сфер не позволит менее развитым странам найти средства и инструменты отстаивать свой суверенитет в сфере международных отношений. Коронавирусная пандемия ускорила развитие цифровой экономики, способствовала увеличению разрыва в доступе к цифровым технологиям на национальном и на международном уровнях. «Цифровой разрыв» стал также важным фактором увеличения социально-экономического неравенства в распределении доходов и богатств.

Ключевые слова: цифровая экономика, цифровая инфраструктура, электронная торговля, цифровые коммерческие услуги, цифровой империализм, цифровой колониализм

Для цитирования: Васильев В.С. США: на пути к цифровому империализму. *США & Канада: экономика, политика, культура*, 2022, 52(5): 50-67.

DOI: 10.31857/S2686673022050042

USA: Towards Digital Imperialism

Vladimir S. Vasiliev

Institute for the U.S. and Canadian Studies,

Russian Academy of Sciences (ISKRAN)

2/3 Khlebny per., Moscow 121069, Russian Federation.

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3131-9500>

e-mail: vsvasiliev@mail.ru

Abstract. The historical features of the formation of the US digital economy since the 1990s are analyzed. It is emphasized that since the transformation of the digital economy into one of the fastest growing sectors of the American economy, it has been considered as one of the most important drivers forces for the transformation of the US scientific and technological base in the 21st century, to a certain extent independent of the traditional patterns of functioning of the capitalist economy, the main of which is the law of its cyclic development. The crisis upheaval in the American economy at the beginning of this century clearly demonstrated the limited possibilities for the rapid progressive development of the ICT sector, although they did not dispel hopes for its revolutionary role in transforming the reproductive basis of the modern economic system. The crisis of 2020 showed that the digital economy is the most important factor in ensuring societal [economic-- убрать] stability, moreover, it was one of the industries that showed economic growth against the backdrop of the deepest economic downturn in the US since the Great Depression. The remuneration of workers in the digital economy is one of the highest in the United States.

In the context of modern globalization, the formation of the digital economy sector in the United States is seen as the most important material and technical basis for the global dominance of the United States, in the transformation of America into a digital empire that can revive the principles of colonial domination and domination of economically developed countries in relation to the less developed countries of Latin America, Africa and Asia. Digital imperialism predetermines the period of the onset of the era of economic wars, because the digitalization of all public spheres is considered a factor that will not allow less developed countries to find the means and tools to defend their sovereignty in the field of international economic relations. The coronavirus pandemic has accelerated the development of the digital economy, further widening the gap in access to digital technologies both at the national and international levels. The “digital divide” has also become an important factor in increasing socio-economic inequality in the distribution of income and wealth.

Keywords: digital economy, digital infrastructure, e-commerce, digital commercial services, digital imperialism, digital colonialism

For citation: Vasiliev V.S. USA: Towards Digital Imperialism. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*, 2022, 52 (5):50-67. DOI: 10.31857/S2686673022050042

ВВЕДЕНИЕ. Исторические особенности становления нового наукоёмкого сектора экономики

Широкое распространение в американской экономике персональных компьютеров примерно с середины 1970-х годов и развитие информационно-коммуникационных сетей связи, приведшее на рубеже 1980–1990-х годов к формированию единой общенациональной и глобальной системы связи, получившей название Интернет, явились в середине 1990-х годов важнейшим фактором формирования в экономике США самостоятельного сектора информационно-коммуникационных технологий (ИКТ).

Официально понятие «цифровая экономика» вошло в употребление в 1998 г., когда Министерство торговли опубликовало обширный доклад, посвящённый новому и быстро растущему сектору экономики. В конце XX века аме-

риканские аналитики стали развивать концепцию «цифровой революции» по аналогии с промышленной революцией XVIII–XIX веков [1: 3-7]. В тот период американские специалисты были склонны отождествлять цифровую экономику с сектором ИКТ-технологий, не давая более или менее точного её определения. По состоянию на 1990 г. доля сектора ИКТ-технологий оценивалась в 6,1% ВВП, к 1998 г. она увеличилась до 8,2% ВВП [1: 4].

В 1999 г. Министерство торговли выпустило второй доклад, посвящённый формированию сектора цифровой экономики в США. Тогда исследования, выпущенные под эгидой министерства, делали основной упор на прикладные аспекты цифровой экономики, имея в виду прежде всего экономические эффекты. Поэтому в качестве основных проявлений фигурировало стремительное развитие системы электронной торговли и вклад ИКТ-технологий в темпы и изменение факторов экономического роста США. В частности, в конце XX века объёмы сделок посредством интернета оценивались от 7 млрд до 15 млрд долл., темпы роста сектора ИКТ-технологий достигли 10,7% в 1993–1999 гг., что примерно в 2 раза превышало среднегодовые темпы роста американской экономики в тот период [2: 5, 16]. К концу XX века услугами интернета в США и Канаде пользовалось примерно 100 млн человек [2: 3], и американские аналитики строили радужные прогнозы относительно перспектив развития электронной торговли в глобальных масштабах, естественно, с точки зрения формирования могучего фактора ускорения развития американской экономики.

НОВЫЙ СЕКТОР ЭКОНОМИКИ И ТРАДИЦИОННЫЕ ЦИКЛИЧЕСКИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ

Ускоренное, но одновременно хаотичное развитие сектора ИТК-технологий достигло своего пика в марте 2000 г.; на рынке цифровых технологий сформировался мощный пузырь, который стремительно сдулся, способствуя рецессии 2001 г. 10 марта 2000 г. индекс высокотехнологичных компаний достиг рекордных 5048 пунктов, а 9 октября 2002 г. опустился до отметки 1 114 пунктов, то есть уменьшился почти в 5 раз по сравнению с пиковым значением [3]. Потери в номинальной стоимости акционерного капитала компаний и корпораций, акции которых торговались на фондовом рынке НАСДАК, с марта 2000 г. по октябрь 2002 г. потеряли в стоимости умопомрачительную величину – 5,1 трлн долл., уменьшившись с 6,7 трлн до 1,6 трлн долл. [Brunnermeier B. and Nagel S., 2004: 2015].

Шоковое потрясение, вызванное лопнувшим пузырьём на рынке ИКТ-технологий, обернулось глубоким разочарованием в цифровой экономике, которая преподносилась в качестве «магического средства» решения слабых мест рыночной экономики, унаследованных от капитализма второй половины XIX и XX веков. И самый главный вывод, который был сделан в начале текущего столетия, сводился к тому, что цифровая экономика и «тотальная» цифровизация могут обернуться серьёзными экономическими кризисами и крахом на биржах. На

смену цифровой эйфории 1990-х годов пришёл цифровой пессимизм первого десятилетия текущего столетия, когда под сомнение были поставлены все достоинства цифровизации, а недостатки стали рассматривать как «нормальные» проявления любой смены научно-технологического уклада [Васильев В.С. 2005, 9: 3-27].

Синдром возможного биржевого краха цифровой экономики был преодолен только к концу второго десятилетия текущего века, когда сам термин вновь появился в официальных изданиях. Однако по своему настрою они стали носить взвешенный характер, лишённый эйфории второй половины 1990-х годов. Основная причина этой «реабилитации» кроется в объёмах венчурного инвестирования, одного из основных каналов финансирования сектора ИКТ-технологий. На пике цифрового бума рубежа XX и XXI веков они достигли отметки в 120 млрд долл. (в текущих ценах); в 2002 г. сократились до 16 млрд долл., то есть в 7,5 раз. В 2013 г. они составили 37 млрд долл., а затем стали расти достаточно быстрыми темпами, выйдя в 2018 г. на уровень 2000 г., когда их объём достиг 122 млрд долл. В 2020 г. венчурные инвестиции выросли до рекордного уровня в 130 млрд долл. [4], и этот показатель является свидетельством того, что бизнес в широком смысле этого слова, а не только венчурный, вновь «поверил» в цифровую экономику.

Параллельно большее внимание стало уделяться выявлению классификационных признаков цифровой экономики, ибо по сути за 20–25 лет официальным органам федерального правительства США так и не удалось сформулировать чёткого определения понятия цифровой экономики, что в принципе открывает достаточно широкое поле не только для его толкования, но и манипулирования им для получения желаемого образа цифровой экономики в зависимости от политической и экономической конъюнктуры.

ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА: ОПРЕДЕЛЕНИЯ И ГРАНИЦЫ

Парадокс более или менее чёткого определения официальными органами федерального правительства США понятия «цифровая экономика» находит своё проявление в том, что данное в начале XXI века на первых этапах цифровизации оно, по сути, не претерпело изменений в последующие 20 лет. В 2001 г. ведущий специалист Бюро переписи населения в составе Министерства торговли США Т. Мезенбург связал роль и значение цифровой экономики с концептуальным определением, подчеркнув, что «политики, деловые круги и средства массовой информации (СМИ) обращались к различным терминам для характеристики цифровой экономической активности. Более того, был сделан вывод о том, что эти термины часто использовались взаимозаменяемо и без понимания масштабов или взаимосвязей» [5: 3].

В результате было предложено не столько «академически» чёткое определение, сколько логическая конструкция, состоящая из трёх основных цифровых блоков, в сумме дающих представление о секторе цифровой экономики. *Первый*

блок был определён как представляющий собой инфраструктуру электронного бизнеса, под которой имелась в виду «доля общей экономической инфраструктуры, используемой для поддержки электронных бизнес-процессов и ведение электронной торговли». В качестве элементов инфраструктуры электронного бизнеса были перечислены 1) компьютеры, маршрутизаторы и другие виды аппаратного обеспечения; 2) спутники, системы оптико-волоконной связи и другие сетевые каналы передачи информации; 3) системное и прикладное программное обеспечение; 4) вспомогательное обслуживание, включая разработку и ввод в эксплуатацию веб-сайтов, консультирование, электронные платежи и сертификационные услуги; 5) человеческий капитал, например программисты [5: 3-4].

Ко *второму блоку* были отнесены различные виды электронного бизнеса, то есть «любые процессы, которые деловая структура осуществляет с помощью компьютеризированных сетей передачи информации» [5: 4]. Под деловыми структурами имелись в виду компании, фирмы или корпорации, действующие на коммерческой основе ради получения прибыли, а также бесприбыльные организации. В качестве основных видов электронных бизнес-процессов фигурировали онлайн-покупки и продажи, компьютеризированное управление производственными процессами и логистикой, а также системы внутренней связи и вспомогательных служб. Деятельность систем внутренней связи и вспомогательных служб охватывала электронную почту, предоставление автоматизированных услуг для сотрудников, обучение, обмен информацией, видеоконференции, набор персонала и удалённую работу.

Третий блок охватывал все виды электронной торговли, при этом особый упор делался на коммерческие сделки купли-продажи, осуществляемые для извлечения прибылей на основе установленных цен товаров и услуг, предлагаемых через электронные системы торговых связей. Некоммерческое использование такого рода систем в понятие «электронная торговля» не входило и не учитывалось при определении объёмов электронной торговли, как и платёжные операции, осуществляемые с помощью электронных систем [5: 4].

Фактически на основе этих трёх блоков можно было дать широкое и узкое понимание границ цифровой экономики. При широком понимании её границы и масштабы приобретали достаточно расплывчатые очертания, а при узком – сердцевинной цифровой экономики становилась сфера электронной торговли, что было обусловлено ведомственными интересами Министерства торговли.

Главным органом изучения и оценки границ цифровой экономики в США сейчас является Бюро экономического анализа, которое начало собирать и публиковать систематические статистические данные о цифровой экономике с весны 2018 г. Согласно американскому официальному пониманию термина «цифровая экономика», она включает в себя три основных типа товаров и услуг:

- «Инфраструктура, или основные физические материалы и организационные механизмы, поддерживающие существование и использование компью-

терных сетей и цифровой экономики; в первую очередь товары и услуги информационно-коммуникационных технологий (ИКТ).

- Электронная торговля или удалённая продажа товаров и услуг через компьютерные сети.

- Платные цифровые услуги или услуги, связанные с вычислениями и связью, которые предоставляются за плату, взимаемую с потребителя» [6].

Вместе с тем пока Бюро экономического анализа в оценках границ цифровой экономики придерживается принципа более узкого их понимания, исключив «любые товары, которые имеют какие-либо нецифровые компоненты, и многие услуги, у которых нет нецифровых компонентов». Поэтому первые оценки размеров цифровой экономики, сделанные весной 2018 г., были составлены «только на основе товаров и услуг, которые являются цифровыми». Однако оценки размера цифровой экономики, появившиеся в августе 2020 г., а затем скорректированные в июне 2021 г., были составлены на основе расширительной трактовки объёмов электронной торговли путём включения в них частично цифровых товаров. В итоге, как указывают аналитики Бюро экономического анализа, «частичное включение дополнительных розничных и оптовых товаров электронной торговли расширило границы цифровой экономики». Одновременно новейшие американские оценки масштабов «цифровой экономики полностью исключают стоимость отраслей, производящих товары и услуги, связанные со структурами, которые в свою очередь являются частью цифровых и платных цифровых посреднических услуг» [7].

Более узкая трактовка границ цифровой экономики наглядно видна на примере её размеров, выполненных в конце XX века и в последнее время. Так, по состоянию на 1998 г. на долю цифровой экономики приходилось 8,2% ВВП [1: 4], а согласно оценке 2021 г., в 2019 г. на долю цифровой экономики приходилось не более 9,6% ВВП США, а объём производимой ей продукции достиг 2,1 трлн долл. [8]. При этом ретроспективная ревизия границ цифровой экономики, произведённая в 2018 г., показала, что в целом доля цифровой экономики в конце XX века составляла порядка 6,0% ВВП, а в 2016 г. — 6,5%, хотя на протяжении 2001–2008 гг. она была меньше 6% ВВП [9: 9].

Впервые понятие «цифровая экономика» было введено в широкий оборот канадским учёным профессором Д. Тапскоттом, специалистом-управленцем, специализировавшемся на использовании ИКТ-технологий для разработки фирмами и корпорациями своих бизнес-моделей. В середине 1990-х годов он выпустил книгу «Цифровая экономика: перспективы и угрозы в эпоху сетевого интеллекта», в которой определил цифровую экономику как «сетевое объединение людей с помощью информационных технологий для использования их интеллекта, знаний и творческих способностей осуществлять революционные прорывы в создании богатств и социального прогресса» [Tapscott D.: 15].

Монография Д. Тапскотта положила начало борьбе конкурирующих определений «цифровой экономики», получивших хождение в тот период в широ-

кой и в академической литературе. На главную позицию феномена «цифровой революции» претендовали термины «интернет-экономика», «вэб-экономика», «сетевая экономика» и «новая экономика» [10: 4]. Эти определения отражали те особенности ИКТ-технологий, которые играли ведущую роль в конкретный исторический отрезок времени¹. Во второй половине 1990-х годов ведущую роль в цифровизации экономики играл интернет; в первом десятилетии текущего столетия к нему присоединились мобильная связь и сенсорные сети, а в последующий период — «облачные» вычисления и базы больших данных. В результате этих изменений в ИКТ-технологиях и выкристаллизовалось понятие «цифровой экономики» как наиболее общая формулировка не только текущих изменений в ИКТ-технологиях, но и возможных будущих «добавлений» к ним. Этот подход, в частности, нашёл своё отражение в официальной публикации австралийского правительства, посвященной цифровой экономике Австралии, в которой цифровая экономика была определена как «глобальная сеть экономической и социальной активности, которая стала возможной благодаря информационным и коммуникационным технологиям, таким как Интернет, мобильная связь и сенсорные сети» [12: 2].

В 2016 г. лидеры стран «Большой двадцатки» приняли декларацию, которая окончательно закрепила за понятием «цифровая экономика» все экономические процессы, в которых используются цифровые технологии. В декларации было дано расширительное определение термина «цифровая экономика», под которой «понимается широкий спектр видов экономической деятельности, в том числе с применением цифровой информации и знаний как ключевых факторов производства, современных информационных сетей в качестве важного пространства для деятельности и эффективное использование информационных и коммуникационных технологий (ИКТ) в качестве важнейшего фактора роста производительности труда и оптимизации структуры экономики. Интернет, облачные вычисления, базы больших данных, Интернет вещей (ИВ), финансовые технологии и другие новые цифровые технологии всё шире используются для сбора, хранения, анализа и обмена информацией в цифровом виде и для преобразования социальных отношений. Оцифрованные, сетевые и интеллектуальные ИКТ позволяют современной экономической деятельности быть более гибкой, динамичной и умной» [13: 1].

¹ Необходимо также отметить, что метаморфозы использования термина «цифровая экономика» на рубеже XX и XXI вв. объясняются также политическими мотивами. С приходом к власти в январе 2001 г. республиканской администрации Дж. Буша-младшего понятие «цифровая экономика» было заменено на «новую экономику», поскольку во второй половине 1990-х годов цифровая экономика превратилась в своего рода «визитную карточку» демократической администрации У. Клинтона, и поэтому новая республиканская администрация «открестилась» от цифровизации, считая, что этот термин имеет вполне определённую политическую ангажированность [11].

В публикации известной американской консалтинговой компании «Мак-Кинзи энд компани», увидевшей свет в 2015 г., цифровая экономика трактовалась «не столько как концепция, сколько как форма выполнения производственных операций», то есть сугубо прикладных и утилитарных позиций [14]. Необходимо отметить, что такое понимание «цифровой экономики» широко распространено в деловых кругах Америки. В частности, согласно представлениям американских бизнес-консультантов Р. Асена и Б. Блечшмидта, необходимо различать понятия «цифровые методы ведения бизнеса» и «быть цифровым бизнесменом». В последнем случае речь идёт о системе «цифрового сознания» бизнесменов и управляющих фирмами и корпорациями. Фактически можно говорить о формировании широкой «цифровой культуры», которая должна стать корпоративной основой для внедрения новых видов ИКТ-технологий, а также разработки и использования бизнес-моделей [Asen R. & Blechschmidt B.: 13-14].

В последние несколько лет официальной легитимизации термина «цифровая экономика» безусловно способствовало то обстоятельство, что в США и международных организациях, таких как ООН (в лице Статистического отдела Департамента по экономическим и социальным вопросам) и Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), началась работа по инкорпорированию ИКТ-сектора в систему национальных экономических счетов. Это потребовало классификационной точности и определённости соответствующего термина, освобождения его от временного, конъюнктурного фактора. Термин «цифровая экономика» как нельзя лучше подошёл для этих целей [подробнее см.: Татаринов А.А.: 5-17].

СОВРЕМЕННАЯ ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА США: ОСНОВНЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ И ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ

Летом 2021 г. Бюро экономического анализа опубликовало оценки размеров и динамики развития цифровой экономики с 2005 по 2019 гг. По заключению американских аналитиков и статистиков, эти оценки носят предварительный характер и не претендуют на «истину в последней инстанции», поскольку построены на расширительном понимании границ цифровой экономики, включающих как цифровые, так и нецифровые товары и услуги, в последнем случае – структурные элементы розничной и оптовой электронной торговли, а также «облачные» вычисления.

В 2019 г. на долю цифровой экономики приходилось почти 10% ВВП США, измеряемого в текущих ценах, или немногим более 2 трлн долл. в абсолютном выражении. По объёму производимых товаров и услуг цифровой сектор американской экономики находился на четвёртом месте в перечне 22-х основных секторов после: 1) сектора операций с недвижимостью, арендой и лизингом (13,4% ВВП); 2) государственного сектора (12,3% ВВП) и 3) обрабатывающей промыш-

ленности (10,9% ВВП). При этом сектор цифровой экономики уверенно опережал сектор финансовых и страховых услуг, профессиональных и научно-технических услуг и сектор здравоохранения и социальных услуг, доля каждого из которых в ВВП США в 2019 г. лежала в интервале от 7,4% до 7,8% [15: 2].

Таким образом, можно считать, что цифровая экономика США превратилась в один из ведущих секторов экономики и стала важнейшим фактором научно-технического прогресса и ускоренного экономического роста. С 2005 по 2019 г. среднегодовые темпы роста цифровой экономики составили 6,5%, это почти в 4 раза превышало среднегодовые темпы роста всей американской экономики за тот же период, равные 1,8% (в расчёте на добавленную стоимость, измеряемую в текущих ценах). В результате доля цифровой экономики в ВВП возросла с 7,8% в 2005 г. до 9,6% к концу второго десятилетия XXI века [15: 2].

Важно иметь в виду то обстоятельство, что цифровая экономика принадлежит к наукоёмкой сфере, и поэтому в ней занято относительно меньший, но более квалифицированный контингент рабочей силы. В 2019 г. занятость в цифровой экономике составила 7,7 млн человек, и на долю этого сектора на тот момент приходилось всего 5% совокупной рабочей силы, общая численность которой равнялась 155,2 млн человек. По этому параметру цифровая экономика находилась на восьмом месте по числу занятых; главным работодателем в конце второго десятилетия XXI века в экономике США выступал государственный сектор (16,1% занятых), за ним следует сектор здравоохранения и социальных услуг (2,9%), розничная торговля (10,9%), гостиничный бизнес и продовольственное обслуживание (9,0%), обрабатывающая промышленность (8,2%), профессиональные и научно-технические услуги (6,1%) и утилизация твёрдых отходов (6,0%) [16: 4]. Именно в силу наукоёмкого характера сектора цифровой экономики в 2019 г. средние заработная плата и должностные оклады её работников почти в 1,8 раза превышали средний уровень зарплат и должностных окладов трудящихся в целом по американской экономике, составляя 131,6 тыс. и 73,7 тыс. долл. соответственно [15: 3].

Новейшие оценки стоимостных параметров структурных компонентов цифровой экономики США позволили определить её структуру по параметру добавленной стоимости (см. таблицу).

С 2005 по 2019 г. различные компоненты цифровой экономики развивались неодинаковыми темпами, что объяснялось спецификой научно-технического прогресса в различных сегментах цифровой экономики. Научно-технические инновации в этот период позволили добиться значительного снижения издержек производства телекоммуникационного оборудования и аппаратного обеспечения. В результате, если в 2005 г. на долю телекоммуникационного оборудования приходилась примерно одна треть всей добавленной стоимости цифровой экономики, то спустя 14 лет она уменьшилась до одной пятой, а доля аппаратного обеспечения сократилась примерно на 10%. Наиболее быстро развива-

лись сегменты программного обеспечения, доля которого за этот период возросла примерно на 5% (на тот момент 18%), и электронная торговля: оптовый сегмент увеличил свою долю примерно на 4%, а доля сегмента розничной торговли возросла в 2 раза [15: 10].

Таблица

**Структура цифровой экономики США в 2019 г.
(по показателю добавленной стоимости в ценах 2019 г.)**

Компонент	Доля, %
Инфраструктура:	35,9
<i>Аппаратное обеспечение</i>	12,9
<i>Программное обеспечение</i>	23,0
Электронная торговля:	22,0
<i>Оптовая электронная торговля</i>	15,5
<i>Розничная электронная торговля</i>	6,5
Коммерческие цифровые услуги:	42,1
<i>Телекоммуникационные услуги</i>	20,2
<i>Услуги Интернета и информационные услуги</i>	6,0
<i>«Облачные» вычисления</i>	3,6
<i>Все прочие цифровые услуги, оказываемые на коммерческой основе</i>	12,3
Цифровая экономика США, всего	100,0

[15: 10]

Другой важнейшей особенностью развития цифровой экономики США стало снижение цен на её продукцию. В 2005–2019 гг. среднегодовые темпы снижения цен на цифровые товары и услуги составили 0,8%, а в американской экономике в целом наблюдалась инфляция, в среднегодовом выражении составившая 2% [17: table 3]. При этом ценообразование на компоненты цифровой экономики также имело «разновекторную», но весьма примечательную направленность.

Цены на электронные товары и услуги, реализуемые через розничную и оптовую торговлю, имели тенденцию к росту, в то время как цены не только на программное и аппаратное обеспечение, но и на все виды коммерческих цифровых услуг снижались [17: table 3]. Иными словами, склонная к спекулятивной инфляции торговая сфера распространила свою базовую закономерность ценообразования и на электронную торговлю, в то время как сферы по созданию программного и аппаратного обеспечения, а также все виды коммерческих цифровых услуг функционировали в рамках базовой закономерности к дефляционному снижению цен за счёт сокращения производственных издержек.

ДВОЙСТВЕННОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ КОРОНАВИРУСНОЙ ПАНДЕМИИ НА РАЗВИТИЕ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Коронавирусная пандемия, обрушившаяся на США в начале 2020 г., сравнительно быстро привела к тому, что США вышли на первое место в мире и по

числу инфицированных, и по количеству смертей. На начало весны 2022 г. в США переболело 80 млн человек, почти 1 млн человек умер [18]. В 2020 г. реальный ВВП США, измеряемый в постоянных ценах 2012 г., сократился на 3,4%. Однако при общем падении ВВП, распространившимся на 16 отраслей американской экономики из 22-х, пять отраслей продемонстрировали хоть и небольшие, но реальные темпы роста ВВП, и среди них на первом месте оказался сектор ИКТ-технологий (близкий по своим параметрам к цифровой экономике), общий объём продукции которого увеличился на 0,16 процентных пункта (п.п.) [19: 21]. Этот макроэкономический показатель является как прямым, так и косвенным доказательством того, что экономические кризисы и потрясения оборачиваются серьёзными структурными сдвигами в экономике, в результате которых развитие одних секторов и отраслей ускоряется, а других замедляется, что в свою очередь ведёт к их средне- и долгосрочному упадку.

И хотя сейчас трудно дать общую картину последствий влияния коронавирусной пандемии на развитие цифровой экономики, господствующее мнение американских аналитиков свелось к тому, что в США, «когда общее развитие экономики весной 2020 г. замерло, в цифровой экономике начался мощный подъём, а экономика "кирпичей и железобетона" пережила форменный крах» [20: slide 2].

Коронавирусная пандемия ускорила развитие цифровой экономики по следующим направлениям. *Во-первых*, заметно увеличилась численность тех, кто работает в домашних условиях; до начала пандемии только 30% американцев работало на «удалёнке», в то время как 70% – попеременно: то в домашних условиях, то на рабочем месте, включая 38% рабочих и служащих, постоянно пребывающих на рабочем месте. Можно предположить, что в целом доля сотрудников «на удалёнке», увеличилась в 1,5–2 раза. *Во-вторых*, резко усилилось значение электронной торговли, особенно розничной. К концу 2020 г. примерно одна треть всего объёма розничных продаж в США пришлась на долю электронной торговли. *В-третьих*, индустрия развлечений стала активнее прибегать к интернет-показам художественных фильмов, спектаклей, выставок и других видов представлений. *В-четвёртых*, деятельность научно-исследовательских организаций, в том числе видеоконференций, заметно возросла. Одно время Нью-Йоркская фондовая биржа полностью перешла на онлайн-торговлю ценными бумагами и, по мнению американских аналитиков, даже после того, как спадёт острота коронавирусной пандемии, гибридные формы торговли ценными бумагами сохранятся и будут востребованы. *В-пятых*, пандемия в колоссальной степени способствовала развитию медицинского обслуживания и консультирования онлайн [21: 4-5].

Пандемия затронула и строительную промышленность США. Строительные фирмы при сооружении домовладений по индивидуальным заказам стали создавать отдельные рабочие помещения для владельцев и арендаторов котте-

джей. Особо следует выделить динамику развития электронной розничной торговли. В 2020 г. её объёмы увеличились на 183 млрд долл., что примерно соответствует объёму новогодних продаж в Америке. Всего с марта 2020 г. по февраль 2021 г. американским потребителям было продано электронных товаров и услуг на сумму 844 млрд долл.; в 2020 г. объём электронных розничных продаж составил 813 млрд долл. – это рост продаж электронных товаров и услуг на 42% (! – *Авт.*) по сравнению с 2019 г. Несмотря на то что в начале 2021 г. масштабы коронавирусной пандемии стали уменьшаться, в том числе и благодаря вакцинации десятков миллионов американцев, в январе – феврале 2021 г. объём электронных розничных продаж составил 121 млрд долл., или на 34% больше по сравнению с аналогичным периодом 2020 г. Это означает, что американские потребители достаточно твёрдо стали ориентироваться на бесконтактные формы торговли, и, весьма вероятно, что, несмотря на неравномерные темпы восстановления экономической активности, в 2022 г. можно ожидать дальнейшего роста электронной торговли, объём которой вполне может превысить 1 трлн долларов.

Практика торговли онлайн в условиях коронавирусной пандемии обнаружила также интересные особенности изменения в привычках и предпочтениях американских потребителей. Поскольку люди большую часть времени стали проводить дома, то резко увеличилась покупка строительных и отделочных материалов, объём которых вырос на 60% в январе – феврале 2021 г. по сравнению с аналогичным периодом 2020 г. Рост онлайн-продаж изменил и привычные формы покупок, ранее приуроченных к общенациональным американским праздникам (День труда, День президента): покупки стали осуществляться на более или менее постоянной основе, невзирая на распродажи, приуроченные к праздникам. Однако наряду с увеличением объёмов электронных розничных продаж более активно стала проявлять себя «цифровая инфляция»; в 2020–2021 гг. (с января по январь) розничные цены в системе розничной электронной торговли на бакалейные товары выросли на 4,2% по сравнению с их снижением в 2019–2020 гг. (также с января по январь) на 6%, а цены на садовые растения и инвентарь для домашних оранжерей и садов выросли на 3,9% по сравнению с их снижением на 9,3% годом ранее [22].

Вместе с тем пандемия усилила «цифровой разрыв», существующий в США между промышленно развитыми штатами и американской сельской глубинкой. Так, 97% американцев, проживающих в городских районах, имеют доступ к широкополосному Интернету, но только 65% жителей сельскохозяйственных районов пользуются его услугами, а коренные жители Америки охвачены этим видом цифрового обслуживания на 60%. 7% учащихся американских средних школ – выходцев из беднейших семей не имеют доступа к Интернету в местах проживания, в то время как среди учащихся – выходцев из семей с относительно высоким жизненным уровнем таких всего 1,6% [23].

Социально-экономическая дифференциация различных социальных слоёв и групп американского общества будет выступать в дальнейшем как достаточно весомый фактор сдерживания развития цифровой экономики США.

ГРЯДУЩИЙ ЦИФРОВОЙ ИМПЕРИАЛИЗМ США

Становление сектора цифровой экономики в качестве одного из ведущих сегментов экономики США заставляет американских специалистов рассматривать перспективы её развития в более широком контексте, выходящем за пределы национальных границ. По мнению одного из ведущих американских специалистов в области цифровизации Р. Аткинсона, президента Фонда информационных технологий и инноваций, внештатного консультанта федерального правительства США в сфере ИКТ-технологий и цифровой экономики, её развитие должно строиться на основе глобальной стратегии трансформации цифровой экономики США в ведущий сегмент глобальной цифровой экономики. Необходимость глобализации прежде всего обосновывается тем, что правительству «необходимо сформулировать долгосрочную стратегию, основанную на доктрине цифровой реальной политики, которая продвигает в первую очередь интересы США, исходя из того, что страна должна работать со своими союзниками, когда это необходимо, и сдерживать цифровых противников, особенно Китай и Россию» [24: 4].

Помимо этого, США и ведущие американские ИТ-гиганты могут извлечь прибыль и укрепить свои экономические позиции, используя колоссальные разрывы, существующие между своей цифровой экономикой и цифровыми сегментами развивающихся стран, к числу которых относится большая часть стран Азии, Африки и Латинской Америки. Межстрановые цифровые разрывы могут и должны быть использованы США для установления «мирового цифрового порядка», основанного на иерархии «цифрового влияния». При этом речь идёт об иерархическом подчинении не только этих стран, но и европейских союзников США. В этом плане Р. Аткинсон сравнивает цифровые экономики стран ЕС и США как «европейских цифровых лилипутов» и «американского цифрового Гулливера», что наглядно видно из приводимого ниже рисунка.

При этом Р. Аткинсон исходит из того, что несмотря на значительный торговый дефицит в торговле со странами ЕС в целом, который составил в 2019 г. 153 млрд долл., в торговле цифровыми товарами и услугами США имели хоть и небольшой, но профицит, равный 1,8 млрд долларов [24: 25].

Естественно, что аналогичными принципами мирового «цифрового господства» США должны руководствоваться по отношению и к КНР, и к России. При этом в отношении России прямо провозглашена стратегия и тактика её «цифровой изоляции» в системе мировых экономических отношений. Как указывает Р. Аткинсон, «Соединённые Штаты, страны ЕС, большинство неприсоединившихся стран и некоторые развивающиеся страны должны действовать сообща,

чтобы оперативно реагировать на действия цифровых недобросовестных стран, таких как Россия» [24: 40].

Рисунок

Контуры «мирового цифрового порядка»: американский «цифровой Гулливер» и европейские «цифровые лилипуты»

[24: Figure 2]

Р. Аткинсон сформулировал 11 принципов глобальной цифровой политики США.

Принцип 1. Всемирная поддержка ИТ-технологий и цифровых инноваций, при этом политика технологического кнута отвергается.

Принцип 2. Основой глобальной цифровой политики США является цифровой «национальный подход к развитию», то есть разумная, активная политика для поддержания инноваций и внедрения ИТ-технологий и вовлечение в неё как можно большего числа стран.

Принцип 3. Всемирное ограничение развития информационных технологий и цифровых технологий Китая, особенно тех, которые могут принести ему ощутимую экономическую выгоду.

Принцип 4. Активное противодействие иностранным ИТ-корпорациям и борьба с цифровым протекционизмом.

Принцип 5. Всемирное развитие ИТ-технологий и свободной цифровой торговли, особенно с союзниками США.

Принцип 6. Активное противодействие авторитарному влиянию в сфере информационных технологий и цифровой экономики, но при этом последовательное отстаивание ключевых интересов США.

Принцип 7. Отстаивание ключевой роли частного сектора в развитии ИТ-технологий и в цифровом управлении.

Принцип 8. Следование принципу, согласно которому гигантизм в цифровой экономике не является пороком, а наоборот представляет собой магистральное направление её развития.

Принцип 9. Минимизация регулирования цифровой экономики.

Принцип 10. Отставание максимально открытого Интернета.

Принцип 11. Поддержка и продвижение последовательной внутренней политики в области развития ИТ и цифровых технологий, чтобы обеспечить тем самым глобальное лидерство США [24: 5-6].

Таким образом, перечень этих принципов недвусмысленно говорит о том, что США будут пытаться занять доминирующие позиции в глобальной цифровой экономике за счёт разработки сугубо американских цифровых стандартов, которые они будут стремиться насильно навязать всем остальным странам.

Можно сделать вполне обоснованный вывод о том, что основные вызовы в развитии национальной цифровой экономики не ограничиваются только необходимостью превратить её в ведущий экономический сектор и ускорить тем самым темпы экономического роста и научно-технического прогресса. Необходимо к тому же избежать опасности остаться на периферии мирового цифрового развития, которое может обернуться для отдельных стран или группы стран, включая и Россию, «цифровым колониализмом» со стороны основных мировых центров цифровой мощи.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Экономическая война, объявленная России Соединёнными Штатами и другими западными странами в феврале – марте 2022 г., знаменует наступление фундаментально новой эпохи в системе международных экономических отношений. Однако этот новый период является скорее возвращением в прошлые, казалось, «навсегда забытые» старые времена, когда мировое хозяйство было разделено на автаркические группировки стран, нередко враждующих между собой геополитически и даже геоэкономически, при этом к соперничеству этого вида следует отнести и гонку всех видов вооружений, особенно основанную на ракетно-ядерных технологиях.

В современных условиях борьба за экономический суверенитет напрямую связана с феноменом цифровизации всех сфер общественной жизни, в том числе и экономической, которая объективно воссоздает и систему колониальной зависимости одной группы стран от других. Эта система зависимости получила название «цифрового колониализма», под которым имеется в виду «использование цифровых технологий для политического и социально-экономического доминирования над другими нациями и территориями» [25: 2]. С этой точки зрения, американские аналитики постоянно указывают на то, что современные США являются «цифровой суперимперией», которая занимает доминирующие позиции в мире во всех сегментах глобальной цифровой экономики и, опираясь

на мощь которой, США в конечном счёте и будут стремиться «одержать» победу в экономических войнах Будущего.

ИСТОЧНИКИ

1. U.S. Department of Commerce. The Emerging Digital Economy. Wash.: 1998, ii + 255 pp.
2. U.S. Department of Commerce. The Emerging Digital Economy II. Wash.: 1999, I + 48 pp.
3. Glassman J. 3 Lessons for Investors From the Tech Bubble. *Kiplinger's Personal Finance*, Feb. 11, 2015. Available at: <https://www.nasdaq.com/articles/3-lessons-investors-tech-bubble-2015-02-11> (accessed 17.03.2022).
4. Russen J. Value of venture capital investment in the United States from 1995 to 2020 (in billion U.S. dollars). *Statista*, Mar 11, 2021. Available at: <https://www.statista.com/statistics/277501/venture-capital-amount-invested-in-the-united-states-since-1995/> (accessed 17.03.2022).
5. Mesenbourg Th. Measuring the Digital Economy. Wash.: 2001, 29 pp. Available at: tmensenbo@census.gov. (accessed 17.03.2022).
6. U.S. Bureau of Economic analysis. Digital Economy. Toward a Digital Economy Satellite Account. March 15, 2018. Available at: <https://www.bea.gov/data/special-topics/digital-economy> (accessed 17.03.2022).
7. U.S. Bureau of Economic Analysis. Digital Economy. What is missing from the digital economy estimates? Available at: <https://www.bea.gov/help/faq/1249> (accessed 17.03.2022).
8. BEA. How Big Is the Digital Economy? Available at: bea.gov/data/special-topics/digital-economy (accessed 17.03.2022).
9. Barefoot K. et.al. Research Spotlight. Measuring the Digital Economy. *Survey of Current Business*, May 2019, 13 pp.
10. Bukht R. & Heeks R. Defining, Conceptualising and Measuring the Digital Economy. Manchester Centre for Development Informatics Working Paper 68. 2017. ii + 24 pp. Available at: <http://www.gdi.manchester.ac.uk/research/publications/working-papers/di/> (accessed 17.03.2022).
11. Stiglitz J. The Economic Consequences of Mr. Bush. — “Vanity Fair”, November 7, 2007. Available at: <https://www.vanityfair.com/news/2007/12/bush200712> (accessed 17.03.2022).
12. Australian Government. Australia's Digital Economy: Future Directions. Canberra, Commonwealth of Australia 2009, IV + 27 pp.
13. G20 DETF, 2016. G20 Digital Economy Development and Cooperation Initiative, G20 Digital Economy Task Force. 8 pp. Available at: <http://www.g20.utoronto.ca/2016/g20-digital-economy-development-and-cooperation.pdf> (accessed 17.03.2022).
14. MacKinsey & Company. Dornier K. and Edelman D. What 'digital' really means. July 1, 2015. Available at:

<https://www.mckinsey.com/industries/technology-media-and-telecommunications/our-insights/what-digital-really-means> (accessed 17.03.2022).

15. BEA. Updated Digital Economy Estimates – June 2021, 17 pp. Available at: www.bea.gov/system/files/2021-06/DE%20June%202021%20update%20for%20web%20v3.pdf

(accessed 17.03.2022).

16. BEA. Digital Economy. Toward a Digital Economy Satellite Account. Nicholson J. New Digital Economy Estimates. August 2020, 31 pp. Available at: <https://www.bea.gov/system/files/2020-08/New-Digital-Economy-Estimates-August-2020.pdf> (accessed 17.03.2022).

17. BEA. Readme for New Digital Economy Estimates_2005-2019. Table 3. Digital Economy Value Added Price Indexes by Component. BEA. Updated Digital Economy Estimates – June 2021, 17 pp. Available at: www.bea.gov/system/files/2021-06/DE%20June%202021%20update%20for%20web%20v3.pdf. (accessed 17.03.2022).

18. John Hopkins University & Medicine. Coronavirus Resources Center. Available at: <https://coronavirus.jhu.edu/map.html> (accessed 17.03.2022).

19. Bureau of Economic Analysis. GDP and the Economy. – «Survey of Current Business», April 2021, 21 pp.

20. MIT Initiative on Digital Economy. Our World Accelerated. COVID-19 and Their Impact on Our Digital Economy. March 2021. 9 slides. Available at: <https://ide.mit.edu/covid-19/> (accessed 17.03.2022).

21. BDO. Covid-19 is Accelerating the Rise of the Digital Economy. May 2020. 8 pp. Available at: <https://www.bdo.com/insights/business-financial-advisory/strategy,-technology-transformation/covid-19-is-accelerating-the-rise-of-the-digital-e> (accessed 17.03.2022).

22. Adobe Digital Economy Index: COVID-19 Report. Adobe Communications Team. March 15, 2021. Available at: <https://blog.adobe.com/en/publish/2021/03/15/adobe-digital-economy-index-covid-19-report.html#gs.yu84an> (accessed 17.03.2022).

23. World Economic Forum. Roese J. COVID-19 exposed the digital divide. Here's how we can close it. Jan 27, 2021. Available at: <https://www.weforum.org/agenda/2021/01/covid-digital-divide-learning-education/> (accessed 17.03.2022).

24. Atkinson R. A U.S. Grand Strategy for the Global Digital Economy. ITIF. January 19, 2021. i + 61 pp. Available at: <https://itif.org/publications/2021/01/19/us-grand-strategy-global-digital-economy> (accessed 17.03.2022).

25. TNI. Kwet M. Digital Colonialism: The Evolution of US Empire. March 4, 2021. 10 pp. Available at: <https://longreads.tni.org/digital-colonialism-the-evolution-of-us-emp> (accessed 17.03.2022).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Васильев В.С. "Новая американская экономика": шаг вперед, три шага назад. США ❖ Канада: экономика, политика, культура, 2005. № 9. С. 3-27.

Татаринов А.А. Измерение цифровой экономики в национальных счетах. *Вопросы статистики*, 2019, № 2, с. 5-17. DOI: 10.34023/2313-6383-2019-26-2-5-17

REFERENCES

Asen R. & Blechschmidt B. Making digital, real and rewarding. *Cognizanti*, 2016, vol. 9(1), 13 pp. Available at: <https://www.cognizant.com/whitepapers/being-digital-making-digital-real-and-rewarding-cognizanti12-codex2094.pdf> (accessed 17.03.2022).

Brunnermeir B. and Nagel S. Hedge Funds and the Technology Bubble. *The Journal of Finance*, October 2004, pp. 2013-2040.

Tapscott D. *The Digital Economy: Promise and Peril in the Age of Networked Intelligence*. N.Y.: MacGraw-Hill, 1995, xviii + 342 pp.

Tatarinov A.A. Izmerenie tsifrovoi ekonomiki v natsional'nykh schetakh [Measuring Digital Economy in National Accounts] (In Russ.). *Voprosy statistiki*. 2019, 26(2):5-17. DOI: 10.34023/2313-6383-2019-26-2-5-17

Vasiliev V.S. "Novaia amerikanskaia ekonomika": shag vpered, tri shaga nazad [«New American Economy»: One Step Forward, Three Steps Backward] (In Russ.). *USA ❖ Canada: Economics, Politics, Culture*. 2005. № 9, pp. 3-27.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ВАСИЛЬЕВ Владимир Сергеевич,
доктор экономических наук, главный
научный сотрудник Института США и
Канады Российской Академии наук
(ИСКРАН), Российская Федерация,
121069, Москва, Хлебный пер., 2/3

Vladimir S. VASILIEV, Doc. Sci.
(Economics), Chief Researcher. Institute
for the US and Canada, Russian Academy
of Sciences (ISKRAN),
2/3 Khlebnny per., Moscow, 121069,
Russian Federation

Статья поступила в редакцию / Received 17.03.2022.

Статья поступила после рецензирования / Revised 25.03.2022.

Статья принята к публикации / Accepted 26.03.2022.

УДК 325.1

DOI: 10.31857/S2686673022050054

EDN: GQW NKY

Австралия & США: два подхода к нелегальной миграции

Д.А. Кочегуров

Институт США и Канады Российской академии наук (ИСКРАН).

Российская Федерация, 121069, Москва, Хлебный переулок, д. 2/3.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4955-033X> e-mail: kocheg.dima007@yandex.ru

Резюме: В статье рассматривается проблема контроля над массовой миграцией. В качестве двух примеров, иллюстрирующих принципиально разные траектории решения миграционного вопроса, берутся США, столкнувшиеся с сильнейшим за двадцать лет миграционным кризисом на границе с Мексикой, и Австралия, демонстрирующая показательный пример установления полного государственного контроля над миграционными потоками. Отмечается широкий межпартийный консенсус касательно нелегальной миграции, сложившийся за последние двадцать лет в Австралии, и приведены данные, подтверждающие эффективность её миграционной модели. Проведён критический анализ миграционной политики администрации Дж. Байдена. При этом отмечены некоторые позитивные сдвиги, доказывающие постепенный переход нынешней администрации от леволыберальной политики открытых границ к контролю над границами, закрытыми для нелегальных мигрантов.

Ключевые слова: Австралия, беженцы, глобализация, деколонизация, Д. Трамп, Дж. Байден, миграционная политика, нелегальная миграция, офшорные процессинговые центры, «суверенные границы», США, «тихоокеанское решение»

Для цитирования: Кочегуров Д.А. Австралия & США: два подхода к проблеме нелегальной миграции. *США & Канада: экономика, политика, культура*. 2022; 52 (5): 68–85. DOI: 10.31857/S2686673022050054

Australia & USA: Two Approaches to Illegal Migration

Dmitry A. Kochegurov

Institute for the U.S. and Canadian Studies, Russian Academy of Sciences.

2/3, Khlebny pereulok, Moscow, 121069, Russian Federation.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4955-033X> e-mail: kocheg.dima007@yandex.ru

Abstract: The article examines the problem of control over mass migration. Two examples, that illustrate fundamentally different approaches to migration policy, are the United States, which is facing the strongest migration crisis over the last twenty years on the border with Mexico, and Australia – example of complete state control over migration flows. There is a broad cross-party consensus on the illegal migration that has developed over the past twenty years in Australia, that explains the effectiveness of Australian model. Conducted analysis of migration policy of the administration of J. Biden. Featured some positive effects, which prove the administration's gradual transition from left-liberal policy to strict policy with control over borders.

Keywords: Australia, refugees, globalization, decolonization, D. Trump, J. Biden, migration policy, illegal migration, offshore processing centers, “Sovereign borders”, USA, “Pacific solution”

For citation: Kochegurov, D.A. Australia & USA: Two Approaches to Illegal Migration. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2022; 52 (5): 68-85.
DOI: 10.31857/S2686673022050054

ВВЕДЕНИЕ

Проблема возросшей и трудно контролируемой миграции, в первую очередь нелегальной, является одной из центральных, с которой столкнулись сегодня развитые страны. На этот счёт есть две диаметрально противоположные точки зрения. Согласно одной, общества должны становиться более инклюзивными и открытыми для новых мигрантов, что работает лишь во благо страны. Согласно другой, миграционная политика должна в первую очередь отражать ценности и интересы национальных государств, включая сохранение собственной национальной идентичности.

Исторические истоки массовой международной миграции нередко связывают с процессом деколонизации конца 1940-х – начала 1970-х годов, результатом чего стал распад колониальной системы и появление на политической карте мира множества новых государств. В первые годы после обретения независимости в бывших колониях активно шёл процесс национального строительства. Добившиеся суверенитета страны «третьего мира» надеялись создать современные государства, гарантирующие своим народам внутривнутриполитическую стабильность и всеобщее благоденствие. Однако со временем становилось ясно, что за редкими исключениями, вроде новых индустриальных стран (НИС – Южная Корея, Тайвань, Гонконг, Сингапур) первой волны, большинство освободившихся стран продолжали находиться на низком уровне развития производительных сил, а экономика имела ярко выраженный аграрно-сырьевой характер. Многие такие государства не сумели встать на путь радикальных преобразований в экономике и не поспедали за быстро развивающимся капиталистическим миром, оставаясь, по классификации ООН, «наименее развитыми странами». К этому следует добавить коррумпированность правительств, бедность населения, низкий уровень здравоохранения, высокий уровень преступности.

В таких условиях и началась массовая миграция, включая нелегальную, в страны Запада. Если поначалу можно было говорить только об экономической миграции, столь необходимой для послевоенной бурно развивающейся Европы, то со временем её характер изменился. Одной из отличительных черт стало слияние легальной и нелегальной миграции в один мощный и трудно контролируемый поток. Не последнюю роль в постепенном нарастании миграционных потоков сыграла глобализация и связанные с ней явления (развитие логистики, наступление информационной эпохи).

Самое главное, миграционный вопрос не стоял бы так остро, если бы не благоприятствующая политика. В качестве примера можно обратиться к США, где с 1970-х годов постепенно начала рушиться философия ассимиляции, или «пла-

вильного котла», в пользу концепции мультикультурализма. Изменения в миграционном законодательстве в середине 1960-х годов положили конец ограничительной системе квотирования по национальному признаку, выстроенной в 1920-х годах, когда был принят ряд крайне жёстких миграционных законов. Принятый в 1965 г. Закон об иммиграции и гражданстве (*Immigration and Nationality Act*) (Закон Харта – Селлера) стал историческим водоразделом и изменил расово-этнический состав миграции в США. В 1965 г. Конгресс установил годовой лимит для мигрантов: 170 тысяч для стран Восточного полушария и 120 тысяч – для Западного (с тех пор в закон вносились изменения, которые увеличивали лимит). Результатом либерализации миграционного законодательства стало то, что в последовавший период произошли большие изменения: если до 1965 г. около 90% мигрантов приезжали в США из Европы, то к концу века доля европейцев упала до 10–15%.

ОСУЖДЕНИЕ НЕКОНТРОЛИРУЕМОЙ МИГРАЦИИ В ПУБЛИЧНОМ ДИСКУРСЕ

О негативных побочных эффектах нелегальной миграции, тесно связанных с ней расово-этнических, социально-демографических процессах, а также о необходимости внесения изменений в неудавшуюся леволиберальную миграционную политику на Западе активно говорят и пишут.

В 2004 г. основатель журнала «Форин полиси» (*Foreign Policy*) С. Хантингтон, предсказавший в 1993 г. миру столкновение цивилизаций на базе этнокультурного разделения, обратился к тенденциям развития внутриполитических процессов в самих США и, в частности, к проблеме американской самоидентификации в книге «Кто мы?». С. Хантингтон подчеркнул колоссальное значение англо-протестантского наследия для Америки, а также то, что необходимо сохранить и укрепить американскую идентичность, базирующуюся на протяжении четырёх столетий именно на этом наследии. Он выделил шесть характерных черт, отличающих миграцию из Мексики в его страну: географическая близость доминирующего «источника иммиграции»; массовость; нелегальность; региональную концентрацию; постоянство; исторические корни [Хантингтон С., 2004]. С. Хантингтон предупредил, что всё вышеперечисленное имеет три важных последствия – наращивание латиноамериканцами своей доли в населении США, утрата белым большинством контроля над иммиграцией политическими средствами, замедление ассимиляции ввиду регулярного пополнения испаноязычного населения; а также определил для Америки три возможных сценария – мультикультурное общество, имперский возврат к «плавильному котлу», национально-патриотическая альтернатива. Внутренние изменения, которые С. Хантингтон обнаружил, были объяснены тремя процессами: мультикультурализмом, транснационализмом и испанизацией Америки.

Он предсказал, что рост иммиграции станет одним из ключевых факторов возросшей реакции с правого фланга и передал свою мысль в термине «Давосский человек» – космополитичное существо, отстранённое от привязанности к определённому месту и преданное прежде всего собственным интересам. Он и стал объектом растущего национализма, так как элиты, построившие глобализированный мир, одновременно отстранились от других проблем. Как следствие, миллионы белых, к элите не принадлежащих, обоснованно посчитали, что проигрывают «расовую конкуренцию» другим социальным группам, пользующимся поддержкой этих элит (финансовый сектор, университетская среда, развлекательная индустрия).

Стоит привести мнение и представителя неомарксистской школы мысли, автора мир-системного анализа политэкономических процессов И. Валлерстайна, нарисовавшего ядру капиталистической мир-системы мрачные перспективы, в том числе ввиду усиления различий в уровне жизни между ядром и периферией. И. Валлерстайн определил, что ухудшение социально-экономической ситуации на периферии мир-системы неизбежно вызовет массивное давление миграции по линии «Юг – Север» или «периферия – ядро». В результате развитые страны, составляющие ядро мир-системы, столкнутся с очень серьёзными проблемами. Решая вопрос нехватки рабочей силы, они окажутся не готовы к приёму новой, ещё большей волны мигрантов, что заставит их принимать меры по ограничению миграции. Он предвидел, что увеличение числа неинтегрированных мигрантов спровоцирует острую социальную реакцию на Севере – призывы к более репрессивному законодательству с целью ограничить въезд новых мигрантов и социально-экономические права тех, кто уже приехал [Валлерстайн И., 2001]. При этом действия, направленные на ограничение миграции, скорее, будут способствовать сокращению её легальной части и увеличению числа нелегальных мигрантов (данный тренд наблюдался на протяжении 2010-х годов). Это, в свою очередь, будет иметь два неприятных последствия: подрыв основ общественной безопасности и фактически демонтаж «государства всеобщего благосостояния» на Западе, поскольку его функционирование основано на чувстве солидарности внутри определённого сообщества, чьи члены могут быть согласны с перераспределением доходов, но в пользу тех, с кем они объединены чувством общей идентичности. Миграция делает это проблематичным, ибо стираются линии, отделяющие граждан, вносящих свой вклад в общее процветание, от всех остальных.

В развернувшейся ещё в конце прошлого века научной дискуссии особняком стоит П. Бьюкенен, видный правоконсервативный идеолог, в прошлом политический деятель, работавший в республиканских администрациях Р. Никсона и Р. Рейгана. Он объяснил причины внутреннего кризиса западной цивилизации процессами дехристианизации, снижения рождаемости среди белых, распада общества на различные конфликтующие меньшинства. Политическое бездействие элит он объяснил намерением использовать миграцию для изменения в свою пользу симпатий электората, что дало бы необходимый перевес для побе-

ды на очередных общенациональных выборах. По его утверждению, Соединённым Штатам угрожает опасность в лице миллионов латиноамериканских мигрантов, что может привести к экзистенциальному кризису, если не навести порядок на границе.

Хотелось бы обратить внимание, что, подчёркивая отрицательные последствия разнообразия (*diversity*) в седьмой главе своей нашумевшей книги «Самоубийство сверхдержавы», П. Бьюкенен ссылается на людей самых разных взглядов: на одного из самых влиятельных политологов в мире Р. Патнэма, пришедшего к выводу, что разнообразие расовых и этнических групп в обществе подрывает единство и чревато распадом этого общества. Также он ссылается на одного из последних представителей золотой эры американских интеллектуалов А. Шлезингера, подчеркнувшего, что враждебность одного племени к другому является одной из глубинных человеческих реакций и с начала времён массовая миграция порождала массовые противоречия [Бьюкенен П., 2016]. Ещё в далёком 1991 г. в книге «Разобращение Америки» А. Шлезингер утверждал, что сторонники идеи мультикультурализма – это очень часто этноцентрические сепаратисты, не замечающие в западном наследии ничего хорошего [Schlesinger A., 1998].

Надо сказать, что схожая проблематика поднимается в отечественной американистике. На вопрос, куда могут привести США нарастающая латиноамериканская миграция и расово-этнические изменения общества, дают ответы авторитетные американисты Н.М. Травкина и В.С. Васильев в статье «Деамериканизация США» [Травкина Н.М., Васильев В.С., 2021]. Акцент сделан, скорее, на ценностном измерении, однако совершенно ясно, что процесс замещения традиционных американских ценностей является следствием увеличения доли «цветных» меньшинств и роста популярности идей левого толка. С их точки зрения, новые веяния в корне противоречат многовековой системе американских базовых ценностей и грозят полной эрозией этой системы. С тем, что наиболее острой и болезненной проблемой для США становится изменение не в пользу белых расово-этнического состава населения, солидарен и другой известный американист – С.М. Самуйлов [Самуйлов С.М., 2019]. На то, что мультикультурность (как безусловное следствие изменения характера иммиграции в США) стала серьёзным вызовом для американской демократии, поскольку этносы, отстаивающие культурный суверенитет, претендуют на особое место в политической власти, обратил внимание в книге «Центральные проблемы истории США» и председатель Совета Российской ассоциации историков-американистов В.В. Согрин [Согрин В.В., 2013].

Подводя промежуточный итог, можно утверждать, что увеличение миграционных «цветных» потоков в страны коллективного Запада, и прежде всего в США, явилось следствием деколонизации, неспособности многих освободившихся государств стать стабильными и современными, а также внутренним компонентом глобализации. Активное переформатирование этнокультурного ландшафта из-за миграции привело к ослаблению основ западного христиан-

ского либерально-демократического государства и общества. Массовая неконтролируемая миграция имеет ярко выраженную тенденцию к росту, а любые серьёзные попытки ограничить её и реанимировать понятие «национальная идентичность» в своём этнокультурном содержании очень часто воспринимаются как признак расизма. Тем не менее многие интеллектуалы настаивают на том, что безразличие к столь острой проблеме может иметь фатальные последствия. Что касается западных политических элит, то очень долгое время они были не готовы к признанию неудачи мультикультурализма и смене доктринальной основы миграционной политики. Однако есть симптомы, если не признаки, указывающие на то, что они идут на переосмысление и достижение нового консенсуса по столь болезненному вопросу, к чему их подстёгивает резкая поляризация общества по принципу расовой идентичности.

АВСТРАЛИЙСКИЙ ФЕНОМЕН НА ФОНЕ ПОЛЯРИЗАЦИИ В США

В большинстве развитых стран сформировались свои сложные системы, обеспечивающие контроль над притоком новых жителей. Всё более привлекательной выглядит модель, принятая небольшими богатыми странами, такими как ОАЭ и Сингапур, которые разработали многоуровневую визовую систему для различных категорий работников, что позволяет им импортировать сотни тысяч низкооплачиваемых мигрантов для работы в промышленности и строительстве, при этом гарантируя своим народам, что лишь немногие из этих рабочих смогут обрести заветное гражданство. То, что некогда популярная леволиберальная миграционная модель уже себя изжила и пришло время демонстрировать новые подходы, кажется, признал и Евросоюз (ЕС). При всех внутренних проблемах, вызванных миграционным кризисом, ЕС выработал некоторые интересные механизмы борьбы с нелегальной миграцией. По итогам неформальной встречи глав государств и правительств ЕС в Валлетте в ноябре 2015 г. было достигнуто соглашение о создании чрезвычайного трастового фонда для Африки объёмом 1,8 млрд евро. Регулярно выделяются средства на оснащение береговой охраны и на оборудование центров по размещению мигрантов в Ливии, что позволяет пресекать нелегальные миграционные потоки за пределами границы ЕС и сильно напоминает австралийский подход к делу. Ведутся дискуссии о постройке разного рода стен и физических барьеров по аналогии с «Великой американской стеной» Д. Трампа.

Совершенно уникальная ситуация сложилась за последние двадцать лет в Австралии. С одной стороны, в Австралии одни из самых высоких в мире квот на легальную миграцию. Среди стран – членов ОЭСР только в Люксембурге процент родившихся за границей выше, чем в Австралии (29,9% в 2019 г.) [1]. Как и в Канаде, мультикультурализм официально объявлен идеологической основой внутренней политики Австралии. С другой стороны, Австралия вот уже два десятилетия (за исключением небольшого промежутка на рубеже 2000–2010-х годов) проводит жёсткую политику в отношении незаконно проникаю-

щих на свою территорию, что позволило установить полный государственный контроль над нелегальной миграцией. По существующему законодательству, даже если нелегалам удастся доказать, что они беженцы, им всё равно закрыт доступ в Австралию. Столь категоричное отношение немислимо представить себе в США (Дж. Байден двукратно повысил квоту: с 62,5 тыс. до 125 тыс. беженцев на 2022 финансовый год) или в любой европейской стране (та же Польша не раз предоставляла гуманитарный коридор для беженцев, направляющихся в западноевропейские страны).

В чём кроются причины, толкнувшие австралийские власти к резкому ужесточению миграционной политики? Ведь доля нелегальных мигрантов в Австралии относительно мала, всего 0,25%. В 2018 г. сообщалось, что более 60 тысяч иностранцев проживают в Австралии нелегально, а к 2021 г. их число увеличилось до 100 тысяч, при этом большинство из них – туристы и студенты, у которых просрочена виза [2]. Одной из проблем для Австралии является то, что, несмотря на размер территории (6-е место в мире), около 85% населения проживает в пределах 50 км от побережья. Въезжающие предпочитают крупные города-мегаполисы, которые уже до предела заселены. Сидней и Мельбурн лидируют в мировом рейтинге городов с самым высоким процентом жителей иностранного происхождения. В октябре 2018 г. австралийское правительство даже подготовило план по запрету мигрантам в течение пяти лет селиться в Сиднее, Мельбурне и Брисбене, чьё население выступает за более низкую, а не более высокую годовую иммиграцию. Есть и своя экономическая подоплёка. Свободная миграционная политика лишает граждан рабочих мест, отрицательно влияет на заработную плату и сказывается на уровне жизни. Кроме того, именно лодочники из стран Юго-Восточной Азии (ЮВА) и ближневосточного региона создают многочисленные уличные банды, что усиливает негативное общественное отношение к приёму в страну новых нелегалов. Все эти факторы, а также угроза более экстремальных погодных условий из-за глобального потепления подпитывают аргументы в пользу ограничения миграции.

Долгое время с 1901 г., когда премьер-министр А. Дикин впервые выступил за создание этнически однородного общества и был принят Закон об ограничении иммиграции, основу всей миграционной политики Австралии составлял комплекс политических мер под названием «Белая Австралия». Последние законы, ограничивающие приток «цветных» мигрантов неевропейского происхождения, были отменены в 1973 году. Австралия перешла к политике мультикультурализма и открытых дверей и до 2001 г. оставалась относительно невосприимчива к такой тенденции глобализации, как возросшие миграционные потоки. Как следствие, резко вырос приток мигрантов из политически нестабильных регионов Азии. В 1984 г. историк Дж. Блейни даже ввёл термин «азианизация» для характеристики нового вектора миграционной политики. В конце 1990-х годов маятник качнулся в обратную сторону.

Поворотным моментом для имиджа Австралии как страны, приветствующей всех въезжающих, стало так называемое «дело Тампы» в августе 2001 г., когда правое коалиционное правительство Дж. Говарда (1996–2007) отказало в разрешении на заход в свой порт норвежскому грузовому судну «Тампа», на борту которого находились 433 афганских беженца. Изначально капитан «Тампы» намеревался последовать в ближайший порт в Индонезии, но пассажиры попросили его доставить их на принадлежащий Австралии остров Рождества [3]. Надо пояснить, что к началу 2000-х годов резко увеличилось количество просителей убежища, пытавшихся добраться до Австралии на лодке, которые были в основном мусульманами из нестабильного Ближневосточного региона [4]. Впервые за четыре десятилетия после Вьетнамской войны федеральные выборы 2001 г. определялись вопросом защиты границ, а не экономикой. После длительного периода приёма беженцев Австралия закрыла свои двери, совершив достаточно смелый и решительный шаг, вызвавший широкий международный резонанс. «Дело Тампы» так и осталось символом нового подхода австралийских властей к нелегальным мигрантам, прибывающим по морю.

В первый же день Дж. Говард внёс на рассмотрение Закон об охране границ, который предоставил бы правительству право разворачивать любое судно в территориальных водах Австралии (законопроект не прошёл Сенат). Под контролем Дж. Говарда была разработана стратегия «Тихоокеанское решение» (*Pacific Solution*). Тысячи островов были исключены из австралийской миграционной зоны, чтобы прибывающие на эти острова лица не имели юридического права подавать заявление о предоставлении им статуса беженца [5; 6]. Законодательные поправки 1999 г. к Закону о миграции 1958 г. расширили полномочия правительства и позволили развернуть сеть специальных пунктов на островах в Тихом океане [7]. Были заключены двусторонние договоры с Науру и Папуа-Новой Гвинеей (ПНГ), которые обязались предоставить свою территорию в обмен на финансовую помощь. Очень скоро австралийские власти анонсировали начало операции по задержанию лодок с мигрантами и их отправке в закрытые для внимания СМИ офшорные процессинговые центры (*offshore processing centre*). Ответственными за их перевозку были назначены силы австралийского ВМФ. Как итог, в рекордно короткие сроки количество нелегалов снизилось до нуля. Если в 2001 г. к австралийским берегам приплыло 5516 человек (43 лодки), то в 2007 г. – 148 человек (5 лодок) [8].

Следует пояснить, что представляют собой офшорные процессинговые центры в Науру и ПНГ. Центры, где временно размещаются нелегалы, представляют собой небольшие поселения, огороженные физическими барьерами. Управляются и финансируются правительством Австралии через специальные фирмы-подрядчики. При этом, поскольку они находятся под юрисдикцией властей Науру и ПНГ, австралийское правительство не несёт за них никакой международно-правовой ответственности. Исчерпывающая информация о всех расходах на содержание центров представлена на сайте Совета по делам беженцев Ав-

стралии. Так, начиная с 2013–2014 фин. года сумма составила 9,03 млрд долл. С августа 2012 г. по февраль 2021 г. из пяти главных фирм-подрядчиков наибольшие средства из бюджета были выделены для «Бродспектрум» (*Broadspectrum*) (более 2,5 млрд долл.). Самые скромные затраты «Паладин холдингс» (*Paladin Holdings*) составили около 445 млн долларов [9].

В 2007 г. к власти в Австралии пришёл кандидат от левой Лейбористской партии К. Радд (2007–2010) и в 2008 г. жёсткая политика Дж. Говарда была в значительной степени демонтирована. Однако лейбористы были вынуждены вернуться к ней несколько лет спустя, поскольку возобновился приток нелегалов. В июле 2010 г. на своём первом выступлении премьер-министр Дж. Гиллард (2010–2013) объявила, что правительство начало переговоры с соседями по региону о возобновлении старой практики. Начиная с 13 августа 2012 г. центры содержания вновь стали заполняться, а ненадолго вернувшийся к власти в 2013 г. К. Радд объявил, что лица, которые прибывают на лодке без визы, никогда не смогут поселиться в Австралии.

В 2013 г. коалиция Либеральной и Национальной партий возвратила себе власть. Премьер-министр Т. Эбботт (2013–2015) представил модернизированный вариант «Тихоокеанского решения» – план «Суверенные границы» [10; 11]. Была включена дополнительная оговорка, согласно которой ни один проситель убежища, прибывающий на лодке и обработанный в центре содержания, никогда не будет переселён в Австралию. Таким образом, сам факт попытки незаконного пересечения границы становился аргументом для отказа от предоставления статуса беженца.

За несколько лет до избрания президентом США Д. Трампа была сформулирована позиция «нулевой терпимости» в отношении того, что можно называть «незаконным морским прибытием». Главный компонент плана «Региональные рамки сдерживания» (*Regional Deterrence Framework*) с бюджетом 420 млн долл. включает комплексные меры в четырёх ключевых областях. Это, во-первых, взаимодействие с региональными партнёрами в рамках Балийского процесса – форума, созданного в феврале 2002 г. для обмена информацией по вопросам, касающимся нелегальной миграции; во-вторых, обнаружение и перехват судов с нелегалами на борту в открытом океане за границей и их возврат в добровольно-принудительном порядке; в-третьих, работа с мигрантами в третьих странах и оценка их ходатайства о предоставлении убежища; в-четвёртых, депортация незаконно прибывающих лиц в страну происхождения [12]. Ответственным за всё назначили генерал-лейтенанта Э. Кэмпбелла пообещавшего, что нелегалы никогда и ни при каких условиях не смогут поселиться в Австралии. Результат не заставил себя ждать: в 2013 г. в Австралию прибыли 20 587 человек (300 лодок); всего год спустя количество лодочников сократилось до нуля [8]. В феврале 2022 г. командующим операцией был назначен контр-адмирал Дж. Джонс.

Критика австралийских методов борьбы с нелегальной миграцией звучит постоянно со стороны ООН и гуманитарных правозащитных НПО. Тем не менее

это нисколько не подрывает политику национального согласия. Двухпартийный консенсус не разделяет лишь партия зелёных, не имеющая реального политического веса. Чтобы не допустить утечки информации о состоянии центров, в 2015 г. был принят закон о погранслужбе, одним из наиболее интересных аспектов которого оказалось положение о конфиденциальности, содержащееся в статье 42. В частности, предусматривается, что «доверенное лицо» (*entrusted person*) совершает преступление, если раскрывает «защищённую информацию» (*protected information*), кроме заранее оговоренных случаев. Такое правонарушение предусматривает лишение свободы сроком до двух лет [13].

Логика австралийских властей понятна. Во время своей лекции в Лондоне в октябре 2015 г. Т. Эббот логически объяснил позицию государства в отношении нелегальной миграции. По его словам, люди, просящие убежища, «неизменно пересекали не одну границу, а множество; и уже бегут не в страхе, а с надеждой поскорее заключить договор с контрабандистами и оказаться в одной из наиболее процветающих стран мира. Какими бы отчаянными они ни были, по определению они являются экономическими мигрантами, в то время как моральный долг правительства – принимать людей, спасающихся бегством, а не предоставлять постоянное место жительства всем и каждому, кто предпочёл бы жить в процветающей западной стране» [14].

2 февраля 2016 г. Верховный суд Австралии поддержал жёсткую позицию австралийского правительства и подтвердил его право на бессрочное офшорное содержание нелегалов в лагерях за пределами страны, поскольку это не является нарушением конституции. Как сообщил парламенту премьер-министр М. Тёрнбулл (2015–2018), лица, занимающиеся контрабандой людей, не подорвут суверенитет Австралии, границы в безопасности, где-то должна быть подведена черта, и она проведена по австралийской границе [15].

Уже через два месяца, в апреле 2016 г., комитет ООН по правам человека постановил, что бессрочное задержание беженцев из соображений безопасности нарушает международное право. Однако это не поколебало позицию правящей коалиции, настаивающей на том, что они выполняют свои обязательства перед избравшим их народом. Власти Австралии повысили ставки и предложили запретить въезд нелегалам пожизненно. 30 октября 2016 г. М. Тёрнбулл представил законопроект, который предусматривал пожизненный запрет беженцам и лицам, ищущим убежища, когда-либо селиться в стране, если они прибывают на лодке, даже в случае вступления в брак с гражданином Австралии. М. Тёрнбулл послал недвусмысленный сигнал контрабандистам. Примечательно и то, что с его точки зрения создание гармоничного мультикультурного общества напрямую зависит от того, контролирует ли государство свои границы. Законопроект так и не был принят (Лейбористская партия взяла время на обдумывание), хотя М. Тёрнбулл призвал лидера лейбористской оппозиции поддержать его, поскольку законопроект полностью соответствует публично заявленной позиции партии.

За всё время австралийские власти потерпели лишь одну локальную неудачу. В апреле 2016 г. было объявлено о закрытии центра на острове Манус, после того как Верховный суд ПНГ признал содержание в центре лиц, ищущих убежища, неконституционным. 31 октября 2017 г. центр, прозванный местными жителями «австралийским Гуантанамом», был официально закрыт, а все задержанные перевезены в Науру. Австралия полностью вышла из сделки о сотрудничестве с ПНГ в октябре 2021 г., а с 1 января 2022 г. правительство ПНГ взяло на себя полную ответственность за беженцев и просителей убежища. До этого управлением центра, как и другого центра в Науру, занималась австралийская компания «Бродспектрум» по контракту с Департаментом иммиграции и охраны границ Австралии (*DIBP*).

Несмотря на потерю одного центра, министр внутренних дел Австралии К. Эндриус заявила, что жёсткая политика по охране границ не изменилась и что любой, кто попытается нелегально попасть в Австралию на лодке, будет возвращён или отправлен в Науру [16]. В сентябре 2021 г. был подписан меморандум с Науру о сохранении центра, демонстрирующий неизменную приверженность обеих сторон борьбе с незаконной контрабандой людей по морю. В меморандуме была подтверждена позиция руководства, что сильная и успешная миграционная политика Австралии в рамках операции «Суверенные границы» сохраняется, и у любого, кто прибывает нелегально на лодке, нет никаких шансов поселиться в Австралии, этот человек будет возвращён или доставлен в Науру, и никогда не поселится в Австралии [17]. На тот случай, если от приёма мигрантов откажется и Науру, ведутся конфиденциальные переговоры с правительствами нескольких стран ЮВА о строительстве центров и о возможном переселении к ним тех нелегалов, которые успели перебраться в Австралию в начале 2010-х годов. Более того, ещё с начала 2000-х годов отдельный резервный центр расположен на острове Рождества. В феврале 2019 г. правительство С. Моррисона (с 2018 г. по настоящее время) объявило о планах задействовать его. Одно ясно наверняка, поскольку Австралию окружает множество островных государств с очень низким уровнем жизни, трудностей с расселением нелегалов у неё не возникнет.

В борьбе с нелегальной миграцией также задействованы инструменты «мягкой силы». Так, в декабре 2019 г. австралийское правительство распространило на Шри-Ланке специальные гороскопы, сулящие неудачу всем, кто попытается проникнуть в Австралию в поисках убежища. Чтобы отпугнуть потенциальных беженцев, снимаются пропагандистские видеоролики. В одном из них австралийский генерал-майор с суровым лицом призывает не тратить впустую деньги и не рисковать жизнью, в то время как на заднем плане транслируются кадры того, как военно-морские силы без всяких колебаний перехватывают лодки с мигрантами. Запуск программы «Суверенные границы» и вовсе сопровождался грандиозной информационно-просветительской кампанией на нескольких языках. Титульный рекламный постер включал в себя четыре предупреждения: «если вы не обладаете

визой, вы не окажетесь в Австралии; любое судно, пытающееся незаконно проникнуть в Австралию, будет перехвачено и выведено за пределы австралийских территориальных вод; правила распространяются на всех – семьи, детей, детей без сопровождения, образованных и квалифицированных; независимо от того, кто вы или откуда вы, вы не сделаете Австралию своим домом» [18].

Таким образом, на сегодняшний день Австралия – это тестовый пример эффективной борьбы с нелегальной миграцией. Новаторство, решительность и технологичность миграционной политики Австралии позволяют ей не быть «заоппененной» выходцами из Азии и Африки. Не исключено, что главный секрет успеха кроется в том, что потенциальным лодочникам удалось внушить страх перед возможными последствиями нелегального пересечения границы Австралии. С тех пор как 13 августа 2012 г. была восстановлена практика офшорной обработки, правительство Австралии направило 4183 человек в Науру и ПНГ. Из них количество просителей убежища, которым была предоставлена виза, позволяющая им беспрепятственно въехать в Австралию, равняется нулю [19]. По факту количество задержанных невелико, однако счёт шёл бы на миллионы, не выработай австралийские власти один из самых надёжных механизмов защиты границ в мире.

«АМЕРИКАНСКИЕ ГОРКИ» В РЕШЕНИИ МИГРАЦИОННОЙ ПРОБЛЕМЫ В США

В ситуации с США решение миграционной проблемы, включая острейшую проблему нелегальной миграции, осложняется резкой политической поляризацией между двумя ведущими партиями. Решить миграционный вопрос пытался президент Д. Трамп. Борьба с нелегальной миграцией из стран Латинской Америки (прежде всего из соседней Мексики) являлась одним из пунктов его предвыборной программы. Д. Трамп поднял эту тему ещё 16 июня 2015 г. в Нью-Йорке, когда объявил о своём участии в президентской гонке [20]. За четыре года его администрация в значительной мере преобразила всю миграционную систему, которая последний раз реформировалась ещё при У. Клинтоне. Было выполнено многое из того, что Д. Трамп обещал во время предвыборной кампании, несмотря на ожесточённое сопротивление демократов в Конгрессе и небывалую травлю со стороны либеральных СМИ. Эффективная многоуровневая система позволила значительно сократить миграционные потоки.

В сентябре 2020 г. в ходе выступления перед избирателями в Миннесоте Д. Трамп назвал себя «стеной», отделяющей американскую мечту от хаоса [21], и на это были свои основания. В целом на те средства, что удалось собрать за четыре года на пограничную стену с Мексикой, было построено 240 миль (386 км) по состоянию на начало июля 2020 г. Тогда же Д. Трамп заявил, что намерен преодолеть отметку в 450 миль (727 км) к концу 2020 г. Своё обещание он в итоге выполнил. Следует обратить внимание, что к моменту его избрания совокупная длина имеющихся заградительных стен составляла 1078 км, и основная часть

этих сооружений была возведена за два президентских срока Дж. Буша-младшего, подписавшего в 2006 г. закон «О безопасном ограждении» (*Secure Fence Act*). 7 июня 2019 г. было достигнуто очень выгодное соглашение «Оставаться в Мексике», согласно которому Мексика предпринимает «беспрецедентные шаги» для сдерживания мигрантов с юга, а США станут отказывать в предоставлении убежища тем мигрантам, которые прибыли из третьих стран через Мексику, не запросив там убежища. Политика в отношении беженцев также ужесточилась. США неизменно возглавляли список стран, предоставляющих убежище, однако за четыре года при Д. Трампе был достигнут самый низкий показатель в истории программы расселения беженцев: 50 тыс. в 2017 г., 45 тыс. в 2018 г., 30 тыс. в 2019 г., 18 тыс. в 2020 г. [22]. Некоторые в его администрации, например старший советник С. Миллер или зять Дж. Кушнер, были готовы пойти ещё дальше и внести изменения, направленные на то, чтобы не пускать в страну всех, кроме обеспеченных и высокообразованных мигрантов [23]. Миграционная реформа так и не прошла голосование в Конгрессе.

На президентских выборах 2020 г. победил кандидат от Демократической партии, традиционно придерживающейся леволиберальных взглядов на любую миграцию в США. Дж. Байден поставил чёткую задачу реформировать выстроенную при Д. Трампе миграционную систему. В частности, одним из первых исполнительных указов он прекратил строительство «трамповской» стены на границе с Мексикой. Миграционную политику Д. Трампа Дж. Байден не раз называл плохой, а введённые им миграционные указы – контрпродуктивными для безопасности США. Он активно эксплуатировал тему миграции, однако спустя некоторое время его действия как президента в духе предвыборной риторики спровоцировали сильнейший за последние 15–20 лет миграционный кризис, что констатировали губернаторы республиканских штатов в двух коллективных письмах на сайте Белого дома. К американо-мексиканской границе двинулись многотысячные караваны мигрантов, требующих предоставления им статуса беженца вплоть до получения гражданства США. Помимо этого, миграционный вопрос превратился в основную линию раскола между демократической администрацией и республиканскими штатами, где впервые на уровне штата (Техас) было публично заявлено о продолжении строительстве пограничной стены за счёт средств штата. В сентябре 2021 г. в Техасе был объявлен конкурс на проектирование и продолжение строительства стены и связанной с ней инфраструктуры.

На страницах электронного журнала ИСКРАН уже была проведена общая оценка миграционной политики администрации Дж. Байдена по итогам первого года и её результатов [Кочегуров Д.А., 2021]. Достаточно привести цифры: за первые четыре месяца 2022 фин. года были зафиксированы 672 тыс. мигрантов, пытавшихся проникнуть через юго-западную границу; за 2021 г. – 1734 тыс.; за 2020 г. – 458 тыс.; за 2019 г. – 977 тысяч [24]. Кризис на границе достиг критических масштабов. Когда в марте 2021 г. 18 сенаторов-республиканцев совершили

поездку на южную границу в долину реки Рио-Гранде, сенатор от штата Техас Т. Круз признался, что ситуация требует немедленного вмешательства федерального правительства. И, столкнувшись с нескончаемыми потоками нелегалов и беженцев, администрация Дж. Байдена среагировала. Весной 2021 г. министр внутренней безопасности А. Майоркас и сам Дж. Байден допустили продолжение строительства стены на границе с Мексикой. В ходе своего первого зарубежного визита в Гватемалу и Мексику в июне 2021 г. вице-президент К. Харрис постаралась убедить местные власти ужесточить миграционную политику и отговорить граждан от незаконной миграции в Соединённые Штаты. 26 июля Министерство внутренней безопасности приняло решение возобновить ускоренную депортацию нелегалов. В сентябре на правительственном уровне была одобрена мера, известная как «Пункт 42» (*Title 42*), позволившая выслать более 60% мигрантов (в отличие от Д. Трампа, Дж. Байден решил не отказывать во въезде несовершеннолетним). Начиная с 6 декабря 2021 г. США и Мексика возобновили программу «Оставайся в Мексике». Была вновь усилена охрана и патрулирование южной мексиканской границы на пути нелегалов, следующих из центральноамериканских стран. Ранее этого добился Д. Трамп от Мехико.

У подхода к миграционной проблеме администрации Дж. Байдена есть и свои особенности. Президент считает, что наилучший способ бороться с караванами нелегалов – не строительство заградительной стены, а финансовая поддержка стран «северного треугольника». Ещё в ходе президентской кампании 2020 г. Дж. Байден обнародовал план помощи Гватемале, Гондурасу и Сальвадору, где подчёркивалась необходимость обеспечения безопасности и процветания в регионе. На всё это Дж. Байден был готов выделить 4 млрд долларов.

29 июля 2021 г. Белый дом представил «Стратегию борьбы с коренными причинами миграции в Центральной Америке», базирующуюся на пяти столпах: устранение экономического неравенства, борьба с коррупцией, защита прав человека, уничтожение организованной преступности, искоренение любого насилия. Госдепартаменту и Министерству юстиции было поручено создать рабочую группу. По указу К. Харрис из американского бюджета было выделено 310 млн долл. на устранение последствий стихийных бедствий, предоставлено более 10 млн доз вакцины от COVID-19, создана некоммерческая организация для поддержки экономического развития в регионе на базе 12 компаний, готовых вложить 750 млн долл. [25]. Также, согласно информации Исследовательской службы Конгресса (CRS), в июле Палата представителей проголосовала за законопроект (одобренный Сенатом в октябре 2021 г.) о выделении Центральноамериканскому региону финансовой помощи объёмом 653,9 млн долларов [26].

Опубликованная стратегия привлекла внимание ведущих «мозговых центров», настроенных сдержанно оптимистично. Однако в одном из докладов было оговорено, что иностранная помощь исторически имела ограниченное влияние на сдерживание миграции в регионе и фактически могла привести к увеличению миграции в краткосрочной перспективе [27]. Действительно, стоит напомнить,

что, когда в начале 2016 г. по инициативе вице-президента Дж. Байдена был создан «Альянс для процветания», Конгресс утвердил бюджет в 750 млн долл. Более того, сообщалось, что при поддержке США и Межамериканского банка развития страны «северного треугольника» получают ещё 5 млрд долл. инвестиций. Так что вопрос, в какой мере выделяемые финансовые средства способствуют пресечению миграционных потоков в США, остаётся открытым.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Возросшие за последние полвека и трудно контролируемые миграционные потоки – бесспорно, один из ключевых вызовов, вставших перед западными странами в XXI веке. Напрашиваются несколько выводов.

Во-первых, увеличение миграционных «цветных» потоков в страны коллективного Запада, и прежде всего в США, явилось следствием деколонизации, неспособности многих освободившихся государств стать стабильными и современными, а также внутренним компонентом глобализации.

Во-вторых, в большинстве развитых стран сформировались свои сложные системы, обеспечивающие контроль над притоком новых жителей. Проведя соответствующий анализ, можно с уверенностью сказать, что, как ни парадоксально, но наиболее эффективную модель решения миграционной проблемы демонстрирует Австралия – один из центров западного англосаксонского либерально-демократического мира.

В-третьих, трудно ответить, в какой степени можно надеяться на формирование в США схожего межпартийного (межэлитного) консенсуса по вопросу миграции в условиях раскола и политической элиты, и американского общества. Нынешней политической системе США далеко до того межпартийного консенсуса, что сложился за двадцать лет в Австралии. Однако есть и позитивные сдвиги. Можно сделать вывод, что, хотя демократы в Конгрессе и администрация Дж. Байдена продолжают ненавидеть Д. Трампа, нынешняя внешнеполитическая команда частично признала эффективность его миграционной политики, отказалась от угрожающего леволиберального курса «открытых дверей» и начала вводить разумные меры.

ИСТОЧНИКИ

1. Foreign-born population. *OECD*. Available at: <https://data.oecd.org/migration/foreign-born-population.htm> (accessed 10.02.2022).

2. Calls for amnesty for undocumented workers, as new report recommends 'one-off' visas in agriculture. *ABC*. March 5, 2021. Available at: <https://www.abc.net.au/news/2021-03-05/covid-19-vaccine-calls-for-amnesty-for-undocumented-workers/13218382> (accessed 10.02.2022).

3. Border Protection Bill 2001. Parliament of Australia. Available at: https://www.aph.gov.au/Parliamentary_Business/Bills_Legislation/bd/bd0102/02bd041 (accessed 10.02.2022).

4. Multiculturalism: a review of Australian policy statements and recent debates in Australia and overseas. Parliament of Australia. October 8, 2010. Available at: https://www.aph.gov.au/About_Parliament/Parliamentary_Departments/Parliamentary_Library/pubs/rp/rp1011/11rp06#_ftn174 (accessed 10.02.2022).

5. Migration Amendment (Excision from Migration Zone) Act 2001. Australian Government. Available at: <https://www.legislation.gov.au/Details/C2004A00887> (accessed 10.02.2022).

6. Migration Amendment (Excision from Migration Zone) (Consequential Provisions) Bill 2001. Parliament of Australia. Available at: https://www.aph.gov.au/Parliamentary_Business/Bills_Legislation/bd/bd0102/02bd070 (accessed 15.02.2022).

7. Boat People, Illegal Migration and Asylum Seekers: in Perspective. Parliament of Australia. December 14, 1999. Available at: https://www.aph.gov.au/About_Parliament/Parliamentary_Departments/Parliamentary_Library/Publications_Archive/CIB/cib9900/2000CIB13 (accessed 15.02.2022).

8. Boat arrivals in Australia: a quick guide to the statistics. Parliament of Australia. January 23, 2014. Available at: https://www.aph.gov.au/about_parliament/parliamentary_departments/parliamentary_library/pubs/rp/rp1314/QG/BoatArrivals (accessed 15.02.2022).

9. Offshore processing statistics. Refugee Council of Australia. February 9, 2022. Available at: <https://www.refugeecouncil.org.au/operation-sovereign-borders-offshore-detention-statistics/6/> (accessed 15.02.2022).

10. The Coalition's Operation Sovereign Borders policy. Parliament of Australia. Available at: https://parlinfo.aph.gov.au/parlInfo/download/library/partypol/2616180/upload_binary/2616180.pdf;fileType=application%2Fpdf#search=%22library/partypol/2616180%22 (accessed 15.02.2022).

11. Operation Sovereign Borders (OSB). Department of Home Affairs. Available at: <https://osb.homeaffairs.gov.au/> (accessed 15.02.2022).

12. The Coalition's policy for a regional deterrence framework to combat people smuggling. Parliament of Australia. Available at: https://parlinfo.aph.gov.au/parlInfo/download/library/partypol/2686733/upload_binary/2686733.pdf;fileType=application%2Fpdf#search=%22library/partypol/2686733%22 (accessed 15.02.2022).

13. Whistle-blowing under the Border Force Act: Three months on. Parliament of Australia. October 21, 2015. Available at: https://www.aph.gov.au/About_Parliament/Parliamentary_Departments/Parliamentary_Library/FlagPost/2015/October/Border_Force_Act (accessed 15.02.2022).

14. Tony Abbott tells European leaders to turn back asylum seekers or risk 'catastrophic error'. ABC. October 27, 2015. Available at: <https://www.abc.net.au/news/2015-10-28/tony-abbott-urges-european-leaders-to-turn-back-asylum-seekers/6890886> (accessed 15.02.2022).

15. High Court throws out challenge to Nauru offshore immigration detention; Malcolm Turnbull vows people smugglers will not prevail. ABC. February 3, 2016. Available at: <https://www.abc.net.au/news/2016-02-03/high-court-throws-out-challenge-to-offshore-detention/7135504> (accessed 15.02.2022).

16. Joint media release with the Hon. Westly Nukundj MP - Finalisation of the Regional Resettlement Arrangement. Department of Home Affairs. October 6, 2021. Available

at: <https://minister.homeaffairs.gov.au/KarenAndrews/Pages/finalisation-of-the-regional-resettlement-arrangement.aspx> (accessed 20.02.2022).

17. Joint media release with the Hon. Lionel Rouwen Aingimea - New agreement to secure our region from maritime people smuggling. Department of Home Affairs. September 24, 2021. Available at: <https://minister.homeaffairs.gov.au/KarenAndrews/Pages/maritime-people-smuggling.aspx> (accessed 20.02.2022).

18. Counter People Smuggling Communication. Department of Home Affairs. Available at: <https://web.archive.org/web/20160415210609/http://www.border.gov.au/about/operation-sovereign-borders/counter-people-smuggling-communication> (accessed 20.02.2022).

19. Offshore processing statistics. Refugee Council of Australia. February 9, 2022. Available at: <https://www.refugeecouncil.org.au/operation-sovereign-borders-offshore-detention-statistics/2/> (accessed 20.02.2022).

20. Donald Trump Presidential Campaign Announcement. C-SPAN. June 16, 2015. Available at: <https://www.c-span.org/video/?326473-1/donald-trump-presidential-campaign-announcement> (accessed 20.02.2022).

21. Trump: "I'm Your Wall between the American Dream and Chaos". *RealClearPolitics*. September 19, 2020. Available at: https://www.realclearpolitics.com/video/2020/09/19/trump_im_your_wall_between_the_american_dream_and_chaos.html (accessed 25.02.2022).

22. Presidential Determination on Refugee Admissions for Fiscal Year 2020. Federal Register. November 1, 2019. Available at: <https://www.federalregister.gov/documents/2019/11/29/2019-26082/presidential-determination-on-refugee-admissions-for-fiscal-year-2020> (accessed 25.02.2022).

23. The adviser who scripts Trump's immigration policy. *The Washington Post*. August 17, 2019. Available at: <https://www.washingtonpost.com/graphics/2019/politics/stephen-miller-trump-immigration/> (accessed 25.02.2022).

24. Southwest Land Border Encounters. U.S. Customs and Border Protection. Available at: <https://www.cbp.gov/newsroom/stats/southwest-land-border-encounters> (accessed 25.02.2022).

25. FACT SHEET: Strategy to Address the Root Causes of Migration in Central America. The White House. July 29, 2021. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/07/29/fact-sheet-strategy-to-address-the-root-causes-of-migration-in-central-america/> (accessed 25.02.2022).

26. Central American Migration: Root Causes and U.S. Policy. CRS. October 27, 2021. Available at: <https://sgp.fas.org/crs/row/IF11151.pdf> (accessed 25.02.2022).

27. The Biden-Harris Strategy on the Root Causes of Migration (and Fragility) in Central America. CSIS. August 12, 2021. Available at: <https://www.csis.org/analysis/biden-harris-strategy-root-causes-migration-and-fragility-central-america> (accessed 25.02.2022).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бьюкенен П. 2016. Самоубийство сверхдержавы. М.: АСТ. 640 с.

Валлерстайн И. 2001. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. Пер. с англ. П.М. Кудюкиной. Под общей редакцией Б.Ю. Кагарлицкого. СПб.: Издательство «Университетская книга». 416 с.

Кочегуров Д.А. 2021. Миграционная политика США в контексте кризиса на границе с Мексикой. *Россия и Америка в XXI веке*. Спецвыпуск. DOI: 10.18254/S207054760018171-5

Самуйлов С.М. 2019. Трампизм – это всерьёз и надолго? *США & Канада: экономика, политика, культура*. № 10. С. 118–126. DOI: 10.31857/S032120680006808-2

Согрин В.В. 2013. Центральные проблемы истории США. М.: Весь Мир. 352 с.

Травкина Н.М., Васильев В.С. 2021. Деамериканизация США: истоки и последствия. *Перспективы*. Электронный журнал. №2/3. С. 34–49.

Хантингтон С. 2004. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М.: АСТ. 635 с.

REFERENCES

Buchanan, P. 2016. Samoubiistvo sverkhderzhavy [Suicide of a Superpower] (In Russ. translated from English). Moscow, AST. 640 p.

Huntington, S. 2004. Kto my? Vyzovy amerikanskoi natsional'noi identichnosti [Who Are We? The Challenges to America's National Identity]. (In Russ., translated from English). Moscow, AST. 635 p.

Kochegurov, D.A. 2021. Migratsionnaia politika SShA v kontekste krizisa na granitse s Meksikoi [US Migration Policy in the Context of the Crisis on the Border with Mexico]. (In Russ.) *Russia and America in the 21st Century*. Special Issue. DOI: 10.18254/S207054760018171-5

Samuylov, S.M. 2019. Trampizm – eto vserez'ez i nadolgo? [Trumpism - Is It Serious and for a Long Time?] (In Russ.). *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*, No. 10, p. 118-126. DOI: 10.31857/S032120680006808-2

Schlesinger, A. 1998. The Disuniting of America: Reflections on a Multicultural Society. W.W. Norton & Company. 208 p.

Wallerstein, I. 2001. Analiz mirovykh sistem i situatsiia v sovremennom mire [World-systems Analysis] (In Russ, translated from English). Saint-Petersburg, Universitetskaya Kniga. 416 p.

Travkina, N.M., Vasiliev V.S. 2021. Deamerikanizatsiia SShA: istoki i posledstviia [De-Americanization of the USA: Causes and Consequences] (In Russ.). *Perspektivy*. No.2/3, p. 34-49.

Sogrin, V.V. 2013. Tsentral'nye problemy istorii SShA [The Central Problems of the History of the USA]. (In Russ.). Moscow, Ves Mir. 352 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

КОЧЕГУРОВ Дмитрий Александрович, кандидат политических наук, научный сотрудник Центра исследований внешнеполитического механизма США Института США и Канады Российской академии наук (ИСКРАН). Российская Федерация, 121069, Москва, Хлебный переулоч, 2/3.

Dmitry A. KOCHEGUROV, Candidate of Sciences (Political), Research Fellow, Institute for the U.S. and Canadian Studies. Russian Academy of Sciences (ISKRAN). 2/3, Khlebny pereulok, Moscow, 121069, Russian Federation.

Статья поступила в редакцию / Received 7.03.2022.

Поступила после рецензирования / Revised 17.03.2022.

Статья принята к публикации / Accepted 19.03.2022.

УДК 32.019

DOI: 10.31857/S2686673022050066

EDN: GQWQKD

Политика памяти в современном Квебеке

М.В. Кирчанов

Воронежский государственный университет

Российская Федерация, 394018, г. Воронеж, Университетская площадь, 1

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3819-3103> e-mail: maksymkirchanoff@gmail.com

Researcher ID: B-8694-2017

Scopus Author ID: 57193934324

Резюме. Анализируется историческая политика как политика памяти, направленная на поддержание мемориального канона как фактора развития идентичности в современном Квебеке, а также её особенности и противоречия. Изучены основные особенности исторической политики, развитие практик мемориальной культуры, потенциал исторических манипуляций в контекстах трансформации региональной идентичности в Квебеке, а также практики, применяемые в политике памяти, содействующие идеологизации истории. Показано, что политика памяти институционально неопределенна, а её реализация осуществляется через ревизию истории и формирование нового мемориального канона.

Ключевые слова: Канада, Квебек, историческая память, политика памяти, интеллектуальные сообщества

Для цитирования: Кирчанов М.В. Политика памяти в современном Квебеке. *США & Канада: экономика, политика, культура* 2022; 52 (5) 86-97.

DOI: 10.31857/S2686673022050066

The Politics of Memory in Contemporary Québec

Maksim V. Kirchanov

Voronezh State University

394000, Voronezh, Universitetskaya square 1

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3819-3103> e-mail: maksymkirchanoff@gmail.com

ResearcherID: B-8694-2017

Scopus Author ID: 57193934324

Abstract. The historical politics is analyzed as a policy of memory, aimed at maintaining the memorial canon as a factor in the development of identity in modern Québec, as well as its features and contradictions. The main features of historical politics, the development of memorial culture practices, the potential for historical manipulations in the context of the transformation of regional identity in Québec, and the practices used in the politics of memory that contribute to the ideologization of history are also studied. It is shown that the policy of memory is institutionally uncertain, and its implementation is carried out through the revision of history and the formation of a new memorial canon.

Keywords: Canada, Québec, historical memory, politics of memory, intellectual communities

For citation: Kirchanov M.V. The Politics of Memory in Contemporary Québec. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*, 2022; 52 (5) 86-97.

DOI: 10.31857/S2686673022050066

ВВЕДЕНИЕ

Историческая политика, или политика памяти, в современной историографии относится к числу проблем, чье изучение представляется актуальным. В научной литературе, посвященной взаимозависимости исторической памяти и политической конъюнктуры, политика памяти, как правило, воспринимается в качестве европейского явления, а изучение данной проблематики ограничено преимущественно странами Центральной и Восточной Европы, которые в процессах демократического транзита, сформировав относительно стабильные государственные институты, оказались не в состоянии достичь компромисса относительно интерпретаций собственного прошлого, отягощенного идеологическими и этническими противоречиями. В рамках такой историографической ситуации при изучении проблем политики памяти в академической литературе утвердился географический редукционизм, ограничивающий историков анализом частных, национальных случаев исторической политики. Поэтому число исследований в российской историографии, посвященных политике памяти за пределами Европы является крайне незначительным.

Под исторической политикой в научной литературе понимается «набор приёмов и методов, с помощью которых находящиеся у власти политические силы, используя административные и финансовые ресурсы государства, стремятся утвердить определённые интерпретации исторических событий как доминирующие» [Миллер А.И. 2009: 6]. Традиционно все эти явления современные историки локализуют в политических и идеологических практиках элит Центральной и Восточной Европы, чему содействует целый ряд факторов, включая невозможность достижения мемориального компромисса, конфронтационная модель сосуществования различных версий исторической памяти, наличие отягощающих этнических и религиозных противоречий. Формально все эти особенности характерны для центрально- и восточноевропейских государств, а в отношении стран Западного полушария нередко выдвигается допущение, что развитые демократии подобные проблемы в собственной истории преодолели и поэтому проведение политики памяти для них не представляется актуальным.

Культурная и социальная история Канады свидетельствует о поверхностном характере подобного допущения. Несмотря на успехи политики мультикультурализма, институционализированного двуязычия, значительного опыта сосуществования англоканадцев и франкоканадцев, а также представителей других этнических групп, что сочетается с достаточно высоким уровнем социального и экономического развития, канадские элиты также вынуждены применять политику памяти среди других средств контроля над обществом. Восприятие памяти в современной Канаде гетерогенно, а историческая идентичность англоканадцев и франкоканадцев в значительной степени различна. Поэтому в центре авторского внимания в представленной статье будут проблемы исторической политики как политики памяти в современном Квебеке, как регионе с ярко выра-

женными этническими, религиозными и языковыми особенностями, которые актуализируют различные модели восприятия прошлого.

Целью статьи является изучение исторической политики в современном Квебеке, а задачами – анализ стратегий элит в консолидации общества с использованием исторических опытов, изучение феномена мемориального компромисса в тех формах, в которых он возник в этой канадской провинции, а также анализ комемморативных практик квебекского общества как средства визуализации и сохранения идентичности.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА В КАНАДЕ: ОБЩИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Историческая политика предусматривает несколько форм вмешательства государства в сферу восприятия истории на уровне общества. Анализируя феномен политики памяти в Квебеке, следует выделить общие характеристики исторической политики как явления, а также те, которые имеют место в Канаде.

Европейский опыт политики памяти предусматривает, *во-первых*, создание специализированных институтов, которые имеют сходные функции и направлены на формирование политически санкционированных версий исторической памяти (в современной Канаде подобные институты отсутствуют); *во-вторых*, организацию специализированных музеев, призванных актуализировать политически важные моменты исторического прошлого (в Квебеке музеи с аналогичными целями не созданы); *в-третьих*, принятие специальных законов, которые содействуют идеологизации прошлого, его мифологизации и утверждению догматических интерпретаций на уровне средств массовой информации (на региональном уровне в Квебеке и на национальном уровне Канады не зафиксировано принятие мемориальных законов); *в-четвёртых*, институционализация финансовой зависимости общественных организаций, занимающихся популяризацией истории, от органов государственной власти с целью продвижения тех или иных интерпретаций (финансирование исторических исследований в Канаде и Квебеке диверсифицировано, выявить финансовую поддержку с целью формирования политически мотивированного образа истории не представляется возможным); *в-пятых*, принятие мер ограничительного характера в отношении контроля над историческим образованием доступа к архивам или установления контроля над СМИ с целью контроля воспроизводимых ими нарративов (национальное и региональное право Канады не предусматривает ни ограничения доступа к архивам, ни установления идеологического контроля над СМИ на формальном уровне).

Таким образом, классический инструментарий описания политики памяти был сформулирован на основе изучения того, как история стала объектом политических и идеологических манипуляций в Европе. Большинство особенностей европейской политики памяти, с одной стороны, не может быть трансплантиро-

вано в канадские контексты, так как общество Канады к современному моменту не разделено политическими и символическими границами, сформированными различными версиями восприятия прошлого, а идеологически мотивированные интерпретации прошлого не столь востребованы для легитимации власти. С другой стороны, современные исследователи политики памяти полагают, что она стала универсальной, так как «нет обществ, начиная с племенных, которые так или иначе не регулировали бы эту сферу» [Миллер А.И. 2009: 7]. Историческая политика предусматривает вмешательство государства в её символические сферы в рамках «изобретения» образов нации, организации мемориальных и коммеморативных мероприятий. Именно на этом уровне происходит большинство мероприятий канадской исторической политики, в которую вовлечены как национальные, так и региональные игроки на уровне Квебека, формирующие или пересматривающие сложившиеся мемориальные каноны, а также визуализирующие и актуализирующие в социальных пространствах различные интерпретации прошлого, оформленные в отдельные версии исторической памяти.

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗИРОВАННЫЕ УЧАСТНИКИ ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ В КВЕБЕКЕ

Политика памяти в Канаде, в отличие от стран Европы, контролируется и курируется не специально созданными для этого государственными институтами, а общественными активистами, периодическими изданиями и политическими партиями. В этом контексте историческая политика в Канаде в сравнении с европейскими странами характеризуется меньшей активностью и интенсивностью, так как проблемы исторической памяти, её политизации и идеологизации регулярно оказывались в центре как академических, так и политических дебатов на протяжении 1980–2000-х годов [Hernander A.A. 2015].

Джэй Винтер в 2001 г. указывала на важность «мемориальных штудий» [Winter J. 2001], хотя и не предполагала, что в Канаде может возникнуть местная форма политики памяти. Поэтому, когда североамериканские страны обратились к отдельным методам европейской исторической политики, интенсивность идеологических дискуссий в значительной мере снизилась, что привело к использованию в Канаде ограниченного набора методов «проработки прошлого», апробированных европейскими элитами в рамках пересмотра истории и формирования нового мемориального канона.

Большинство организаций, вовлечённых в формирование и контроль над культурой памяти в современном Квебеке, носят общественный и негосударственный характер. Среди активных участников исторической политики в современном Квебеке – Канадский институт Монреаля (*L'Institut canadien de Montréal*) и Канадский институт Квебека (*Institut canadien de Québec*) – организации, созданные изначально с культурными целями, но постепенно, к началу XXI века, оказавшиеся вынужденными выполнять задачи, связанные с сохране-

нием исторической памяти как компонента национальной идентичности квебекцев. Квебекская академия литературы (*L'Académie des lettres du Québec*) стремится корректировать историческую память и формировать её компромиссный канон, используя культурные инструменты, представленные литературными премиями, что указывает на функционирование региональной политики памяти в рамках модели «мягкой силы» в отличие от европейских стран, в которых элиты практикуют непосредственные интервенции в интерпретации идеологически и политически значимых событий прошлого.

Другие участники политики памяти в современном Квебеке связаны с региональными политическими партиями. В значительной степени аналогичные тактики и стратегии формирования и продвижения версий исторической памяти выполняет Центр истории Сен-Гиацинта (*Centre d'Histoire de Saint-Hyacinthe*), вовлечённый в поддержание устойчивой связи между идентичностью Квебека и его региональной истории. Квебекский научно-исследовательский институт (*Institut de Recherche sur le Québec*), который на современном этапе фактически является умеренной площадкой Национального движения квебекцев (*Mouvement national des Québécoises et Québécois*), продвигая политически мотивированные версии истории региона, основанные на идеях регионального национализма.

Наряду с исследовательскими институциями участниками политики памяти в Квебеке являются региональные музеи [Gordon-Walker С. 2016 |], которые актуализируют в своей деятельности различные формы восприятия прошлого, так как сами стали «местами памяти» [Des lieux de mémoire... 1995], формирующими и продвигающими соответствующие версии региональной истории. Например, Музей цивилизации (*Musée de la civilisation*) не только визуализирует историю Квебека в региональных социальных и культурных пространствах, но и содействует ее актуализации как именно «франкоязычной Америки» (*l'Amérique francophone*), или «французской Америки» (*l'Amérique française*). Ещё один участник исторической политики со стороны музейного сообщества – Музей Мак-Корда (*Musée McCord*), обладающий коллекцией фотографий, содействующей визуализации памяти. Уникальным актором политики памяти в Квебеке является Квебекская деревня прошлых лет (*Village québécois d'antan*), призванная содействовать большей визуализации региональной истории в рамках современного общества потребления.

Состав участников квебекской исторической политики свидетельствует о том, что политика памяти в Канаде стала вторичной стратегией актуализации региональной идентичности как национальной. Историческая политика в современном Квебеке растворена в многочисленных формах культурной деятельности местных политических активистов, которые в актуализации языковой и этнической идентичности видят наилучший вариант ревизии и корректировки исторической памяти. Кроме этого институции, вовлечённые в Квебеке, в реализацию политики памяти, в отличие от европейских стран, где специализированные ин-

ституции нацелены на идеологизацию и политизацию истории, склонны решать не политические, но в большей степени культурные задачи, связанные с визуализацией исторической памяти региона. Если европейская политика памяти оперирует преимущественно идеологически мотивированными интерпретациями прошлого, то деятели, вовлечённые в аналогичные практики в Квебеке, несколько сместили своё внимание с исторической сферы в культуру, используя её потенциал для формирования и продвижения политически необходимого образа прошлого.

«ПРОРАБОТКА ПРОШЛОГО» В СМИ КВЕБЕКА

Как и в Европе, основными участниками исторической политики в Квебеке являются не профессиональные историки, а современные средства массовой информации, которые занимаются как формированием, так и пересмотром компромиссных версий региональной памяти. Подобный набор участников политики памяти стал следствием более быстрого (в сравнении со странами Центральной Европы) перехода к массовой культуре и обществу потребления [Landsberg A. 2004], которые в меньшей степени нуждаются в исторических нарративах, предлагаемых академическими сообществами в то время, как средства массовой информации, политические и общественные активисты, ассимилировав научный дискурс, превратили прошлое в важный ресурс легитимации современных режимов, используя определённые интерпретации исторических событий путём придания им статуса преобладающих. Поэтому в исторической политике в основном действуют СМИ, так как они, будучи свободными от формальных ограничений академической этики, оперативно реагируют на изменения политической и идеологической конъюнктуры, отражая основные направления и закономерности как политизации, так и манипуляции историей для пересмотра мемориального канона.

По мнению немецкого историка Ю. Шеррер, в «последние два десятилетия в публичном общественно-политическом дискурсе, журналистике и исторических исследованиях в западных странах доминируют концепты “исторической политики”, “политики прошлого”, “политики идентичности” и “политики памяти”», что актуализирует такие понятия как «культура памяти», «культура истории», «историческое сознание», вынуждая как профессиональных историков, так и политически мотивированных интеллектуалов «определить соотношение истории и памяти, так как все эти понятия имеют отношение к идентичности» [Шеррер Ю. 2009: 89], формулируемой в форме академических и неакадемических рефлексий относительно прошлого.

Современный Квебек принадлежит к числу тех регионов в Северной Америке, которые трепетно относятся к собственной исторической памяти. Именно поэтому слова *Je me souviens* («Я помню») нередко воспринимаются как один из национальных девизов квебекцев. Историческая политика в Квебеке, с одной

стороны, актуализирует свою близость с аналогичными культурными практиками в Европе, что проявляется в «резком расхождении между коллективной памятью и университетской историей <...> в непрерывной борьбе между застойным восприятием граждан и непрекращающейся работой учёных по переосмыслению прошлого» [1]. В этой ситуации в реализацию политики памяти в Квебеке в большей степени вовлечены не университетские интеллектуалы, а культурные активисты, продвигающие свои версии прошлого при помощи средств массовой информации. С другой стороны, политика памяти в современном Квебеке, в полной степени не повторяет европейские образцы. Активисты исторической памяти в Канаде в меньшей степени используют потенциал коммеморативных практик, связанных с юбилеями политиков [2], важных для региональной истории, предпочитая при помощи СМИ продвигать идеологически мотивированные интерпретации прошлого.

Особенностью политики памяти в Квебеке стала взаимозависимость исторического, культурного и политического воображения, хотя стремление со стороны практикующих политиков редуцировать роль истории до одного из мобилизационных ресурсов не столь ярко выражено как в современной Центральной Европе. Политика памяти в современном Квебеке, в реализацию которой вовлечены местные СМИ, направлена на ревизию мемориального канона, поскольку, как пишет С. Райвиль, «не проходит и дня, чтобы нам не напомнили, что мы на самом деле не колонизированы, что наша история не была такой болезненной, как многие другие, и что мы являемся поборниками расизма в Канаде» [3]. С ним солидарен и Мишель Риу, который указывает на необходимость формирования нового канона исторической памяти в Квебеке дабы избежать опасности утраты идентичности в результате «мультикультурализации» [4].

По мнению польского историка Роберта Трабы, одного из классиков современных «мемориальных штудий», когда «пишется коллективная память, она отражает определённую политическую и общественную конъюнктуру, а не только повествует о давно минувших событиях» [Траба Р. 2009: 43].

Поэтому квебекские интеллектуалы солидарны в том, что мемориальный канон следует пересмотреть, так как регион нуждается в «обновлении подхода к прошлому и его интерпретации» [5]. С другой стороны, они настаивают на «позиции» истории Квебека, так как борьба за национальное самоопределение была подменена идеями государства всеобщего благосостояния [6], что существенно изменило векторы развития исторической памяти. Правда, сами квебекские интеллектуалы оказались втянуты в местные «войны памяти», которые масштабно уступают идеологическим дебатам европейских историков в рамках реализации национальных версий политики памяти.

Основным спорным моментом для интеллектуалов Квебека, который соотносится с канонами национальной памяти, является интерпретация «тихой революции», но большинство упоминаний о ней в СМИ не связаны с академическими

интерпретациями, локализуясь в рамках идеологических клише «национальное» и «политическое» [7]. В этом контексте современная политика памяти в Квебеке выполняет функции, определяемые Ю. Шеррер как «терапевтические», что проявляется в «обсуждении только тех аспектов прошлого, которые кажутся полезными для нации» [Шеррер Ю. 2009: 101]. Поэтому С. Райвиль настаивает, что мемориальный канон нуждается в ревизии, так как история региона была объектом отрицания со стороны англоязычного большинства, что содействовало маргинализации исторического опыта квебекцев и превращения Квебека в «страну, которая им больше не принадлежит» [3]. С ним солидарны и другие квебекские интеллектуалы, настаивающие, что история Квебека стала жертвой «колониализма, атлантического рабства и расизма» [5], подобно историям других групп, которые были маргинализированы вследствие глобализации.

Подобная версия национальной памяти не устраивает националистически мыслящих квебекских интеллектуалов, предлагающих в противовес истории Квебека как оплота расизма другое прочтение истории, основанное на восприятии квебекцев как жертв британского доминирования, которое, по их мнению, стимулировало миграцию в США и ассимиляцию. В этом контексте квебекская политика памяти явно пребывает в состоянии конфликта с коллективной памятью англоканадского сообщества, а её ревизия воспринимается как попытка не только сформировать более справедливый образ истории Квебека, но и опровергнуть обвинения оппонентов в том, что франкоканадцы склонны к ксенофобии.

ЛИБЕРАЛЬНАЯ ПАРТИЯ КАК УЧАСТНИК «ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ» В КВЕБЕКЕ

Помимо СМИ в историческую политику в современном Квебеке оказались вовлечены и политические партии, которые в Европе в меньшей степени, чем другие институции, участвуют в ревизии сложившегося мемориального канона и ревизии культуры памяти. По мнению белорусского философа Валянцина Акудовича, «каждая политическая система определённым образом формирует собственную память, содержание которой определяется использованием различных форм работы с фактами прошлого» [Акудовіч А., Казакевіч А. 2006: 44], за формирование интерпретационных моделей понимания которых могут быть ответственны не только академические историки, но и политические деятели, представленные партиями. Либеральная партия Квебека интегрирована в пересмотр сложившегося в регионе мемориального канона. Её активисты настаивают на изменении отношения к истории в контексте большей актуализации французской этничности. По мнению квебекских либералов, исторически «Квебек был носителем собственной культуры в Северной Америке» [8], что было размыто его интеграцией в состав преимущественно англоязычной Канады.

Именно поэтому либералы продвигают образ квебекцев как «нации, гордящейся своим самобытным характером и богатой своим плюрализмом» [9].

В рамках такого понимания история региона редуцируется до исторических проявлений именно этих качеств. В контексте активности политических партий ревизии подвергается не только основные интерпретации прошлого, но в качестве механизма пересмотра истории воспринимается культура как основной «национальный приоритет» [8] и гарантия «будущего нашей коллективной идентичности» [9], что отличает квебекские практики исторической политики от европейских, основанных на реинтерпретации именно фактов прошлого. Политика памяти в современном Квебеке актуализирует сервиллистские функции форм исторического знания в современном мире, где академические сообщества утратили монопольный контроль над историей. Поэтому для современных квебекцев как для сообществ, «некогда зачисленных Гегелем в “народы без истории”, “историческая политика” становится инструментом борьбы за место в историческом процессе» [Астров А. 2009: 109], хотя в Квебеке манипуляции с прошлым, о которых идёт речь, решают в большей степени задачи политического национализма, заинтересованного в актуализации статуса региона как нации.

Партийные активисты Либеральной партии в своих попытках подвергнуть пересмотру сложившийся в регионе мемориальный канон активно апеллируют к ценностям французского национализма. Именно поэтому они предлагают восприятие истории Квебека, основанное на придании «франкоязычной культуре» системного значения в региональном историческом процессе. По мнению представителей Либеральной партии, с одной стороны, исторически «Квебек черпал свою силу из способности доминирующей франкоязычной культуры сосуществовать с другими культурами, что позволяет нашей провинции утвердить себя как уникальную нацию» [8]. С другой – исторический проект Квебека оказался под угрозой со стороны англоканадского большинства, так как «Канада не торопится приветствовать нацию Квебека, понимать её и официально принимать» [9]. Таким образом, вовлечённость политических партий в историческую политику свидетельствует в большей степени не об их участии в современных региональных «битвах за историю», а о стремлении использовать историю как один из мобилизационных ресурсов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги, следует принимать во внимание ряд факторов, которые определяют направления и особенности канадской исторической политики в Квебеке.

Современное квебекское общество фрагментировано в своём восприятии актуального прошлого, а неформальные границы между различными версиями исторической памяти проходят по принципу интерпретации тех или иных событий, которые имеют центральное значение для политики памяти. Квебекское общество в отличие от европейских не использует институциональный ресурс в рамках политики памяти. Поэтому в сфере исторической политики как политики памяти в Канаде отсутствуют специализированные институты, призванные

формировать компромиссный канон исторической памяти. В отличие от Европы подобные институции в обществе современной Канады укоренены в меньшей степени. Поэтому эффект от их деятельности оказался крайне ограниченным, что повлияло на отсутствие в канадском обществе таких явлений, как «войны памяти».

Отсутствие, с одной стороны, сильных и устойчивых формальных институтов (типа Института национальной памяти в Польше или Института памяти нации в Словакии), интегрированных в механизм государственной власти в сфере формирования исторического канона определили основные особенности исторической политики в Квебеке, где не сложились условия для генезиса и развития мемориального канона по европейским образцам. В отличие от Европы формирование компромиссной версии исторической памяти в Канаде было политически упрощено переходом страны к мультикультурализму, который в значительной степени избавил историческую память от решения политических задач, связанных с государственным строительством. Канадская версия исторической политики в целом и её квебекские региональные проявления в частности, как и в Европе, основаны на вовлечении в процесс генерации мемориального канона и в его пересмотр профессиональных интеллектуалов и представителей политических элит.

Именно поэтому политика памяти в современном Квебеке протекает в форме общественных дебатов относительно отдельных моментов истории, которые отягощены политически и идеологически, будучи сфокусированными на определении статуса региона и его истории. Тенденции к ревизии мемориального канона проявляются в попытках интерпретации истории Квебека не как региональной, а как национальной. Тенденции к ревизии и частичной деконструкции канона исторической памяти сложились в Квебеке на протяжении 2010-х годов, что было связано с ростом противоречий, связанных со статусом региона. Основные векторы развития исторической политики, с одной стороны, а также векторы и траектории изменения памяти – с другой, в современном обществе Квебека остаются в значительной степени неопределёнными. Поэтому в сфере функционирования исторической памяти сосуществуют её различные версии, которые являются, как правило, взаимозависимы, так как процессы реинтерпретации мемориального канона связаны с пересмотром статуса истории Квебека в направлении национальной истории.

Таким образом, политика памяти в современной Канаде, ограниченная в данной статье её квебекской версией, функционирует как в рамках институциональной неопределённости, множественности одновременно участвующих действующих лиц, вовлечённых в процессы ревизии истории и мемориального канона, так и формирования новых нарративов, претендующих на статус определяющих в новой версии исторической памяти.

ИСТОЧНИКИ

1. Rainville S. La petite pénombre d'une révolution dans l'ordre? // *L'Aut'Journal*. 2021. 25 octobre. Available at: <https://lautjournal.info/20191025/la-petite-penombre-dune-revolution-dans-lordre> (accessed 18.03.2022).
2. Lévesque A. 150e anniversaire de la naissance de la grande Éva Circé-Côté // *L'Aut'Journal*. 2021. 2 janvier. Available at: <https://lautjournal.info/20210201/150e-anniversaire-de-la-naissance-de-la-grande-eva-circe-cote> (accessed 18.03.2022).
3. Rainville S. Les Franco-Américains et le Québec // *L'Aut'Journal*. 2021. 12 mars. Available at: <https://lautjournal.info/20211203/les-franco-americaains-et-le-quebec> (accessed 18.03.2022).
4. Rioux M. Le rêve de Champlain, de Papineau et de René Lévesque: Un peuple // *L'Aut'Journal*. 2021. 23 avril. Available at: <https://lautjournal.info/20210423/le-reve-de-champlain-de-papineau-et-de-rene-levesque-un-peuple> (accessed 18.03.2022).
5. Labelle M., Michelot F. Le Québec face à la pluralité des trajectoires // *L'Aut'Journal*. 2021. 18 août. Available at: <https://lautjournal.info/20210818/le-quebec-face-la-pluralite-des-trajectoires> (accessed 18.03.2022).
6. Comeau R. Une interprétation de la Révolution tranquille conforme à l'air du temps // *L'Aut'Journal*. 2021. 11 octobre. Available at: <https://lautjournal.info/20211110/une-interpretation-de-la-revolution-tranquille-conforme-lair-du-temps> (accessed 18.03.2022).
7. Rainville S. Que s'est-il donc passé durant la Révolution tranquille? // *L'Aut'Journal*. 2021. 15 octobre. Available at: <https://lautjournal.info/20211015/que-sest-il-donc-passe-durant-la-revolution-tranquille> (accessed 18.03.2022).
8. Valoriser notre patrimoine culturel // Parti libéral du Québec. Available at: <https://plq.org/fr/dossiers/culture> (accessed 18.03.2022).
9. Être Québécois, c'est notre façon d'être Canadiens // Parti libéral du Québec. Available at: <https://plq.org/fr/dossiers/identite-relations-quebec-canada/> (accessed 18.03.2022).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Акудовіч А., Казакевіч А. 2006. Навука і стратэгіі працы з мінулым. Дыскусія ў межах семінара «Сучаснае беларускае мысленне», Інстытут сацыялогіі, Інстытут філасофіі НАН, 16 сакавіка 2006 года. *Палітычная сфера*. № 6. С. 44–48.
- Астров А. 2009. Эстония: политическая борьба за место в истории. *Pro et Contra*. № 3–4. С. 109–124.
- Мишлер А.И. 2009. Россия: Власть и история. *Pro et Contra*. № 3–4. С. 6–24.
- Граба Р. 2009. Польские споры об истории в XXI веке. *Pro et Contra*. № 3–4. С. 43–64.
- Шеррер Ю. 2009. Германия и Франция: проработка прошлого. *Pro et contra*. № 3–4. С. 89–108.

REFERENCES

Akudovich A., Kazakevich A. 2006. Navuka i strategii pracy z minulym. Dyskusiya w mezhah seminara «Suchasnae belaruskae myslenne» [Science and strategies for working with the past. Discussion within the seminar "Contemporary Belarusian Thinking"] (In Belorussian), Institute of Sociology, Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences, March 16, 2006. *Political Sphere*. No 6. P. 44–48.

Astrov A. 2009. Estoniia: politicheskaiia bor'ba za mesto v istorii [Estonia: political struggle for a place in history] (In Russ.). *Pro et Contra*. No 3 – 4. P. 109–124.

Des lieux de mémoire: identité et culture modernes au Québec, 1930 – 1960 / eds C. Marie, B. Chantal. 1995. Ottawa: University of Ottawa Press, 239 p.

Gordon-Walker C. 2016. Exhibiting Nation: Multicultural Nationalism and Its Limits in Canada's Museums. Vancouver: University of British Columbia Press, 236 p.

Hernandez A.A. 2015. Challenging Canada's politics of commemoration through sites of (contested transnational) memory // *Cahiers Mémoire et Politique*. No 6. P. 61–78.

Landsberg A. 2004. Prosthetic Memory: The Transformation of American Remembrance in the Age of Mass Culture. New York: Columbia University Press. 240 p.

Miller A.I. 2009. Rossiia: Vlast' i istoriia [Russia: Power and History] (In Russ.). *Pro et Contra*. No. 3 – 4. P. 6 – 24.

Scherrer J. 2009. Germaniia i Frantsiia: prorabotka proshlogo [Germany and France: working through the past] (In Russ.). *Pro et contra*. No 3 – 4. P. 89–108.

Traba R. 2009. Pol'skie spory ob istorii v XXI veke [Polish disputes about history in the XXI century] (In Russ.). *Pro et Contra*. No 3 – 4. P. 43–64.

Winter J. 2001. The Generation of Memory: Reflections on the 'Memory Boom' in Contemporary Historical Studies // *Canadian Military History*. Vol. 10. No 3. P. 57–66.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ/ INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

КИРЧАНОВ Максим Валерьевич, доктор исторических наук, доцент Кафедры регионоведения и экономики зарубежных стран Факультета международных отношений, доцент Кафедры истории зарубежных стран и востоковедения Исторического факультета Воронежского государственного университета.

394018, Россия, г. Воронеж, Университетская площадь, 1

Maksim V. KIRCHANOV, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Regional Studies and Foreign Countries Economies, Faculty of International Relations, Associate Professor of the Department of History of Foreign Countries and Oriental Studies, Historical Faculty, Voronezh State University.

1 University Square, Voronezh, 1394018, Russia

Статья поступила в редакцию 19.03.2022.

Поступила после рецензирования / Revised 28.03.2022.

Статья принята к публикации / Accepted 29.03.2022.

УДК 327.51

DOI: 10.31857/S2686673022050078

EDN: GRCJAA

Влияние внутренней политики США на формирование российско-американских отношений

А.А. Рожков

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

Российская Федерация, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20

ORCID: 0000-0001-6735-7686 Researcher ID Q-9738-2018

e-mail: rozhkov1922@mail.ru

Резюме. Обострение российско-американских отношений в 2022 г. достигло масштабов холодной войны. Несмотря на обилие противоречий между двумя странами, проблема России, на первый взгляд, уступала по своему накалу другому вызову – возвышению КНР. Неспособность Вашингтона договориться с Москвой коренилась в переоценке российской угрозы. Причиной искажённого восприятия является отрицательный настрой рядовых американцев, поляризация общества, а также негативное отношение к России со стороны внешнеполитического истеблишмента и политиков США.

Ключевые слова: структурный реализм, Россия, США, общественное мнение, поляризация, сенаторы, контент-анализ

Для цитирования: Рожков А.А. Влияние внутренней политики США на формирование российско-американских отношений. *США & Канада: экономика, политика, культура*, 2022; 52 (5) 98-111. DOI: 10.31857/S2686673022050078

The Influence of U.S. Domestic Policy on Shaping Russian-American Relations

Alexander A. Rozhkov

HSE University, National Research University Higher School of Economics,

20 Myasnitskaya Ulitsa, Moscow 101000, Russian Federation

ORCID: 0000-0001-6735-7686 Researcher ID Q-9738-2018

e-mail: rozhkov1922@mail.ru

Abstract. The degeneration of Russian-American relations in 2022 reached the scale of the Cold War. Despite the contradictions between the two countries, the problem of Russia, wasn't so intensity to another challenge — the rise of China. Washington's overestimation of Russian threat was caused by domestic political processes. The reason for the misperception is the mood of ordinary Americans, the polarization of society, as well as the negative attitude towards Russia on the part of the foreign policy establishment and U.S. politicians.

Keywords: structural realism, Russia, USA, public opinion, polarization, senators, establishment, content analysis

For citation: Rozhkov A.A. The Influence of U.S. Domestic Policy on the Formation of Russian-American Relations. *USA & Canada. Economics, Politics, Culture*. 2022; 52 (5) 98-111. DOI: 10.31857/S2686673022050078

ВВЕДЕНИЕ

Драматический сдвиг в российско-американских отношениях в первой половине 2022 г. является воплощением ожидаемого, но в то же время фантастического по трагизму витка в развитии мировой политики. Массив неразрешённых российско-американских противоречий, безусловно, вызывал опасения у исследователей, однако до определённого момента многочисленные проблемы всё же уступали по масштабу другому вызову – возвышению КНР. О том, что XXI век станет эпохой американо-китайского противостояния, писали многие эксперты, в том числе Джон Миршаймер [Mearshamer J. 2014], Грэм Эллисон [Graham A. 2017], Мартин Жак [Martin J. 2012]. Тем не менее именно напряжение между Россией и США достигло уровня холодной войны и, возможно, по степени накала уже превысило угрозу Карибского кризиса. Ответ на вопрос, почему геополитические проблемы так и не удалось разрешить, на наш взгляд, стоит искать не только в состоянии мировой системы, но и во внутригосударственных процессах США.

Обрушение межгосударственных связей зачастую связывают с проблемами, происходящими на международном уровне. Однако резкий рост негативных настроений обнаруживается в тех случаях, когда одну из сторон открыто подозревают во вмешательстве во внутренние дела другого государства. Восприятие России в качестве одной из основных угроз США обострилось после выборов американского президента в 2016 г., когда кандидата от Республиканской партии Дональда Трампа заподозрили в тесном сотрудничестве с Москвой во время избирательной кампании. Несмотря на то, что предъявленное обвинение так и не было доказано, влиятельные американские медиа, а также видные политики говорили о сговоре как о свершившемся факте. В 2018 г. Россия, наряду с Китаем, была названа главной угрозой национальной безопасности США, а Д. Трамп до конца своего срока демонстративно утверждал, что ещё ни один президент до него не относился к Москве столь жёстко. Конфликт с Россией, таким образом, вышел за границы внешнеполитических ведомств, пустив корни в центр дискуссии об американском будущем.

В данной статье делается попытка показать, что причиной ухудшения российско-американских отношений является, в том числе, и изменение общественных настроений внутри США.

«ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЕАЛИЗМ» О ПОВЕДЕНИИ ГОСУДАРСТВ НА МЕЖДУНАРОДНОЙ АРЕНЕ

Отношения могущественных государств традиционно рассматриваются в рамках теории структурного реализма. Этот подход уподобляет страны шарам на

бильярдном столе. С той лишь разницей, что размер шара определяется не типом игры, а его военным и экономическим потенциалом. Чем могущественнее государство, тем объёмнее представляющий его шар. Не только опытный игрок в бильярд, но и человек со скудным знанием физики поймёт, что сдвинуть с места крупный шар можно только ударом соразмерного объекта. Владение большим шаром позволяет игроку осложнять жизнь противнику: заслонять маленькие шары своего цвета, без усилий отражать удары противоположных. Тем не менее, оценка противника зачастую оказывается субъективной и вредит ходу партии, из-за чего игрок может избрать неверную тактику и проиграть.

Причину ошибок правительств стоит искать в устройстве внутривнутриполитической жизни, считал неоклассический реалист Рэндал Швеллер [Schweller R. 1998]. В моменты обострения на мировой арене, руководители стран могут обладать разным представлением о внешнеполитической угрозе. Фрагментация элиты, раздробленность на множество групп, конфликты интересов усиливают внутренние противоречия, следствием чего становится отсутствие согласия, в том числе и по внешней политике. Многоуровневая поляризация общества создаёт ограничения, приводящие к различного рода структурным ошибкам: переоценке опасности (*overbalancing*), недооценке (*underbalancing*), следованию за сильным (*bandwagoning*) и отказу от ответственности (*buck-passing*). Единственно эффективная стратегия — балансирование в отношении угрозы — наиболее вероятно в периоды отсутствия вышеописанных противоречий.

Отношение США к России долгое время выражалось в переоценке угрозы. Введение многочисленных ограничительных мер отдаляло Москву и Вашингтон друг от друга, препятствуя налаживанию диалога в тех сферах, где это было возможно. Более того, непродуманные действия США сближали Россию и Пекин, что снижает влияние США на всей территории Евразийского континента. Источник переоценки угрозы, по нашему мнению, кроется в чрезмерно жёсткой позиции американского внешнеполитического истеблишмента, в изменениях общественного мнения, поляризации общества по ключевым вопросам внутренней политики, а также в негативном восприятии Москвы американскими политиками.

Далее мы приведём ряд политологических исследований, демонстрирующих связь между общественным мнением, решением политиков, поляризацией и радикальными внешнеполитическими решениями.

ВОЗДЕЙСТВИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ НА ВНЕШНЮЮ ПОЛИТИКУ

Выбор эффективной стратегии на международной арене зависит от состояния внутривнутригосударственных отношений. За последние годы антироссийский консенсус в американском обществе достиг таких масштабов, что от него вряд ли удастся избавиться в ближайшее время. Политическая система Соединённых Штатов не может не реагировать на сигналы общественного мнения, в глубине

которого действия Москвы плотно ассоциируются с подрывом американской демократии. Каким бы здравомыслящим ни было руководство США, оно влечено в сеть многочисленных обязательств перед избирателями, лоббистами и иными группами влияний. В то же время степень зависимости может быть разной. В этой сфере дисциплины «международных отношений» традиционно представлены две позиции: согласно первой из них политики формируют внешнеполитическую повестку, а по второй, напротив, общественное мнение направляет действия правительства. Первую группу исследователей мы можем назвать сторонниками концепции «топ-даун» (*top down*), а второй – концепции «ботом-ап» (*bottom up*).

Значительная часть исследований демонстрирует относительную зависимость политиков от настроений избирателей. Победа на выборах, безусловно, требует соблюдения некоторых формальных правил. Например, граждане менее склонны голосовать за человека, подчёркивающего важность своего переизбрания. Тем не менее влияние властей на массы зачастую оказывается достаточно сильным. В статье «Формируют ли политики общественное мнение?» профессор Осаки школы международной государственной политики Университета Осаки Тэцую Мацубаяси писал об успешном воздействии избранных политических представителей обеих американских партий на граждан США. Данные опросов, утверждал он, демонстрируют усиление склонности избирателей поддерживать политическую партию на федеральных выборах после того, как её представитель победил на промежуточных выборах в их штате. Политики таким образом усиливают не только своё влияние, но и влияние их партии. Конкурентная среда демократических выборов отрицает возможность манипуляции американскими избирателями, однако укоренённая в их поведении склонность к голосованию за кандидатов со схожей программой всё же говорит о возможности политиков активно формировать общественное мнение.

Доцент Калифорнийского университета Дэвид Брокман и профессор политологии Вашингтонского университета в Сент-Луисе Дениел Батлер пришли к ещё более внушительным выводам. Доверие граждан к их кандидатам, утверждают они, не меняется даже тогда, когда политики поддерживают чуждые избирателям идеи. Более того, избиратели сами склонны изменить свои взгляды, нежели проголосовать за других кандидатов. К таким заключениям учёные пришли, организовав эксперимент в законодательных органах восьми городов на Среднем Западе США. В ходе работы исследователи провели опрос о предпочтениях избирателей, после чего кандидаты разослали им письма с изменением отношения к зафиксированным идеям. Вслед за разосланными письмами учёные повторили опрос, по итогам которого граждане адаптировались к переменам, о которых политики сообщили в письмах и, более того, 95% из них вновь проголосовали за своего кандидата на последовавших выборах [Brockman D., Butler D. 2017].

Влияние политических партий становится особо острым в кризисные периоды, когда поляризация углубляется в элите. Исследование на данную тему представлено в статье профессора и научного сотрудника Института политических исследований Северо-Западного университета США Джеймса Дракмана, доцента кафедры политологии Техасского университета A&M Эрика Петерсона и профессора политологии Орхусского университета Руна Слотууса «Как узкопартийная поляризация элиты влияет на формирование общественного мнения?» [Druckman J., Peterson E., Slothuus R. 2013]. Согласно результатам их работы, люди обладают большей склонностью к выбору формулировок, соответствующих их партийным предпочтениям. Эта склонность усиливается и становится некритичной, когда элита открыто демонстрирует накопившиеся в её среде противоречия. Проявляется не просто отсутствие критики, вера в правоту собственного мнения, но и почти полное отрицание альтернативного мнения. О том, что политические партии стимулируют развитие поляризации, также говорится в статье старшего приглашенного научного сотрудника по методологии Лондонской школы экономики и политических наук Томаса Липера и Р. Слотуса «Политические партии, мотивированные рассуждения и формирование общественного мнения» [Leeper Th., Slothuus R. 2014]. По мнению авторов работы, партии создают информационный контекст, который оказывает влияние на эмоциональные предпочтения граждан.

В статье «Теория общественного мнения *bottom up* о внешней политике» профессор государственного управления Гарвардского университета Джошуа Кертцер и доцент Школы общественных наук Американского университета Томас Зейцзофф опровергают представление классического реализма о пассивном отношении рядовых граждан к формированию внешней политики [Kertzer J., Zeitzoff Th. 2017]. По их мнению, общество представляет собой множество групп, каждая из которых не только обладает устоявшимся видением международных отношений, не поддаётся влиянию извне, но и вынуждает политиков перестраивать программы в соответствии со своими требованиями. К таким выводам исследователи пришли в результате пяти экспериментов, в ходе которых участникам предлагалось одобрить или отвергнуть рассуждения о международных отношениях. С одной стороны, демонстрировалась позиция уважаемых представителей обеих партий, с другой – позиция группы их референтов. В большинстве случаев участники предпочитали следовать мнению референтской группы, а не рассуждениям даже самых авторитетных политиков. Влияние власти, подчёркивают авторы, нельзя назвать нерелевантным, однако степень её воздействия на массы значительно преувеличивается.

Протесты также являются одним из инструментов воздействия масс на правительство. Авторы статьи «Демонстрация силы: как протест убеждает политических представителей» постдокторант в Университете Антверпена Рууд Вутерс и профессор политологии в Университете Антверпена Стефан Велгрейв

полагают, что стремление политиков сохранить свой пост обуславливает их внимание к протестующим гражданам [Wouters R., Welgrave St. 2017]. Особенно сильное воздействие на власть оказывает сплочённость протестующих, их организованность и ясность требований. Гражданские акции, отмечают авторы, оказывают воздействие на правительство при удовлетворении трёх условий: публичном характере протеста, согласии политиков с формой протеста, а также схожими политическими ценностями граждан и властей.

О влиянии общественного мнения на политиков также пишут профессор кафедры политологии Вашингтонского университета в Сент-Луисе Эндрю Ривз и доцент кафедры политологии Чикагского университета Джо Роговски в статье «Общественная цена односторонних действий» [Reeves A., Rogovski J.C. 2018]. Согласно их аргументам, рядовые граждане негативно реагируют на инициативы президента, выдвинутые в обход органов представительной власти. Бюрократическая волокита, парламентские дебаты, судебные разбирательства — всё это создаёт существенные преграды для осуществления президентских намерений. Оппозиция может раскритиковать исполнительный указ президента, если он затрагивает важную общественную проблему. В таких случаях, как правило, рейтинг президента может пострадать. К схожим выводам приходят доцент политологии Университет штата Огайо Дино Кристенсон и профессор факультета государственного управления Корнельского университета Дуглас Крайнер в статье «Мобилизация общественности против президента: Конгресс и политические издержки односторонних действий» — представительная власть может не только критиковать односторонние действия президента, но и мобилизовать против него общественность [Christenson D., Kriner D. 2017]. В статье «Общественное мнение и внешняя политика: этапы принятия решений президентом» профессор политологии Колледжа Уэстмонт Том Книхт и профессор Калифорнийского университета в Санта-Барбаре М. Уэзерфорд [Knecht Th., Weatherford M.S. 2006] утверждают, что рядовые граждане острее воспринимают внешнюю политику в периоды кризиса, предоставляя президенту незначительное пространство для маневрирования, и спокойнее в стабильные периоды, когда лидер государства обладает более широкими возможностями.

МЕТОДОЛОГИЯ

Далее рассмотрим влияние общественного мнения США на политику Вашингтона в отношении РФ в 2016–2021 гг. Негативное восприятие России в эти годы продемонстрируем на материалах, опубликованных в американских журналах «Нэшнл интерес» и «Форин афферс». Данные журналы публикуют статьи наиболее влиятельных американских политиков и учёных в области международных отношений, поэтому их позиция может иллюстрировать взгляды внешнеполитического истеблишмента США.

Поляризация американского общества и отношение к России рассматриваются на основе данных опросов, полученных Институтом общественного мнения Гэллага. Представим результаты опросов, в которых респонденты выразили своё отношение к России, а также к основным внутригосударственным проблемам США. Опросы проводились среди представителей как Демократической, так и Республиканской партии по одним и тем же проблемам. Существующее напряжение между государствами показывает, что адекватнее обратиться к временному промежутку с 2016 по 2021 г. Разумеется, и до 2016 г. звучали публично всяческие оценочные суждения по отношению к России как угрозе Соединённым Штатам. Однако выборы американского президента в 2016 г. запустили высказывания такого типа с новой силой.

Далее будет проведено исследование политических высказываний американских сенаторов об отношении к России и ключевым внутригосударственным проблемам США. Во-первых, мы проведём первичное выделение словосочетаний на страницах американских сенаторов в Твиттере, относящихся к России и к внутриполитическим проблемам в оговоренных временных рамках. Во-вторых, классифицируем полученные результаты: в зависимости от высказывания определялось отношение политиков к теме в диапазоне от крайне негативного (-2) до крайне позитивного (+2).

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЙ ИСТЕБЛИШМЕНТ США О НЕОБХОДИМОСТИ РЕШИТЕЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ В ОТНОШЕНИИ РОССИИ

Публикации экспертов в журналах «Нэшнл интерес» и «Форин афферс», если не отражают прямую позицию американской элиты, то близки к ней, поскольку все авторы так или иначе связаны с истеблишментом. Избрание нового президента США Дж. Байдена подтолкнуло их к составлению ряда текстов об отношениях Москвы и Вашингтона. В большинстве случаев авторы осуждают Россию за нарушение прав человека и демократических ценностей. Впрочем, эксперты не скрывают идеологизированности своей позиции, хотя и призывают новую администрацию действовать более рационально.

Почти все авторы пишут о необходимости продвижения демократии. США, по их мнению, несут ключевую роль в этом процессе. Более того, как пишет старший научный сотрудник Института Брукинга Роберт Каган, США принимают недостаточно усилий для поддержания либерального миропорядка [Kagan R. 2021]. Ответственность Соединённых Штатов перед мировой демократией также отмечает доцент Университета Джонса Хопкинса и старший научный сотрудник Совета по международным отношениям Яша Мунк. Новую администрацию он призывает сосредоточиться не на навязывании демократии силой, а на формировании обязательств внутри уже существующих организаций, таких как Евросоюз и НАТО. Борьба с распространением авторитаризма

позволяет эффективнее противостоять России и Китаю, странам, которые, по словам Я. Мунка, стали диктаторскими [Mounk Y. 2021].

Демократический мир должен объединиться против набирающего силы авторитаризма, считает бывший директор по европейским исследованиям американского Совета национальной безопасности Александр Виндман. Отход США от мировых дел использовался Россией и Китаем, считает он, для возвеличивания Китая. Такое восприятие российско-китайских отношений усугубляется прямым обвинением Москвы в развязывании информационной войны внутри Соединённых Штатов, попытках усилить неравенство и многом другом [Vindman A. 2020].

Доцент Центра Дэвиса по российским и евразийским исследованиям Гарвардского университета Уолтер Клеменс называет Россию и Китай преступными режимами, сравнивая страны со сталинским СССР и гитлеровской Германией. Сотрудничество по таким международным проблемам как урегулирование климата не должно обернуться поощрением Москвы и Пекина, считает он. В 1930-е годы, пишет У. Клеменс, американцы радовались налаженным торговым отношениям с СССР и Германией, однако они вряд ли одобрили бы создание ГУЛАГа и концлагерей [Clemens W. 2021].

Противостояние США объединённым потенциалам России и Китая воспринимается чуть не как *causa sui*. Столь принципиальная позиция, конечно, требует особых разъяснений как для властей, так и для простых граждан. Американцам необходимо осознать важность своего участия в мировой политике и активно поддерживать продвижение демократии, считает Р. Каган. Даже если они не хотят приложить к этому собственные усилия, политики и медиа должны изменить их точку зрения. Такова цена ответственности США перед другими демократическими странами.

ОТНОШЕНИЕ К РОССИИ И ПОЛЯРИЗАЦИЯ АМЕРИКАНСКОГО ОБЩЕСТВА (ПО ДАННЫМ ИНСТИТУТА ГЭЛЛАПА)

Динамика восприятия России в общественном сознании американцев незначительно менялась с 2016 по 2021 г. В 2016 г. согласно данным Института Гэллappa, лишь 5% респондентов сказали об «очень благоприятном отношении к России», 42% заявили о «в основном неблагоприятном отношении» и 23% — об «очень неблагоприятном» [1].

Мнение людей в данный период менялось незначительно. Пиком негативного восприятия России стал 2019 год. Тогда об «очень благоприятном отношении к России» высказались 3%, «в основном неблагоприятном» — 41%, а о «крайне неблагоприятном» — 32% опрошенных [1].

В абсолютных числах в 2016 г. негативное отношение к России выразили 66% американцев, а в 2020 г. — 72%.

На вопрос «*Какую страну в мире вы считаете величайшим врагом Соединённых Штатов сегодня?*» в 2016 г. Россию назвали 15% американцев, в 2018 — 19%, в 2019 — 32%, а в 2020 — 22%. Помимо этого, военная мощь России для 39% американцев в 2016 г. представлялась «*критической угрозой*», в 2020 г. их число увеличилось до 52% [1].

Большинство респондентов в 2018 г. считали, что Россия вмешивалась в президентские выборы США 2016 г., при этом 39% общего числа опрошиваемых заявили о воздействии вмешательства на результаты выборов, 36% сказали об отсутствии влияния на результаты. Несмотря на негативное восприятие России за указанный период, в 2018 г. лишь 36% респондентов заявили о необходимости принятия жёстких шагов в отношении РФ, 58% выступали за улучшение американо-российских отношений [1].

Поляризация американского общества по основным внутриполитическим вопросам росла не только на протяжении 2016–2021 гг., но и в течение двух предшествующих десятилетий. Экономические проблемы по-прежнему больше всего волнуют американцев, однако отношение к их состоянию разделило респондентов на две группы. В 2019 г. на вопрос «*Как вы думаете, сейчас экономическое положение в стране улучшается или ухудшается?*», 48% ответили об ухудшении и 46% — об улучшении [2]. В 2021 г. на вопрос «*Вы бы сказали, что вам финансово лучше, чем год назад, или вам финансово хуже?*», 36% ответили, что им лучше, и 35% — что им хуже [3].

Здравоохранение и доступ к нему также стали важнейшими темами в общественном мнении американцев. В 2019 г. «*критически важной*» либо «*основной проблемой*» здравоохранение назвали 63% респондентов; «*незначительной проблемой*» либо «*отсутствующей*» — 37% [4].

Расовые противоречия и дискриминация также остаются в центре внутриполитической дискуссии в США. На вопрос «*Вы бы сказали, что отношения между белыми и чёрными очень хорошие, отчасти хорошие, отчасти плохие или очень плохие?*» в 2020 г. 55% респондентов ответили «*отчасти плохие или очень плохие*», и 44% — «*очень хорошие либо отчасти хорошие*» [5].

Противоречия внутри американского общества приобретают особенно отчётливые формы, когда опросы проводятся отдельно среди демократов и среди республиканцев. Так, в отношении к России республиканцы настроены позитивнее демократов. «*Дружественной, но не союзной*» в 2018 г. Россию считали 40% опрошенных республиканцев и 20% демократов [1]. Не менее острым является восприятие внутриполитических проблем у представителей обеих партий. На вопрос об ожиданиях финансового благополучия в следующем году число оптимистичных республиканцев резко сократилось с 83% в 2020 г. до 40% в 2021 г. и, напротив, число оптимистичных демократов за тот же период увеличилось с 60% до 72% [2]. Критически важной проблему доступного здравоохранения считали 78% демократов и лишь 43% республиканцев [4].

Данные опросов демонстрируют по крайней мере две устойчивые тенденции в изменении настроений американцев. Первая тенденция связана с негативным отношением к России. Неприятие, стоит отметить, возросло после событий кризиса на Украине в 2014 г. Однако история, связанная с якобы произошедшим вмешательством русских хакеров в президентские выборы 2016 г., послужила триггером для более резкого ухудшения отношений.

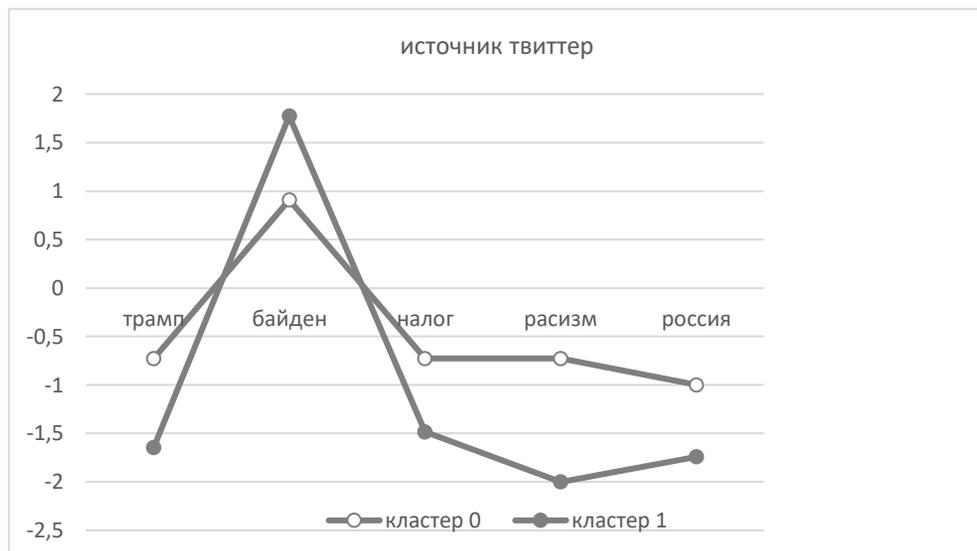
Антироссийские настроения, пожалуй, являются одной из немногих точек консенсуса между Демократической и Республиканской партиями. Тем не менее даже в этой деликатной для внутриполитической жизни США теме наблюдаются отличия, поскольку республиканцы всё же более готовы к взаимодействию с Москвой, нежели демократы.

За последние четыре года процесс поляризации в США достиг небывалых масштабов. Как видно из данных опросов, американцы не согласны друг с другом по большинству вопросов. Помимо того, что их отношение к ключевым проблемам зеркально противоположны друг другу, население делится на две части. Эффект поляризации усиливается за счёт политического контекста. Результаты опросов общественного мнения показывают: продвижение политических проектов одной из сторон противоположной воспринимаются едва ли не как катастрофа.

КОНТЕНТ-АНАЛИЗ АМЕРИКАНСКИХ СЕНАТОРОВ В СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ ТВИТТЕР

График 1

Отношение сенаторов-демократов к внутриполитическим темам США и России

Создано автором.

Анализ высказываний в Твиттере американских сенаторов Демократической и Республиканской партий позволил выявить наиболее острые темы дискуссий и разделить представителей обеих фракций на два кластера, один из которых демонстрирует умеренную позицию по проблемам (кластер 0), второй – более жёсткую (кластер 1). Негативное отношение к России, пожалуй, является одной из немногих точек консенсуса между обеими партиями, по остальным темам, напротив, наблюдается острая поляризация.

Республиканцы и демократы до такой степени запутались в политических противоречиях, что их взаимоотношения могут быть выражены в английской поговорке: «Что для одного человека мусор, то для другого сокровище». Так, резко негативное отношение к бывшему президенту США Д. Трампу (*трамп*) и крайне позитивное к нынешнему главе Джозефу Байдену (*байден*) у демократов, находит зеркальное отражение в позиции республиканцев. Схожие результаты видны в отношении сенаторов к закону «О снижении налогов 2017 г.» (*налог*). Умеренное отношение к расизму (*расизм*) у республиканцев совпадает с демократами только по одному кластеру. Таким образом, утверждения о переоценке российской угрозы и острой поляризации в высказываниях сенаторов подтверждаются результатами контент-анализа.

График 2

Отношение сенаторов-республиканцев к внутриполитическим темам США и России

Создано автором.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Текущий кризис российско-американских отношений имеет глубокие корни, основания которых стоит искать не только в изменении международной системы последних лет, но и в структуре внутриполитического уклада Соединённых Штатов. Структурный реализм в сочетании с учением Р. Швеллера о причинах ошибочного поведения государств на мировой арене объясняют источник переоценки российской угрозы в США. В статье показано, что восприятие внешних угроз, а также внешнеполитические решения часто зависят от общественного мнения. Более того, чем разобщённое, чем поляризованное это мнение, тем радикальнее может сформироваться взгляд на международную угрозу. Отношение американцев к России в этом смысле не является исключением. Будучи включённой в ядро политической дискуссии в США, тема «Россия» обросла негативной коннотацией. Несмотря на то, что мнения и рядовых граждан США, и политиков значительно расходятся в зависимости от политических предпочтений, отрицательное восприятие Москвы можно назвать точкой консенсуса. Заряд негативного восприятия, судя по всему, оказал непосредственное влияние на переговоры, что завело в тупик отношения России не только с США, но и с другими западными странами.

ИСТОЧНИКИ

1. Russia Gallup Historical Trends. // *Website news.gallup.com* Available at: <https://news.gallup.com/poll/1642/russia.aspx> (accessed 21.03.2022).

2. Brenan Megan Economic Confidence Drops to Lowest Level Since Shutdown // *Website news.gallup.com* Available at: <https://news.gallup.com/poll/266960/economic-confidence-drops-lowest-level-shutdown.aspx> (accessed 21.03.2022).

3. Brenan Megan Americans' Views of Their Financial Situation Worsen // *Website news.gallup.com* Available at: <https://news.gallup.com/poll/329207/americans-views-financial-situation-worsen.aspx> (accessed 21.03.2022).

4. Mccarthy Justin. Fewer in U.S. See Health System as Having Major Problems // *Website news.gallup.com*. Available at: <https://news.gallup.com/poll/268850/fewer-health-system-having-major-problems.aspx> (accessed 21.03.2022).

5. Saad Lydia. U.S. Perceptions of White-Black Relations Sink to New Low // *Website news.gallup.com* Available at: <https://news.gallup.com/poll/318851/perceptions-white-black-relations-sink-new-low.aspx> (accessed 21.03.2022).

REFERENCES

Reeves, A., Rogowski, J. 2018. The Public Cost of Unilateral Action. *American Journal of Political Science*. Vol. 62, No. 2 (APRIL) p. 424-440 (accessed 21.03.2022).

Broockman, D., Butler, D. 2017. The Causal Effects of Elite Position-Taking on Voter Attitudes: Field Experiments with Elite Communication. *American Journal of Political Science*. Vol. 61, No. 1, p. 208-221. DOI: 10.1111/ajps.12243.

Christenson, D., Kriner, D.. 2017. Mobilizing the Public Against the President: Congress and the Political Costs of Unilateral Action. *American Journal of Political Science*. Vol. 61, No. 4, pp. 769-785. DOI: 10.1111/ajps.12298.

Clemens, W. Stalin and Hitler, Putin and Xi: How to Deal with Bad Guys? *The National Interest*. January 4, 2021. Available at: <https://nationalinterest.org/blog/buzz/stalin-and-hitler-putin-and-xi-how-deal-bad-guys-175744> (accessed 21.03.2022).

Druckman, J., Peterson, E., Slothuus, R. 2013. How Elite Partisan Polarization Affects Public Opinion Formation. *The American Political Science Review*. Vol. 107, No. 1, p. 57 – 79. DOI: 10.1017/S0003055412000500.

Alison, G. 2017. *Destined for War*. N.Y.: Houghton Mifflin Harcourt. 384 p.

Jacques, M. 2012. *When China Rules the World: The End of the Western World and the Birth of a New Global Order*. L: The penguin group. 848 p.

Kagan, R. 2021. A Superpower, Like It or Not. Why Americans Must Accept Their Global Role. *Foreign Affairs*. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2021-02-16/superpower-it-or-not>. March/April (accessed 21.03.2022).

Kertzer, J., Zeitzoff, T. 2017. A Bottom-Up Theory of Public Opinion about Foreign Policy. *American Journal of Political Science*. Vol. 61, No. 3 P. 543-558. DOI: 10.1111/ajps.12314.

Knecht, T., Weatherford, M.S. 2006. Public Opinion and Foreign Policy: The Stages of Presidential Decision Making. *International Studies Quarterly*. Vol. 50, No. 3, p. 705-727.

Leeper, T., Slothuus, R. 2014. Political Parties, Motivated Reasoning, and Public Opinion Formation. *Political Psychology*. Vol. 35. Pp. 129-156. DOI: 10.1111/pops.12164

Matsubayashi, T. 2013. Do Politicians Shape Public Opinion? *British Journal of Political Science*. Vol. 43, No. 2, p. 451 – 478. DOI: 10.1017/S0007123412000373.

Mearshaimer, J. 2014. Can China Rise Peacefully? *The National Interest*. October 24. Available at: <https://nationalinterest.org/commentary/can-china-rise-peacefully-10204> (accessed 21.03.2022).

Mouk, Y. 2021. Democracy on the Defense. Turning Back the Authoritarian Tide. *Foreign Affairs*. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2021-02-16/democracy-defense> (accessed 21.03.2022).

Schweller, R. 1998. *Deadly Imbalances Tripolarity and Hitler's Strategy of World Conquest*. N. Y.: Columbia University Press. 257 p.

Vindman, A. 2020. The United States Must Marshal the “Free World”. Together, Democracies Can Counter the Authoritarian Threat. *Foreign Affairs*. Available at:

<https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2020-12-07/united-states-must-marshal-free-world>. December 7 (accessed 21.03.2022).

Wouters, R., Walgrave S. 2017. Demonstrating Power: How Protest Persuades Political Representatives. *American Sociological Review*. Vol. 82, No. 2, p. 361-384. DOI: 10.1177/2F0003122417690325 (accessed 21.03.2022).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

РОЖКОВ Александр Алексеевич, кандидат политических наук, преподаватель, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Российская Федерация 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20.

Alexander A. ROZHKOV Candidate of Sciences (Political), Lecturer/Faculty HSE University, National Research University Higher School of Economics. 20 Myasnitskaya Ulitsa, Moscow 101000, Russian Federation.

Статья поступила в редакцию / Received 19.03.2022.

Поступила после рецензирования / Revised 26.03.2022.

Статья принята к публикации / Accepted 27.03.2022.

УДК 327, 325, 325.1, 325.2, 323.1, 323.11, 323.13, 323.15

DOI: 10.31857/S268667302205008X

EDN: GRCXJY

О парадоксе интеграции мигрантов: рассуждения без софизма

И.В. Шумилина

Институт США и Канады Российской академии наук (ИСКРАН)

Российская Федерация 121069, Москва, Хлебный пер., 2/3

ORCID: 0000-0003-4796-554X

e-mail: i.shumilina@iskran.ru

Резюме. Монография социолога, профессора Университета Оснабрюка (Германия) А. Эль-Мафаалани представляет большой интерес как увидевшая свет на пике осмысления иммиграционных проблем после признания европейскими лидерами факта провала политики мультикультурализма. Отмечается высокая степень актуальности исследования Эль-Мафаалани, анализирующего различные грани проблемы глобальной миграции, и подчёркивается, что книга, выпущенная в свет в 2018 г., сегодня, в 2022 г., вызывает не меньший, а даже больший интерес. Обострение внутривнутриполитической ситуации в США по столь чувствительной теме как взаимоотношения «белых» и «небелых», конфликтное наследие иммиграционной политики Д. Трампа, а также вывод американского военного контингента из Афганистана в августе 2021 г. и потенциал новой волны переселенцев подняли на новый уровень осмысления острые проблемы, которые автор рассматривает в своей монографии. Неясность перспективы для Афганистана при новом руководстве и обострение внутривнутриполитической обстановки там многократно усилили озабоченность международного сообщества прогнозами нарастания миграционного потока в страны Европы и в США, а также сложностями с их адаптацией на новом месте. Начавшийся исход беженцев¹ с Украины усугубил эту ситуацию.

Автор монографии, будучи сам эмигрантом с Ближнего Востока во втором поколении, предлагает необычный, во многом – дискуссионный взгляд изнутри западного общества на собственно процесс интеграции и ассимиляции мигрантов, специфические проблемы их социокультурного вхождения в общество. Акцентируется внимание на конфликтах как явлениях и результате «срачивания» (тесного взаимодействия) мигрантов и автохтонов в условиях «открытого» и «закрытого» обществ – в противовес популярной парадигме о стремлении к «бесконфликтности» как критерию успешности интеграционного процесса.

Ключевые слова: интеграция, ассимиляция, глобальная миграция, мигранты, беженцы, мусульманские иммигранты, арабо-американцы, культурная адаптация, открытое общество

Для цитирования: Шумилина И.В. О парадоксе интеграции мигрантов: рассуждения без софизма. *США & Канада: экономика, политика, культура* 2022; 53 (5) 112-122. DOI: 10.31857/S268667302205008X

¹ Термин «беженцы» употреблен в данном случае в «бытовом» значении. Согласно официальной классификации Министерства внутренней безопасности США (DHS), их статус определяется как «временная защита» (*Temporary Protected Status*), предоставляется на 18 месяцев и предусматривает разрешение на работу.

About the Paradox of Migrants Integration: Reasons without Sophism

Inna V. Shumilina

Institute for the U.S. and Canadian Studies, Russian Academy of Science (ISKRAN).

2/3 Khlebny per., Moscow, 121069, Russian Federation

ORCID: 0000-0003-4796-554X

e-mail: i.shumilina@iskran.ru

Abstract. Aladin El-Mafaalani, the author of the recently published monograph *The Paradox of Integration. Why Successful Adaptation of Migrants Leads to New* is known as sociologist and professor at the University of Osnabrück (Germany). This work is of great interest – as seen at the of thinking about immigration issues after European leaders acknowledged the failure of the policy of multiculturalism.

The reviewer notes the high relevance of El-Mafaalani's study, which analyzes different facets of the problem of global migration. In the reviewer's opinion, the monograph, published in 2018, arouses today (in 2022), not less, but even more interest. The aggravation of the domestic political situation in the United States on such a sensitive topic as the relations between "whites" and "non-whites," the conflicting legacy of Trump's immigration policy, and the withdrawal of U.S. military contingent from Afghanistan in August 2021 and the potential for a new wave of settlers – all this raised to a new level of reflection the acute problems the author addresses in her monograph. The unclear prospects for Afghanistan under the new leadership and the aggravation of the internal political situation there have repeatedly increased the international community's concern about the projected increase in the flow of migrants to Europe and the United States, as well as the difficulties of their adaptation at a new home. The exodus of refugees from Ukraine has exacerbated this situation².

The author of the monograph, being himself a second-generation emigrant from the Middle East, offers an unusual and largely debatable view from within the Western community on the process of integration and assimilation of migrants and the specific problems of their socio-cultural entry into society. Attention is focused on conflicts as phenomena and because of "merging" (close interaction) of migrants and autochthons in conditions of "open" and "closed" societies – as opposed to the popular paradigm of striving for "no conflict" as a criterion of success of the integration process.

Keywords: integration, assimilation, global migration, immigrants, refugees, American Muslims, cultural adaptation, open society

For citation: Shumilina I.V. About the Paradox of Migrants Integration: Reasons without Sophism. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*, 2022; 52 (5) 112-122.

DOI: 10.31857/S268667302205008X

² The term "refugees" is used in this case as a simplified one. According to the official classification of the US Department of Homeland Security, their status is defined as "Temporarily Protected Status" (TPS) spanning over 18 months and including a work permit.

ВВЕДЕНИЕ

Аладин Эль-Мафаалани – немецкий социолог сирийского происхождения, специализирующийся на изучении проблематики миграционного социума во всей широте аспектов. Работы Эль-Мафаалани в этой области отмечались такими престижными наградами как премия Фонда Кёрбера, а также другими научными премиями – Университета Аугсбурга за межкультурные исследования, премией Института культурологии в Эссене.

Помимо научной и преподавательской деятельности (ранее – профессор политологии в Университете прикладных наук Мюнстера, в ныне Оснабрюкского университета), Эль-Мафаалани имеет также практический опыт работы в качестве координатора интеграционной политики (Германия, Северный Рейн-Вестфалия; ранее – представитель департамента Министерства по делам детей, семьи, беженцев и интеграции – MKFI – в Дюссельдорфе).

Монография представляет особый интерес ввиду того, что автор излагая своё видение интеграционных проблем мигрантов и их адаптации в общем пространстве, последовательно вычленяет самые значимые аспекты процесса и анализирует их в весьма нестандартном ключе. В отличие от устоявшегося представления о том, что всякому обществу, принимающему новые и новые потоки мигрантов, следует стремиться к американской модели «плавильного котла», Эль-Мафаалани утверждает, что «принцип бесконфликтности общества до сих пор остаётся не до конца понятным» [А. Эль-Мафаалани, 2020: 38]. Не подвергая сомнению взаимосвязь понятия «интеграция» и идеи «открытого общества», автор акцентирует внимание на том, что представления о гармонии в до-

стижении этой цели («открытого общества») нереалистичны. «Даже если интеграция, или инклюзия, или равенство возможностей будут успешно достигнуты, общество не станет более однородным, гармоничным и свободным от конфликтов. Гораздо вероятнее как раз обратное, утверждает он, *удачная интеграция ведёт к росту конфликтного потенциала*» [А. Эль-Мафаалани, 2020: 40]. В этом автор и видит парадокс процесса интеграции и ассимиляции, что вынесено в заглавие работы.

«ОБЩИЙ СТОЛ» И БОРЬБА ЗА «КУСОК ПИРОГА»

Поясняя причинно-следственные связи конфликтности и интеграции, Эль-Мафаалани использует сквозную метафору, предлагая представить себе обще-

ство как «общий стол», а граждан – теми, кто хочет за ним сидеть (а хотят «все»), «получая свой кусок пирога». Автор прибегает к схематичной демонстрации того, как за таким «столом» распределяются мигранты разных поколений. Первое поколение, согласно этому видению, довольствуется местом «на полу» или вовсе «отдельно», ведёт себя спокойно и «не предъявляет претензий». Это означает, что интеграция для них – «далёкая перспектива». Их дети – второе поколение мигрантов – уже считают себя частью целого и рассаживаются «за столом» вместе с другими. Уже на этом этапе, отмечает Эль-Мафаалани, начинает проявляться конфликтный потенциал, поскольку речь идёт о том, кто получит «лучший кусок пирога». То есть – по существу – о распределении рабочих мест и других ресурсов [А. Эль-Мафаалани, 2020: 41]. Третье поколение мигрантов уже не желает безучастно сидеть «за столом» – они готовы принимать участие в общих решениях, влиять на установленные правила и, по мере необходимости, менять их с учётом своих интересов. Это и есть интеграция, поясняет автор, с присущим интеграции высоким конфликтным потенциалом ввиду большого числа возникающих разногласий. При этом было бы неправильно утверждать, что конфликты как следствие интеграции в конце концов «ухудшают» общество. Они меняют его, заставляя общество, например, пересматривать социальные условия для мигрантов, а также влияют на социокультурную динамику и на собственно ментальное содержание культуры.

«Сращивание» мигрантов с автохтонами, то есть тесное их взаимодействие, по Эль-Мафаалани, неизменно рождает напряжённость. В связи с этим автор выделяет так называемый «конфликт ожиданий». Коренное население ожидает, поясняет он, что интегрированные мигранты «приспособятся» и «растворятся», тогда как они намереваются быть полноправными гражданами при полном сохранении идентичности. «Интеграция – это не улица с односторонним движением», – усиливает автор эту мысль цитатой известного немецкого историка и специалиста по интеграционным процессам, профессора Клауса Баде [Bade Klaus J. 2017:34].

Сегодня признание языкового и религиозного многообразия – это реальность, по мнению Эль-Мафаалани [А. Эль-Мафаалани, 2020: 48]. Это есть признак «открытого» общества. Однако и в этом существуют «границы возможного». Прежде всего, это проявляется в «разнонаправленных» религиозных предпочтениях.

МИГРАНТЫ-МУСУЛЬМАНЕ И ИХ «ГРАНИЦЫ ВОЗМОЖНОГО»

В этой связи уместно сделать небольшое отступление и упомянуть ставшую популярной в Германии в 2010 г. книгу немецкого политика и члена правления Бундесбанка Тило Саррацина. Красноречиво названная «Германия: самоликвидация» [4], книга имела широкий общенациональный резонанс. Немецкая элита практически по всему политическому спектру подвергла резкому

осуждению основные идеи автора. Критика иммигрантов, в частности, мусульман, якобы не способных и не желающих (в интерпретации Т. Саррачина) интегрироваться в социум ФРГ, резко контрастировала с продвигавшимися на официальном уровне идеями политики мультикультурализма и в конечном счёте вызвала однозначное отторжение как «абсурдная»³ и «откровенно расистская»⁴. Ангела Меркель сочла необходимым высказаться о книге, напомнив, что «первостепенная обязанность немецкого государства – активно интегрировать иммигрантов в общество». «Мы хотели бы предоставить нашим гражданам-иммигрантам все возможности открытой страны», – подчеркнула канцлер в интервью турецкой газете “Хюрриет” [1]. Тем не менее, высокий интерес к этой книге, ставшей научно-популярным бестселлером, проявил остроту проблемы и накал общественной дискуссии в отношении миграции. В том же 2010 г. А. Меркель, затем премьер-министр Великобритании Дэвид Кэмерон и президент Франции Николя Саркози (в начале 2011-го) признали, что концепция мультикультурализма потерпела «полный провал»⁵. В ракурсе этой хронологии событий исследование Эль-Мафаалани (напомним: выпущено в Германии в 2018 г.), рассматривавшего вопросы глобальной миграции и, в частности, проблемы мусульманских мигрантов через призму опыта Германии, представляется неординарным. Автор задаётся сущностным вопросом: куда же в таком случае следует двигаться «мигрантским странам» – в сторону «открытого» общества или «закрытого»?

Как решать, например, в «открытом» обществе вопрос такого острого – для США и Европы – дискурса как ограничения в отношении отдельных групп населения? В частности, мусульманской. Запреты на ношение женщинами на госслужбе головных платков, воспринимаемых немусульманами как вызов «через демонстрацию религиозного атрибута», – это проявление дискриминации или обоснованная правовая норма? По Эль-Мафаалани, каждый новый запрет влечёт за собой последующие, тем самым постепенно создавая условия для системного исключения целой группы населения из активного социума [А. Эль-Мафаалани, 2020: 51]. Аналогично ношению платков обстоит и с практикой строительства мечетей на задворках городов – приводит другой пример Эль-

³ Ангела Меркель так охарактеризовала книгу в интервью общенациональной турецкой газете “Хюрриет”.

⁴ «Расисткой чепухой» назвал книгу Саррачина один из лидеров партии «Союз 90/ зелёные», влиятельный член коалиции консерваторов в Гессене Тарек Аль-Вазир – см. <https://www.spiegel.de/politik/deutschland/rassistischer-unsinn-gruene-und-spd-attackieren-sarrazin-massiv-a-714375.html>

⁵ Siebold S. Merkel says German multiculturalism has failed // *Reuters*, October 17, 2010. URL: <https://www.reuters.com/article/us-germany-merkel-immigration-idUSTRE69F1K320101016>; Falloon M. Multiculturalism has failed in Britain – Cameron // *Reuters*, February 5, 2011. URL: <https://www.reuters.com/article/uk-britain-radicalisation-idUKTRE71401G20110205>; Heneghan T. Sarkozy joins allies burying multiculturalism // *Reuters*, February 11, 2011. URL: <https://www.reuters.com/article/us-france-sarkozy-multiculturalism-idUSTRE71A4UP20110211>.

Мафаалани. Это, по его мнению, «отодвигает» мусульманскую группу населения на социальную обочину жизни, создаёт почву и обоснование для их «закапсулированности» вместо вовлечения в городское сообщество [Аладин Эль-Мафаалани, 2020: 52].

Представляют интерес рассуждения Эль-Мафаалани об исламе и его месте в «открытом» обществе. «Фазой взаимного отчуждения» называет автор нынешнее положение дел, акцентируя внимание на усилении опасной динамики в мусульманской среде – к радикализации и закрытости, а также к растущему стремлению мусульман самоидентифицироваться по религиозному признаку (или наоборот – нарочито отрицать значимость религиозной принадлежности). Как проявление сбалансированного подхода к обсуждению проблемы воспринимается тезис автора об «уязвимости открытого общества». Однако, по Эль-Мафаалани, речь не идёт об «исламизации» западного общества. Решение дилеммы автор видит в том, что «мусульмане должны переместиться с обочины общества в центр» [А. Эль-Мафаалани, 2020:102].

И здесь вновь сделаем небольшое отступление от книги и обратимся к американскому опыту – в качестве примера того, как эту идею определили своей стратегией в последние годы арабоамериканские мусульмане. При этом, что характерно, первопричиной их активизации была не проблема религиозной самоидентификации. Это стало ответом сообщества на нарастание исламофобии (как в консервативном, так и либеральном контексте) и формирование «антимусульманского уклона» внутривнутриполитической повестки Д. Трампа (к этой краткой формулировке можно свести восприятие в сообществе особенностей иммиграционной политики 45-го президента США). Однако едва ли не большее значение имела озабоченность отсутствием собственной политической силы, способной защитить их гражданские права, и почти нулевое влияние мусульман на общественный климат и повестку дня. Это подтолкнуло арабоамериканцев к целенаправленному повышению активности «на местах» – в штатах с высоким процентом этнических выходцев с Ближнего Востока, участием в промежуточных выборах в Конгресс США и мощной электоральной вовлечённости. Феномен этой специфической волны «американского исламизма» заключался в том, что исламский фактор, который находился «в тени», а фактически – отсутствовал в общественном дискурсе с 2001 г., к 2016 г. сделался не только заметным, но и реально набирающим влияние [Шумилина И.В. 2019: 76-83]. В то же самое время это, в свою очередь, подпитывало и изобретателей теорий антимусульманских заговоров [2].

Представляется адекватным тезис Эль-Малаафани относительно допустимости критики религиозных догм в исламе. Он полагает, что камнем преткновения общественных дискуссий является поверхностный подход в обсуждениях собственно исламской составляющей, и это в свою очередь сводит на нет содержательность дискуссий ввиду «отсутствия конкретизации критикуемого объекта». Автор имеет в виду, что зачастую обсуждение «исламской темы» сво-

дится к огульным обвинениям – без важных нюансов и разграничений. Если речь идёт об экстремистах и радикалах, способных поколебать жизнеспособность открытого общества, – это один дискурс, уточняет автор. А если об «умеренных» мусульманах – это совершенно другой вектор рассуждений. На практике, как правило, критика выливается в пространные обобщения, тем самым отвергая мусульман лишь по религиозному признаку, но подталкивая их к тяготению в сторону «клановости», а в конечном счёте – к атомизации общества.

«ОТКРЫТОЕ ОБЩЕСТВО» КАК КРАЕУГОЛЬНЫЙ КАМЕНЬ ГЛОБАЛЬНОГО МИРА

Тема *«открытого общества»*, которое существует в так называемых «миграционных странах» (а по сути – во всех индустриально и экономически развитых странах) проходит красной нитью через всё исследование Эль-Мафаалани. Автор несколько раз возвращается к идее о том, что принципы, заложенные в основу “открытого общества”, стали настолько глобальными, что “их уже невозможно географически локализовать” [А. Эль-Мафаалани, 2020:167]. Культура (в широком понимании) начинает играть особую роль. Наряду с этим растёт и противостояние распространяющейся “культурной глобализации” – в виде усиления правопопулистских идей и националистических настроений. И действительно, в подтверждение этого тезиса достаточно вспомнить усиление влияния таких партий как “Альтернатива для Германии”, высокие рейтинги которой говорят сами за себя⁶ или французского «Национального фронта»⁷. Не менее ярко, на наш взгляд, это высвечивается через события американской внутривнутриполитической жизни «эпохи Трампа». Достаточно вспомнить, например, марши и факельные шествия альтернативных правых и сторонников «расового реализма» в Шарлоттсвилле в августе 2017 г. Приведшие к кровавым столкновениям и широким общественным дебатам вокруг миграционных и расовых проблем [Шумилина И.В. 2018:152-157] эти события считаются едва ли не отправной точкой последующих столкновений на расовой почве.

Утверждение *«интеграция побеждает расизм»* в корне неверно, пишет Эль-Мафаалани. Вновь прибегнув к метафоре «общего стола», он констатирует, что напряжённость между «сидящими» за ним людьми только возрастает по мере

⁶ АдГ на сегодняшний день считается одной из оппозиционных сил, влияние которой трудно игнорировать – её представители вошли в парламенты всех федеральных земель Германии.

⁷ 35 % французских голосовали за партию «Национальный фронт» в 2021 году по сравнению с 30% в 2017 – см. RADIOSCOPIE DE L'ÉLECTORAT DU RASSEMBLEMENT NATIONAL À UN AN DE L'ÉLECTION PRÉSIDENTIELLE DE 2022 // Institute D'Etudes Opinion et Marketing en France et A L'International, 29/03/2021. URL: <https://www.ifop.com/publication/radioscopie-de-lelectorat-du-rassemblement-national-a-un-an-de-lelection-presidentielle-de-2022/>.

увеличения их разнообразия. А поскольку расизм чаще всего носит неосознанный характер, то дилемма «свой – чужой» всякий раз разрешается индивидуально: через проявление любопытства (тогда складывается дружелюбное общение) или задействие наступательной позиции (негативное). Как только «другие» становятся заметнее (увеличивается их число или возрастает активность), конфликтность в обществе нарастает – на базе тревоги по поводу возможных угроз традиционным ценностям. И наоборот: когда группа «чужих» слишком мала, нарастает дезинтеграция. Таким образом, просматривается дуализм толкования связи: «расизм – интеграция» *vs* «расизм – дезинтеграция», а надежда на искоренение расизма вследствие успешного и полного вхождения в общество, по Эль-Мафаалани, не более чем «наивно-романтические представления» [А. Эль-Мафаалани, 2020: 65].

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Как же справляться с этими проблемами, если исходить из устоявшихся, но, как считает Эль-Мафаалани, устаревших стратегий? Тех установок, что не только не способны обеспечить движение вперёд, но и толкающих общество в обратном направлении, то есть к социальной и культурной закрытости. В основе этого, утверждает он, «национализм, регионализм и религиозный фундаментализм», где общее для них – доминирование одной нации [А. Эль-Мафаалани, 2020:166]. Для точного понимания проблемы он упоминает концепт С. Хантингтона – вроде бы в противовес теории немецкого социолога и культуролога А. Реквитца. Однако, поясняя основные мысли, демонстрирует, что, по существу, рассуждают они в близком ключе. Если С. Хантингтон писал в своём известном геополитическом трактате о неизбежности конфликтов и столкновении культур и их носителей⁸, то А. Реквитц утверждает, что наблюдается «война культур», а проблему следует искать в самой сути понятия «культура» и – соответственно – в борьбе за присущие ей ценности. По Реквитцу, культурные вопросы становятся ещё важнее, так как сегодня они более заряжены политикой идентичности [Gerwein T., 2019]. Суть сегодняшних расхождений заключается в оценке самого факта разнообразия культур в современном обществе – *благо это* (и возможность «комбинировать» идентичности, создавая гибридную модель – гиперкультуру) *или нет* (сторонники этой линии – культурного эссенциализма, по его определению, настаивают на возвращении «старых стандартов и убеждений, обязательных для всех») [Gerwein T., 2019]. Таким образом, считает Эль-Мафаалани, Реквитц, по сути, имеет в виду борьбу сторонников и противников «открытого общества»; актуальность

⁸ «..наиболее масштабные, важные и опасные конфликты произойдут не между социальными классами, бедными и богатыми, а между народами различной культурной идентичности». [Хантингтон С., 1996].

же политических споров, ведущихся ныне на эту тему, несомненна, заключает он. Это происходит повсеместно – будь то США или Европа – на фоне культурной глобализации, но и ощутимого идейного сдвига в правый популизм. Тем самым, Аладин Эль-Мафаалани, по сути, выделяет *важнейший момент своего исследования* – борьбу между теми, кто отстаивает ценности «открытого общества», и теми, кто «против» этого.

Проект Д. Трампа по возведению заградительной стены на границе с Мексикой в русле идеи «решения миграционных проблем» на самом деле – не что иное, как символ изоляции и прямой путь к закрытости, по мнению автора. Сторонниками слогана президентства Трампа «Сделаем Америку снова великой» (*Make America Great Again*) заявили себя представители разных групп населения, которых объединяло стремление к закрытости общества и принадлежностью к движению *backlash*⁹. Эль-Мафаалани уверен, что выбранный ими путь непродуктивен и сводится к желанию повернуть вспять процесс роста вовлечённости «обделённых групп» в полноценное функционирование общества [А. Эль-Мафаалани, 2020: 177-179].

К прогрессу приводят дискуссии и конструктивные споры, порождённые попытками осмысления современной полной конфликтов реальности и исторического опыта всех эпох – итог размышлениям Мафаалани. «Без конфликтов не может быть социального прогресса и продвижения вперед», – считает учёный [А. Эль-Мафаалани, 2020: 181].

Отметим также в заключение, что ответа на один из важнейших вопросов и вызовов современности – как наименее болезненно для самих иммигрантов и принимающих их обществ пройти путь интеграции – не существует. В аналитической оптике Эль-Мафаалани – основанной на контексте европейских проблем интеграции мигрантов – отражаются наиболее важные стороны этой общей для всех миграционных стран проблемы. В США «парадокс интеграции», как видится, уже проложил путь к некоторым переменам. Динамика процесса прослеживается в активности арабоамериканцев, положительные результаты которой сообщество рассчитывает нарастить в каденцию Дж. Байдена – 46-го президента США, огласившего многообещающую перспективу для мусульманско-американских общин ещё в период своего кандидатства [3]. В заявленной им «Повестке дня для мусульманско-американских общин» выражалась готовность к тесному сотрудничеству, подкреплённая обещаниями соблюдать законные права и интересы этой группы населения, уважать разнообразие общин, удовлетворять их жизненные потребности. По сути, этой программой тандем Байден –

⁹ American Backlash – движение, основанное на системе взглядов, выражающих негативную реакцию части американцев (в основном – белых протестантов) в отношении иммигрантов, основанное на опасении, что последние влияют на американский «культурный код», меняя «подлинную американскую культуру». См. подробнее об этом, например, в отношении латиноамериканских иммигрантов: Tirman J. *Dream Chasers: Immigrations and American Backlash* – MA, Cambridge: The MIT Press. 2015. 216 p.

Харрис заявил не только американским мусульманам, но и обществу в целом о намерении полностью убрать из повестки дня конфронтационную идею об «исламской угрозе»¹ и заменить ее на возрожденную «Америка – гостеприимный маяк надежды» [3].

ИСТОЧНИКИ

1. Merkel Speaks Out against Sarazzin. 'When Turks Have Problems, I Am Their Chancellor, Too' // *Spiegel*, 03.09.2010. Available at: <https://www.spiegel.de/international/germany/merkel-speaks-out-against-sarrazin-when-turks-have-problems-i-am-their-chancellor-too-a-715522.html>. (accessed 29.05.2019)

2. Running on Hate. 2018 Pre-election Report. Muslim Advocates. October 22, 2018. Available at: <https://www.muslimadvocates.org/files/RunningOnHateReportFINAL.pdf> (accessed 29.05.2019).

3. Joe Biden's Agenda for Muslim-American Communities. Biden – Harris. Available at: <https://joebiden.com/muslimamerica/> (accessed 12.03.2022).

4. Sarrazin T. "Deutschland schafft sich ab: Wie wir unser Land aufs Spiel setzen". Deutshe Vertags-Anstalt. 2010. 464 S.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М: АСТ, 1996. 576 с.

Шумилина И.В. 2018. Шарлоттсвилль: «внутренний терроризм» в США. Трамп «оживил» правых радикалов /Евро-Атлантика сегодня: ближневосточные вызовы. Науч. ред. Шумилин А.И. Москва: Международные отношения, 208 с.

Шумилина И.В. 2019. Исламофобия в американском контексте // *Мировая экономика и международные отношения*, том 63, №11, с. 76-83.

Эль-Мафаалани А. Парадокс интеграции. Почему успешная адаптация мигрантов приводит к новым конфликтам. Москва: Новое литературное обозрение, 2022. 216 с.

REFERENCES

Aladin El-Mafaalani. The Paradox of Integration. Why Successful Adaptation of Migrants Leads to New Conflicts. Moscow. New Literary Review 2020. 216 p.

Bade Klaus J. 2017. Migration – Flucht – Integration. Kritische Politische Begleitung von der 'Gastarbeiterfrage' bis zur 'Flüchtlingskrise'. Karlsruhe: von Loeper.. 616 p.

Gerwein T. Sehnsucht nach früher, gespaltene Mittelschicht: Soziologe Andreas Reckwitz erklärt die politische Unruhe in Europa // *Stern*, 13.05.2019. Available at: <https://www.stern.de/gesellschaft/rechtspopulismus--andreas-reckwitz-erkluert-europas-politische-unruhe-8705006.html> (accessed 12.03.2022).

Samuel P. Huntington. The Clash of Civilizations and the Remarking of World Order. M.: AST. 1996.

I. Shumilina. Charlottesville: "domestic terrorism" in the US. Trump revived right-wing radicals / Euro-Atlantic Today: Middle East Challenges. Moscow: Publishing House 'International Relations', 2018.

I. Shumilina. Islamophobia in American Context // *MEMO Journal*, 2019, Т. 63, No.11, p. 76-83.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ШУМИЛИНА Инна Викторовна,
кандидат политических наук, старший
научный сотрудник Института США и
Канады РАН (ИСКРАН).
Российская Федерация 121069, Москва,
Хлебный пер.2/3.

Inna V. SHUMILINA, Candidate of Sci-
ences (Political), Senior Researcher, Insti-
tute for the U.S. and Canadian Studies,
Russian Academy of Sciences (ISKRAN).
2/3 Khlebny per., Moscow 121069, Rus-
sian Federation

Статья поступила в редакцию / Received 17.03.2022.

Поступила после рецензирования / Revised 23.03.2022.

Статья принята к публикации / Accepted 25.03.2022.

**МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АКАДЕМИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ГУМАНИТАРНЫХ НАУК
ФАКУЛЬТЕТ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

Лицензия на право ведения образовательной деятельности
серия 90Л01 № 0009385 от 09.08.2016 г.

Свидетельство о государственной аккредитации № 3207 от 24.07.2019 г.

Объявляет приём студентов на первый курс (2022/2023 уч. г.) очного (дневного) отделения:

по направлениям **БАКАЛАВРИАТА** (срок обучения – 4 года)

- **«Международные отношения»**, направление подготовки: 41.03.05, профиль «Международная безопасность» **(30 контрактных мест)**
- **«Зарубежное регионоведение»**, направление подготовки: 41.03.01, профиль «США и Канада» **(10 бюджетных мест: 1 место - целевое; 1 место - особое право; 8 мест - общий конкурс; контрактных мест - 30)**

Приём проводится на основе конкурса по результатам ЕГЭ по предметам:

- История России
- Иностранный язык
- Русский язык

по направлению **МАГИСТРАТУРЫ** (срок обучения – 2 года)

- **«Зарубежное регионоведение»**, направление подготовки: 41.04.01, профиль «Американские исследования». **(3 бюджетных места: 1 место - особое право, 2 места - общий конкурс; контрактных мест - 10)**

Приём в магистратуру проводится на основе конкурса по результатам сдачи экзамена по зарубежному регионоведению и итогам собеседования.

Приём документов онлайн с регистрацией на сайте priem.gaugn.ru

- бакалавриат – с 20 июня 2022 г.
- магистратура - с 01 июля 2022 г.

Телефон для справок: 8 (499) 238-04-12; 8 (495) 915-33-82 доб. 103, 404; 8 (962) 927-32-69.

Абитуриенты представляют в приемную комиссию:

документ или копию документа о среднем (полном) образовании,
копию паспорта
4 фотографии 3x4 см,
для льготных категорий – документы, удостоверяющие льготы
медицинскую справку (форма 086/у).

- Сайт ИСКРАН: www.iskran.ru
- Сайт ГАУГН: www.gaugn.ru
- Электронный адрес: worldpolitics@gaugn.ru

Факультет мировой политики (ФМП) ГАУГН основан в 2000 г. на базе **Института США и Канады РАН (ИСКРАН)** – ведущего российского и мирового научного центра в области американских исследований, канадоведения, международных отношений и международной безопасности. Декан факультета – научный руководитель ИСКРАН, академик РАН, профессор, С.М. Рогов. Факультет входит в структуру Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН) – высшего учебного заведения, созданного благодаря сотрудничеству Российской академии наук и Министерства науки и высшего образования Российской Федерации. Президент ГАУГН – академик РАН, профессор, Председатель Общественного совета при Министерстве науки и высшего образования, А.О. Чубарьян, ректор – кандидат исторических наук, доцент Д.В. Фомин-Нилов. В ГАУГН действуют 10 факультетов, каждый из которых базируется в профильном институте РАН.

Учебные планы и программы обучения, составленные в соответствии с ФГОС 3++ по направлениям бакалавриата и магистратуры «Зарубежное регионоведение» и «Международные отношения», предусматривают изучение общих гуманитарных, естественно-научных, профессиональных и специальных дисциплин, предметов по выбору студента, а также факультативных дисциплин.

Специфика ИСКРАН, активно участвующего в процессе формирования внешней политики России, даёт студентам факультета уникальную возможность приобщиться к практике экономического и политического анализа и консультирования, ориентированных на реализацию внешнеполитических интересов России.

Основу профессорско-преподавательского состава ФМП составляют научные сотрудники Института США и Канады РАН. Многие из них имеют многолетний опыт научной и педагогической работы в МГИМО(У) МИД РФ, МГУ, МГЛУ, а также ведущих университетах США и стран Западной Европы.

**МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
НАУКИ
ИНСТИТУТ СОЕДИНЁННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ И КАНАДЫ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

*Лицензия на осуществление образовательной деятельности
№ 0244 от 25.07.2012 г.*

Свидетельство о государственной аккредитации № 2445 от 22.12.2016 г.

**Объявляет приём аспирантов на 2022/2023 учебный год
(форма обучения – очная, срок обучения – 3 года)
по направлениям (научным специальностям):**

- **«Политические науки и регионоведение»**, направление подготовки 41.06.01:
 - научная специальность 5.5.2 «Политические процессы, институты и технологии» **(3 места по договору об оказании платных образовательных услуг)**;
 - научная специальность 5.5.4 «Международные отношения» **(3 места по договору об оказании платных образовательных услуг)**.
- **«Экономика»**, направление подготовки 38.06.01:
 - научная специальность 5.2.5 «Мировая экономика» **(1 бюджетное место; 3 места по договору об оказании платных образовательных услуг)**.

Сроки приёма документов – с 15 августа по 9 сентября 2022 г.

Документы, необходимые для поступления, представляются поступающим в организацию одним из следующих способов:

- Лично по адресу: г. Москва, Хлебный переулок, д. 2/3;
- Через операторов почтовой связи по адресу: 121069, г. Москва, Хлебный переулок, д. 2/3;
- В электронной форме на информационно-образовательном портале ИСКРАН по ссылке: <http://edu.iskran.ru/aspirantura/priem-dokumentov/>

Поступающие предоставляют в приёмную комиссию: оригинал или копию документа об окончании магистратуры или специалитета; копии паспорта, СНИЛС и ИНН; 2 фотографии 3x4 см; реферат по выбранному направлению подготовки; индивидуальные достижения.

Вступительные испытания: экзамен по специальной дисциплине и собеседование по реферату; экзамен по английскому языку.

Сроки проведения вступительных испытаний: с 12 по 29 сентября 2022 г.

Сайт ИСКРАН: www.iskran.ru

Телефон для справок: 8 (495) 691-11-66; 8 (495) 915-32-27, доб. 406.

Электронный адрес: aspirantura@iskran.ru

Институт США и Канады РАН (ИСКРАН) – ведущий российский и мировой научный центра в области американских исследований, канадоведения, международных отношений и международной безопасности. Директор ИСКРАН – доктор исторических наук, профессор В.Н. Гарбузов. Научный руководитель ИСКРАН – академик РАН, профессор С.М. Рогов. Специфика ИСКРАН, активно участвующего в процессе формирования внешней политики России, даёт аспирантам уникальную возможность приобщиться к практике экономического и политического анализа и консультирования, ориентированных на реализацию внешнеполитических интересов России.

Основу профессорско-преподавательского состава аспирантуры составляют научные сотрудники Института США и Канады РАН. Многие из них имеют многолетний опыт научной и педагогической работы в МГИМО(У) МИД РФ, МГУ, а также ведущих университетах США и стран Западной Европы.

Информация для авторов

Редакция принимает материалы, соответствующие тематическому профилю журнала, отвечающие международным стандартам научных публикаций и оформленные в соответствии с установленными правилами. Рукопись должна представлять результаты оригинального авторского исследования, изложенные в научном стиле. Объём принимаемых к рассмотрению статей до 45 тыс. знаков, рецензий – до 15 тыс. знаков.

К статье должны прилагаться: информативная аннотация (200–250 слов), ключевые слова и подробные данные об авторе (полностью фамилия, имя, отчество, степень, учёное звание, должность и полное название места работы, адрес организации с индексом, e-mail). При этом аннотация представляет собой резюме, подробный пересказ содержания и выводов статьи. В аннотации следует избегать использования словосочетаний вроде «в статье рассматривается», «автор считает» и пр. Под ключевыми словами подразумеваются наиболее часто упоминающиеся в работе понятия и термины.

Вся прилагаемая информация должна быть продублирована на академическом английском языке. *Бумажная версия* печатается на одной стороне листа (шрифт *Arial*, кегль 12, интервал полуторный, поля слева и справа по 3 см). Автор индексирует свою статью по Универсальной десятичной классификации (УДК). Обязательно наличие у автора цифрового идентификатора ORCID. Его можно оформить на сайте <http://orcid.org/>.

Электронная версия представляется в форматах *doc*, *docx* или *rtf*. Текст статьи и вся сопровождающая информация представляется в одном файле в следующем порядке: название статьи (русск., англ.), аннотация (русск., англ.), ключевые слова (русск., англ.), полная информация об авторе (русск., англ.), текст статьи, библиографический список.

Отсутствие библиографического списка может стать причиной отказа в регистрации статьи. Материалы для рубрик "Размышляя над прочитанным" и "Книжная полка" могут не содержать библиографический список. На каждый источник из списка обязательна ссылка в тексте.

Полные библиографические описания даются в списке литературы, размещённом после текста статьи. В список включаются ссылки на статьи из научных периодических изданий и монографии. Этот список состоит из двух частей: на русском и английском языках ("Список литературы" и "References" соответственно). Англоязычная часть содержит перевод и транслитерацию названий русскоязычных источников на английский язык (см. сайт: <http://translit.net/>). Транслитерация производится по системе Библиотеки Конгресса США (ALA-LC).

Отсылки в тексте заключаются в квадратные скобки и содержат фамилию автора (авторов), год издания, номера цитируемых страниц; допускается частичная замена длинных заглавий многоточием.

1. При описании книг указываются в следующем порядке: фамилия и инициалы автора, год издания, название (*курсивом*), город издания, издательство, количество страниц.

2. Если книга написана коллективом авторов, на первое место выносится её название, после года издания в круглых скобках указывается редактор, редактор-составитель и т.п.

3. При описании переводной книги следует указать сначала ссылку на оригинальное издание, а затем – на издание русского перевода (если русское издание не является оригинальным составным сборником трудов иностранного автора).

4. Ссылки на информационные, официальные и прочие источники, в том числе на интернет-ресурсы, не являющиеся научно-аналитическими материалами (законы, материалы слушаний, выступления и обращения официальных лиц, статистические источники, материалы прессы), следует приводить в разделе "Источники", который размещается после текста статьи перед списком литературы. Ссылки в этом разделе нумеруются, отсылки к ним в тексте имеют вид номера публикации в квадратных скобках.

5. Публикации в разделах "Источники" и "Список литературы/References" приводятся в алфавитном порядке.

Примеры отсылок в тексте статьи: [1] – на публикацию в разделе "Источники", [Иванов И.И. 2001: 25] – на публикацию в разделе "Список литературы".

Все таблицы и рисунки должны быть пронумерованы, иметь заголовки и ссылки в тексте. Данные, заимствованные из другого источника, сопровождаются библиографической ссылкой. Весь графический материал принимается только в редактируемом виде (не картинками!).

Все присланные в Редакцию материалы отдаются на рецензирование.

Плата за публикацию не взимается.

Дополнительные варианты оформления ссылок и библиографии авторы могут найти на страницах журнала и на сайте <http://www.iskran.ru/journal.php>.

За разрешением на перепечатку или перевод опубликованных в нашем журнале материалов обращаться в Редакцию.

Все статьи журнала размещаются в базе данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ). Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий Высшей аттестационной комиссии (ВАК). С декабря 2015 г. журнал входит в базу *Russian Science Citation Index (RSCI)* на платформе *Web of Science*.